ISSN 0321-3056
DOI 10.23683/0321-3056

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

45 лет

Северо-Кавказский регион

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2018 2

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.Е. Закруткин, В.С. Золотарёв, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимурадов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Пятигорский государственный университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Северо-Кавказский федеральный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, Южно-Российский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 22.06.2018. Выход в свет 27.06.2018.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,13. Уч.-изд. л. 21,53.
Тираж 250 экз. Заказ № 6460

Адрес редакции и издателя (для переписки):
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

© Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион, 2018

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders

Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State Technical University, Dagestan State University, Don State Technical University, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Kuban State University, Kuban State Technological University, Pyatigorsk State University, Rostov State Transport University, Rostov State University of Economics, Khetagurov North Ossetian State University, North Caucasus Federal University, Platov South Russian State Technical University, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the President of the Russian Federation, Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print 22.06.2018. The publication 27.06.2018.
Format 60×84 1/8. Offset paper.
Conv. print. sheets 18.13. Publ. sign. 21.53.
Edition 250 copies. Order number 6460

Address editorial board and the publisher (for correspondence):
344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address editorial board of the series "Social Sciences":
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; (863) 218-40-00 ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

© Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region, 2018

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2018-2

Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации
по печати
Научно-образовательный
и прикладной журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 2 (198) 2018 г.

Reg. No. 011018
Of the Russian Federation Committee
for the Press
Educational-research journal
of applied sciences
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 2 (198) 2018

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Обращение к читателям…….. 4

To Readers ……..... 4

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Гришанова Е.В. Эстетическая и этическая стороны комического в процессе развития общества……..... 6

Grishanova E.V. Aesthetic and Ethical Sides of the Comic in the Process of Society Development ……. 6

Драч Г.В. У истоков ростовской школы культурологии: Э.С. Маркарян и М.К. Петров…… 11

Drach G.V. At the Origins of the Rostov School of Culturology: E.S. Markaryan and M.K. Petrov... 11

Липец Е.Ю. Ростовская философско-культурологическая школа: наука и образование… 17

Lipets E.Yu. Rostov Philosophical and Cultural Studies School: Science and Education…….. 17

Сарикек Г.Р. Искусство XXI века как часть общества комфорта (философско-эстетический анализ)… 22

Sarikek G.R. Art of the 21st Century as a Part of the Comfort Society (Philosophical-Aesthetic Analysis)... 22

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

Апрыщенко В.Ю., Лагошина Н.А. Ирландские и шотландские мигранты в Лондоне XVIII века… 28

Apryshchenko V.Yu., Lagoshina N.A. The Irish and Scottish Migrants in London in the 18th Century.. 28

Венков А.В. Переговоры представителя южнорусского правительства и Верховного круга Дона, Кубани и Терека П.М. Агеева с Комитетом освобождения Черноморской губернии в 1920 году…….. 34

Venkov A.V. The Negotiations of the Representative of the South Russian Government and the Supreme Krug of the Don, Kuban and Terek P. M. Ageev with the Committee For the Liberation of the Black Sea Region in 1920…… 34

Гасанов М.Р., Султанбеков Р.М., Мугутдинова Н.Ш. Некоторые проблемы организации управления воспроизводством кадров в Дагестане (70–80-е гг. XX в.)……. 43

Gasanov M.R., Sultanbekov R.M., Mugutdinova N.Sh. Some Problems of Man-Resources Reproduction Management in Dagestan (70-80s of 20th Century)…….. 43

Дмитриева Н.В. Имперская национальная политика в либеральной общественной мысли конца XIX – начала XX века (на примере Великого княжества Финляндского)……..… 47

Dmitrieva N.V. Imperial National Politics in the Liberal Public Thought of the End of the 19th - the Beginning of the 20th Century (On the Example of the Great Nation of Finland)……..…. 47

Карташева О.А., Климова Н.Ю., Черахчиева А.А. Роль памятников истории и культуры федерального значения в развитии экскурсионного туризма…… 52

Kartashova O.A., Klimova N.Yu., Cherakhchieva A.A. The Role of Monuments of History and Culture of Federal Significance in the Development of Excursion Tourism……... 52

Козлов С.С. К истории церквей и кладбищ города Нахичевани-на-Дону..……. 60
Лу Сяоин. Культурный обмен и научно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем в 1992–1996 годах……. 65
Мининкова Л.В. Описания России иностранными авторами XVII века в свете идеи природно-географического детерминизма…… 69
Мирошников А.В., Шишкина И.Б. Семантика ирландского национализма…… 76
Нарежный А.И. Н.М. Карамзин о польском вопросе…… 82
Сень Д.В. Крымское ханство в конце XVII – начале XVIII века: внешняя и внутренняя политика в условиях новых исторических «вызовов»……... 88

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ

Кислицын С.А. Прикладная геополитика России: история формирования и современное состояние ……..... 96
Узнародов Д.И., Узнародов И.М. Политика Европейского союза в Черноморском регионе в контексте отношений с Россией……..…….. 108

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белоусов В.М. Геоэкономические проблемы Юга России в контексте безопасности позиционирования сопредельных государств…..... 117
Евченко Н.Н. Международная иммиграция в Россию из стран СНГ: динамика и региональная дифференциация……..… 127
Полякова И.А., Чернышева Ю.Г. Инвестиционная привлекательность субъектов Южного федерального округа: информационно-аналитические аспекты ……..…… 136

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Акоп Жораевич Арутюнян ……. 142
Казарова Н.А., Кокин А.В., Лубский А.В., Понеделков А.В., Петрова С.В. Сергей Алексеевич Кислицын ……..….. 144
Юрий Семенович Колесников …….. 145

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Агафонов А.И. Воспоминание о будущем (Историки Ростовского университета : сб. биограф. очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : ЮФУ, 2017. 283 с.).…..… 146
Ибрагимов А.И., Койбаев Б.Г. О проблемах национальной политики современной России на Северном Кавказе (Дзидзоев В.Д., Гаджиев М.М. Национальная политика постсоветской России на Северном Кавказе и проблемы выхода из кризиса. Владикавказ : Ир, 2017. 342 с.)……..……. 154
Рекомендации по оформлению транслитерации (References)……..…. 156

Kozlov S.S. To the History of Churches and Cemeteries of the City of Nakhichevan-on-Don... 60
Lu Xiaoying. Cultural Exchange and Scientific and Technical Cooperation Between Russia and China in 1992-1996…… 65
Mininkova L.V. Russian Descriptions of Foreign Authors of the 17th Century in the Light of the Idea of Natural-Geographical Determinism…..… 69
Miroshnikov A.V., Shishkina I.B. Semantics of Irish Nationalism…… 76
Narezhny A.I. N.M. Karamzin on the Polish Question……. 82
Sen' D.V. Crimean Khanate in the Late 17th - the Beginning of the 18th Century: Foreign and Domestic Policy under the New Historical "Challenges"…. 88

HISTORY AND MODERN GEOPOLITICS OF RUSSIA

Kislitsyn S.A. Applied Geopolitics of Russia: History of Formation and the Current State……..……...…… 96
Uznarodov D.I., Uznarodov I.M. Politics of the European Union in the Black Sea Region in the Context of Relations with Russia ……..…… 108

ECONOMIC SCIENCE

Belousov V.M. Geoeconomic Problems of the South of Russia in the Context of the Security of Positioning of Neighboring Countries……..……. 117
Yevchenko N.N. International Migration to Russia from the CIS Countries: Dynamics and Regional Differentiation …… 127
Poliakova I.A., Chernysheva J.G. Investment Attractiveness of Subjects of Southern Federal Disrict: Informational and Analytical Aspects ……..... 136

OUR PERSONS

Akop Zhoraevich Harutyunyan ……. 142
Kazarova N.A., Kokin A.V., Lubsky A.V., Ponedelkov A.V., Petrova S.V. Sergey Alexeyevich Kislitsyn ……..…… 144
Yury Semenovich Kolesnikov …….. 145

BOOKS REVIEW

Agafonov A.I. Memories about the Future (Historians of the Rostov University: Collected Biography Essays. Compiled by N.A. Kazarova and S. A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU, 2017. 283 p.)…….... 146
Ibragimov A.I., Koibaev B.G. On the Problems of the National Policy of Modern Russia in the North Caucasus (Dzidzoev V.D., Gadzhiev M.M. The National Policy of Post-Soviet Russia in the North Caucasus and the Problems of Overcoming the Crisis. Vladikavkaz: Ir, 2017, 342 p.)……..…… 154
Recommendations for the Design of Transliteration (References)……..……. 156

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья! Нашему журналу в этом году исполняется 45 лет. Учрежден он был в 1972 г. под названием «Известия СКНЦ ВШ» (первые номера вышли в 1973 г.). В тот период необходимость в издании, в котором были бы отражены идеи и концепции научно-технической и образовательной политики в регионе, с точки зрения государства приобрела особую актуальность. По замыслу учредителей и чл.-кор. РАН Ю.А. Жданова, бессменного руководителя журнала (1972–2006 гг.), главной задачей издания было освещение достижений фундаментальных и прикладных исследований в области общественных, естественных и технических наук. Основные научные направления и тематика исследований впервые на страницах трех серий журнала были соотнесены с общей картиной развития науки и экономики Северного Кавказа.

За 45 лет журнал прошел непростой путь. 90-е гг. XX в. потребовали огромных усилий в преодолении вызовов времени. Изменилась не только деятельность журнала, но и его название, несколько раз менялась периодичность. Редакция из-за финансовых трудностей вынуждена была перейти к системе платных публикаций, изменить число и состав учредителей. Благодаря моральной и материальной поддержке Министерства образования, вузов Северного Кавказа, Южного федерального университета, Южно-Российского государственного технического университета им. М.И. Платова журнал выстоял. Редакционный портфель по-прежнему наполняется материалами, охватывающими широкий спектр проблем современной науки. В журнале публикуются работы авторов не только Северо-Кавказского региона, но и Москвы, Санкт-Петербурга, Дальнего Востока, Алтая, ближнего и дальнего зарубежья. Ученые откликаются на наиболее актуальные проблемы науки и вузовского образования. Сохраняется заложенная еще Ю.А. Ждановым традиция бережного отношения к авторам, обратной связи с ними. Как и раньше, мы открыты для широкого научного сотрудничества и дискуссий по различным проблемам.

Сегодня стратегия развития журнала направлена на совершенствование редакционно-издательской политики, повышение качества публикаций, выход на международный уровень, достижение максимальной степени интеграции в международное научно-образовательное пространство в соответствии с мировыми стандартами и требованиями. Журнал включен в Перечень изданий, рекомендуемых ВАК для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ (RSCI), «Киберленинка», «Руконт», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Отметим, что многие годы члены редакционной коллегии добросовестно и совершенно бескорыстно участвуют в жизни журнала, оказывая ему помощь и тщательно рецензируя статьи и другие материалы, повышая качество публикаций и способствуя в конечном счете повышению научного уровня журнала. Их имена вы можете увидеть на обложке, но хочется особо отметить деятельность многолетнего и бессменного руководителя серии общественных наук В.С. Золотарева, заместителя главного редактора Е.Г. Гежи (2002–2015 гг.), ответственного секретаря Н.И. Безверхой (1993–2013), членов редколлегии В.М. Белоусова, Л.И. Ниворожкиной, Ю.С. Колесникова, Г.В. Драча, Г.Ф. Карповой, В.В. Черноуса, О.М. Штомпеля, Н.А. Мининкова, И.М. Узнародова, В.Ю. Апрыщенко, Н.Н. Евченко, Н.В. Изотовой, рецензентов и постоянных авторов А.В. Венкова, А.И. Агафонова, Д.В. Сеня, С.А. Кислицына, В.Д. Дзидзоева, С.Г. Тяглова и многих других.

Поздравляю авторов, читателей и почитателей журнала, членов редколлегии, рецензентов, сотрудников редакции и всех, кто имел и имеет отношение к деятельности нашего издания, со знаменательной датой – 45-летием журнала! От всей души желаю всем здоровья и процветания, а журналу – дальнейшего развития на благо российской науки!

Главный редактор журнала
Владимир Иванович Колесников,
доктор технических наук, профессор, академик РАН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 117.39.4:16.162.2 DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-6-10

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ СТОРОНЫ КОМИЧЕСКОГО В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

© 2018 г. Е.В. Гришанова [a]
[a] *Донецкий национальный университет, Донецк*

AESTHETIC AND ETHICAL SIDES OF THE COMIC IN THE PROCESS OF SOCIETY DEVELOPMENT

E.V. Grishanova [a]
[a] *Donetsk National University, Donetsk*

Гришанова Екатерина Валерьевна – аспирант,
Донецкий национальный университет,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001.
E-mail: katyushka.0312@mail.ru

Ekaterina V. Grishanova - Postgraduate,
Donetsk National University,
Universitetskaya St., 24, Donetsk, 83001.
E-mail: katyushka.0312@mail.ru

Выделяются подходы различных мыслителей к проблеме комического. Анализируются особенности эстетической и этической стороны понятия комического в социокультурном измерении различных эпох. Рассматривается смех как универсальный феномен на уровне социокультурного фактора, а также этическая основа смеха, имеющая существенное значение для раскрытия особенностей как собственно комического, так и нравственного в процессе развития общества, теоретическое осмысление комедии, которое легло в основу последующих эстетических концепций комического. Предполагается, что явление комического входит в предметное поле многих наук и объединяет различные уровни смешного – от языковой игры до глобальных философских построений, а эстетическая и этическая стороны комического выступают одним из важнейших компонентов социального коммуникативного процесса.

Ключевые слова: *смех, юмор, понятие комического, эстетические категории, этические категории, безобразное, прекрасное.*

The approaches of various thinkers to the problem of comic are outlined. The peculiarities of the aesthetic and ethical aspects of the comic concept in the socio-cultural dimension of different epochs are analyzed. Laughter as a universal phenomenon at the level of a sociocultural factor is considered, as well as the ethical basis of laughter, which is essential for revealing the characteristics of both comic and moral in the process of social development, theoretical comprehension of the comedy that formed the basis of subsequent aesthetic comic concepts. It is assumed that the comic phenomenon becomes the part of the subject field of many sciences and unites various levels of the ridiculous - from the language play to the global philosophical constructions, and the aesthetic and ethical aspects of the comic are one of the most important components of the social communicative process.

Keywords: *laughter, humor, comic concept, aesthetic categories, ethical categories, ugly, beautiful.*

Анализ комического позволяет исследовать смешное как часть культуры. Область комического давно является предметом научного интереса различных ученых: А. Бергсона, Ю. Борева, М. Бахтина, В. Карасева, В. Проппа, А. Сычева. Со сменой исторических и культурных эпох менялись особенности бытия комического. При этом трансформировалась и сама социальная действительность, и исходные мировоззренческие позиции смеховой культуры. Интерес к

проблеме комического проявляли многие выдающиеся мыслители как Древней Греции, так и Древнего Рима. В целом анализ состояния разработанности проблемы этической и эстетической стороны понятия комического позволяет констатировать, что существует значительное число научных публикаций, в разных аспектах раскрывающих специфику и динамику развития данных феноменов, и их роли в социокультурной практике.

Цель работы – анализ эстетической и этической стороны комического в процессе развития общества.

Феномен комического является одним из древнейших в истории культуры. Он предполагает возбуждение смеховой реакции человека. Смех, как и нравственные нормы, всегда опирался на реакцию других и общественное мнение. История нравов – это процесс становления человеческого в человеке и гуманных отношений между людьми. Но одновременно это и процесс распознавания каких-то способов действия, намерений, чувств как бесчеловечных и не имеющих права на существование. Мораль возникает только в обществе, в сфере человеческих взаимоотношений. Она принципиально отличает поведение людей от поведения животных. Более того, многие конкретные формы зла осуждаются самой моралью как поведение, недостойное человека, как недочеловеческое, зверское. Но, будучи порожденной закономерностями общественного развития, мораль призвана разрешать те противоречия, которые возникают в самом обществе, а не во взаимоотношении социального с природным.

С точки зрения этической стороны смех рассматривался достаточно мало. Все исследования ограничивались только тем, что смех исправлял нравы, выступал против несправедливости и имел определенную связь со злом. Философы античности неоднократно употребляли понятие комического в культурной жизни общества. Платон пытался объяснить сущность понятия смеха. По его мнению, именно он является важным аспектом исследования: «В самом деле, без смешного нельзя познать серьезного…» [1, с. 77]. Автор считает, что сущность смеха соотносится с его изначальной причиной – неверная самооценка – несчастье, а смех приносит радость; т. е. смеяться над кем-то – значит радоваться чужому несчастью. Сущность смешного представляется как «смесь печали и удовольствия», где печаль состоит в сокрушении по поводу чужих заблуждений, а радость – в уверенности в отсутствии этих заблуждений у смеющегося. Цель смеха очевидна: он исправляет заблуждения, указывая на неадекватно завышенный уровень чьей-либо самооценки. Однако смех является хотя и действенным, но этически нежелательным средством для исправления нравов.

Согласно Аристотелю, свободному человеку подходит ирония, ибо пользующийся ею вызывает смех ради собственного удовольствия, а шут – для забавы другого. Иронией Аристотель называет оттенок смеха как особый комедийный прием, когда человек говорит одно, а делает вид, что говорит другое, или называет что-либо словами, противоположными смыслу того, о чем он говорит. Автор следует классическому принципу «все в меру», он пишет: «...те, кто в смешном преступает меру, считаются шутами и грубыми людьми, ибо они добиваются смешного любой ценой и, скорее, стараются вызвать смех, чем сказать нечто изящное, не заставив страдать того, над кем насмехаются. А кто, не сказавши сам ничего смешного, отвергает тех, кто такое говорит, считается неотесанным и скучным. Те же, кто развлекается пристойно, прозываются остроумными...» [2, с. 141]. Применяя этическое правило золотой середины, Аристотель вычленяет из единого целого ту часть смеха, которая является наиболее ценной для его учения о нравственности и запросов эпохи, а именно: рациональный его аспект, тщательно освобожденный от груботелесного и агрессивного начала. Рассматривая именно такой смех, он создал знаменитую формулу философии, гласящую, что из всех живых существ только человек способен смеяться.

Истоки смешного Т. Гоббс видит в субъективных переживаниях человека. Именно тщеславие и чувство превосходства, которые лежат в основе смеха, обусловливают этические взгляды ученого на него. «Эта страсть свойственна по большей части тем людям, которые сознают, что у них очень мало способностей, и вынуждены для сохранения уважения к себе замечать недостатки у других людей. Вот почему много смеяться над недостатками других есть признак малодушия», – пишет он в «Левиафане» [3, с. 43–44]. Можно сказать, что этические взгляды Т. Гоббса на смех связаны с идеями античного философа Платона.

Нравственное зло возникает тогда, когда в обществе сложились такие отношения, при которых отдельные люди и группы людей не могут удовлетворить своих жизненно важных пот-

ребностей предписанными культурой способами и отвергают эти способы, стремясь удовлетворять указанные потребности по-своему. В аморализме присутствует таким образом и возврат к прежним поведенческим стереотипам, и поиск новых обходных путей.

Наиболее важной попыткой этической реабилитации комического, сатирического смеха является работа Л.В. Карасева [4]. Он пишет о том, что объект смешного содержит определенную меру зла, которая не является критической, а значит, может быть преодолена. Именно смех указывает на возможность преодоления этого зла. Все смешное несет на себе след, оставленный злом, но не все злое может смешить. Тесная внешняя связь смеха со злом представляется очевидной, менее заметно их внутреннее противостояние: «Смех отражает зло в своем зеркале, и поэтому сам невольно делается чем-то на него похожим, – вот в чем дело. Заключить же из этого, что смех перестает быть собой и превращается в зло, значит просто не понять истинного смысла ни того, ни другого» [4, с. 39]. Автор считает, что насмешка рождает обиду, гнев, одним словом – страдание, но оно является небезысходым, в нем есть надежда на изменение мира и себя, т.е. есть надежда на лучшее будущее.

В своем творчестве достаточно внимания уделял вопросам комического и В.Г. Белинский. Ученый оценивает явления прежде всего социальные. Во-первых, регрессивные, противоречащие объективным законам общественного развития, во-вторых, социально незначимые, но претендующие на всеобщую значимость. Целью смеха для автора является исправление и улучшение общества. Он пишет: «В комическом произведении жизнь для того показывается нам такою, как она есть, чтобы навести нас на ясное созерцание жизни так, как она должна быть» [5, с. 60]. В таком понимании смех приобретает социально-этическое значение как механизм обострения и последующего разрешения противоречий сущего и должного в пользу последнего.

Шутки, остроты, высмеивание человеческих недостатков с давних времен сопровождали жизнь человека, облегчая ее тяготы и невзгоды, помогая снимать психические стрессы. И в том случае, когда смех доставлял удовольствие смеющемуся, можно было говорить об эстетическом феномене комического. В греко-римской античности сформировались многие жанры комических искусств от классической театральной комедии до всевозможных развлекательных представлений. Именно с этого периода началось теоретическое осмысление комедии, которое легло в основу последующих эстетических концепций комического.

Эстетическое качество у И. Канта всегда предполагает серьезность суждения. Смех он рассматривал в психофизиологическом ключе, связывая его, конечно же, с одним из типов смысловой игры. Ученый писал: «Смех есть аффект от внезапного превращения напряжения ожидания в ничто», способствующий полезным для здоровья человека движениям ряда внутренних органов тела [6, с. 352–354]. Автор делает вывод, что один из существенных принципов комического – неожиданная разрядка созданного напряжения – выделяется в особый игровой прием. В.В. Бычков приводит пример кантовской шутки: «…один купец, возвращаясь из Индии, попал в бурю и вынужден был выбросить весь свой товар за борт, чтобы спастись. Он до того горевал о нем, что у него в одну ночь поседел парик» [7, с. 233]. Автор пишет, что такое сведение ожидания в ничто путем перевода серьезного дела на уровень игрового отношения и вызывает смех, и человек уже не знает, сочувствовать ему как несчастному купцу или же все-таки подсмеиваться над ним, что человека так изящно вывели из неприятной для каждого ситуации огорчения, ведь не каждый игровым приемом рассказчика переключается в сферу веселья вместо сочувствия. Но в любом случае шутка завершилась эстетическим удовольствием, в чем и заключается эстетический смысл комического.

В средние века народный смех, противостоящий строгой идеологии церкви, звучал на карнавалах, в комедийных действах и процессиях, на праздниках «дураков», в пародийных произведениях, в стихии фривольно-площадной речи, в остротах и выходках шутов и в быту. Смех не только не выявляет несовершенство мира, но и, «омыв» мир свежей эмоциональной волной радости, преображает и обновляет его. В карнавале наиболее полно проявляет себя и отрицающая, и утверждающая сила смеха. Областью исследования М.М. Бахтина является народный смех. Он считал, что смех может быть определен как часть общечеловеческой культуры и к основным элементам смеховой культуры относил: 1) обряды и зрелища; 2) памятники словесности; 3) фамильярную речь [8, с. 302–304]. Кар-

навализация является ядром комического искусства. Именно карнавальная культура «окультуривает карнавализацию» как «инстинктивное чувство», направляя ее в русло эстетической деятельности, в частности примером могут служить карнавальные виды современного искусства (уличный театр, клоунада). Карнавальная культура формирует особый тип «карнавального человека». Данное понятие отражает философскую точку зрения М. Бахтина на личность как на процесс, который остается вечно незавершенным и динамично развивающимся. Отличительной особенностью типа личности «карнавального человека» является карнавальное мировосприятие, источником которого служит социальная повседневность с функционирующими в ней ценностями, нормами и установками, а также формами и видами бытового смеха, который может быть совершенно далек от сферы искусства.

Центром эстетических воззрений Жан-Поля является проблема смеха. Он считает, что не существут достойного определения понятия комического: «Смешное испокон веков не желало укладываться в определения философов, – если только не против своей воли, – просто потому, что чувство смешного принимает столько всяких обликов, сколько есть на свете невидали; среди всех чувств у него одного – неисчерпаемый материал, равный числу кривых линий» [9, с. 128]. Его определение не обозначает капитуляции перед объектом исследования: хотя Жан-Поль не ставит смеху определенных границ, но, рассматривая определенные его компоненты, он приходит к объективным выводам. По его мнению, в сферу смешного входят ирония и юмор. Ирония является выражением объективного контраста, скрывающего за собой субъективность. Юмор опирается на субъективный контраст; соответственно юмористичным будет рассказ, явно показывающий комичность ситуации с точки зрения знания субъекта. Юмор в широком смысле глобален и сопоставим по значению с философской иронией романтиков. Это творческий динамический принцип, основанный на свободе, способный преодолевать все конечное и относительное с точки зрения бесконечности. В отличие от иронии он не отрицает конечных вещей, а подводит все под единый числитель бесконечности, связывая воедино антитезы жизни и различные ее сферы. Юмор является признаком самой жизни в ее развитии.

Нельзя не сказать, конечно же, о великом комике Ч. Чаплине, который считал, что великие идеи берутся только из упорных поисков, граничащих с безумием. Для этого человек должен обладать способностью мучиться и не утрачивать увлеченности в течение длительных периодов. В его фильмах герой все чаще стремился не просто рассмешить зрителя, но и пробудить в нем добрые чувства. Кинематограф из простой забавы со временем превратился в высокое искусство. По мнению Ч. Чаплина, каждый начинающий комический актер должен стремиться философски обобщить принцип построения комедии. «Мой метод создания комедийного сюжета был очень прост: я ставил персонажей в затруднительные положения, а потом спасал их» [10, с. 55]. Он считал, что юмор помогает увидеть человеку иррациональное в том, что кажется рациональным, и незначительное в том, что кажется значительным. «Юмор повышает нашу жизнеспособность и помогает сохранить здравый смысл. Благодаря юмору мы легче переносим превратности судьбы. Он помогает нам понять истинное соотношение вещей и показывает, что в преувеличенной серьезности таится смешное [10, с. 56].

Г. Лессинг считал, что комедия не вылечивает болезни, она может всего лишь укреплять еще здоровый организм. «Смеяться и осмеивать – далеко не одно и то же» [11, с. 150]. Ученый установил, что насмешливый смех встречается чрезвычайно часто, и именно он является основным видом человеческого смеха. Г. Лессинг разделил смех на две большие области. Одна включает в себя насмешку, другая этой насмешки не содержит. Такое распределение представляет собой классификацию по наличию и отсутствию одного признака. В данном случае она окажется правильной не только формально, но и по существу. Такое различие делается и в некоторых эстетиках.

Таким образом, смех является специфическим выражением понимания, которое в свою очередь обусловлено набором общественно значимых элементов культуры, включающих нормы, традиции, ценностные ориентации, убеждения. Изучение этической основы смеха имеет существенное значение для раскрытия особенностей как собственно комического, так и нравственного в процессе развития общества: гносеологический и онтологический базис в полной мере выражается только в моральной сфере общественного сознания. Смех, как и мораль,

включен прямо или косвенно в процесс общения, он предполагает оценку сущего с точки зрения должного и опирается на неофициальные санкции – прежде всего на реакцию других и общественное мнение. Во многих эпохах сформировались жанры комических искусств начиная от классической театральной комедии и до всевозможных развлекательных представлений. Именно с этого периода ведется теоретическое осмысление комедии, которое легло в основу последующих эстетических концепций комического. Само понятие комического объединяет сферы широкого ряда наук и высвечивает различные уровни смешного – от языковой игры до глобальных философских построений, а эстетическая и этическая стороны комического выступают одним из важнейших компонентов социального коммуникативного процесса.

Литература

1. *Платон*. Законы // Избр. диалоги. М. : Мысль, 1965. 847 с.

2. *Аристотель*. Соч. : в 4 т. М. : АСТ, 1983. Т. 4. 830 с.

3. *Гоббс Т.* Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.

4. *Карасев Л.В.* Философия смеха. М. : РГГУ, 1996. 224 с.

5. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. 1. 562 с.

6. *Кант И.* Критика способности суждения. М. : Искусство, 1994. 367 с.

7. *Бычков В.В.* Эстетика : учебник. М. : Гардарики, 2004. 556 с.

8. *Бахтин М.М*. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит-ра, 1990. 543 с.

9. *Жан-Поль*. Приготовительная школа эстетики. М. : Мысль, 1981. 448 с.

10. *Чаплин Ч.* Моя биография / пер. З. Гинзбург. М. : Вагриус, 2000. 343 с.

11. *Лессинг Г.* Гамбургская драматургия. М.; Л. : Academia, 1936. 519 с.

References

1. Platon. [Laws]. *Izbr. dialogi* [Selected Dialogues]. Moscow: Mysl', 1965, 847 p.

2. Aristotel'. *Soch.* [Works]. In 4 vol. Moscow: AST, 1983, vol. 4, 830 p.

3. Gobbs T. *Soch.* [Works]. In 2 vol. Moscow: Mysl', 1991, vol. 2, 731 p.

4. Karasev L.V. *Filosofiya smekha* [Philosophy of Laughter]. Moscow: RGGU, 1996, 224 p.

5. Belinskii V.G. *Poln. sobr. soch.* [Comp. Col. of Works]. In 13 vol. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953, vol. 1, 562 p.

6. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of Judgment]. Moscow: Iskusstvo, 1994, 367 p.

7. Bychkov V.V. *Estetika* [Aesthetics]. Student's book. Moscow: Gardariki, 2004, 556 p.

8. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Works of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozh. lit-ra, 1990, 543 p.

9. Zhan-Pol'. *Prigotovitel'naya shkola estetiki* [Preparatory School of Aesthetics]. Moscow: Mysl', 1981, 448 p.

10. Chaplin Ch. *Moya biografiya* [My Biography]. Tr. by Z. Ginzburg. Moscow: Vagrius, 2000, 343 p.

11. Lessing G. *Gamburgskaya dramaturgiya* [Hamburg Dramaturgy]. Moscow; Leningrad: Academia, 1936, 519 p.

Поступила в редакцию / Received ***16 апреля 2018 г. / April 16, 2018***

УДК 008.001 DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-11-16

У ИСТОКОВ РОСТОВСКОЙ ШКОЛЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ: Э. С. МАРКАРЯН И М. К. ПЕТРОВ

© 2018 г. Г.В. Драч [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

AT THE ORIGINS OF THE ROSTOV SCHOOL OF CULTUROLOGY: E. S. MARKARYAN AND M. K. PETROV

G.V. Drach [a]
[a] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Драч Геннадий Владимирович –
заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
кафедра теории культуры, этики и эстетики,
Южный федеральный университет,
пер. Днепровский, 116, г. Ростов-на-Дону,
344065, Россия.
E-mail: philosculture@sfedu.ru

Gennady V. Drach -
Honored Scientist of Russia,
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics,
Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don,
344065, Russia.
E-mail: philosculture@sfedu.ru

Реконструируется становление культурологии в России и идейный вклад ростовской школы в её развитие. Показывается различие в теоретических позициях представителей ростовской культурологии Э. С. Маркаряна и М. К. Петрова и их теоретическая близость по ряду вопросов. Э. С. Маркарян формально не принадлежал к ростовской школе, поскольку не работал в Ростовском государственном университете, но его выступления в РГУ и его идеи сыграли огромную положительную роль в формировании культурологических позиций ростовской школы. М. К. Петров, будучи историком философии и историком науки, проводил исследования в широком историко-культурном поле, что и делало его работы культурологическими. Уникальное культурологическое сочетание взглядов обоих учёных состояло в том, что они обосновали понимание роли и значения науки в генезисе европейской техногенной цивилизации, что открывало путь развитию культурологии как теоретической рефлексии современного общества.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, деятельностный подход, культурология, философия, наука, культурные императивы.*

The article reconstructs the formation of cultural studies in Russia and the ideological contribution of the Rostov school in its development. The author states on the two personalities of the Rostov cultural studies - E. S. Markaryan and M. K. Petrov. The work shows the difference in the theoretical positions of these authors and their theoretical affinity on a number of issues. E. S. Markaryan did not formally belong to the Rostov school, because he did not work at the Rostov State University, but his performances at the RGU and his ideas played a huge positive role in the formation of cultural positions of the Rostov school. M. K. Petrov, being a historian of philosophy and a historian of science, conducted research in a wide historical and cultural field, which made his work culturological. The unique cultural combination of the views of both scientists was, according to the author of the article, that they justified the understanding of the role and importance of science in the Genesis of European technogenic civilization, which opened the way for the development of cultural studies as a theoretical reflection of modern society.

Keywords: *culture, civilization, activity approach, culturology, philosophy, science, cultural imperatives.*

Культурология в России не родилась подобно Афине из головы Зевса, признаки её появления на свет можно увидеть гораздо раньше распада СССР. Интеллектуальные центры, где культура стала привлекать к себе особое внимание исследователей, появлялись где-то в 60–70-е гг., когда началось интеллектуальное брожение. Выделялись такие центры в Москве, Ленинграде, Свердловске и Ростове-на-Дону. Наращивались научные связи, проводились научные конференции, публиковались статьи и монографии. Но вопрос о культурологии как самостоятельной дисциплине не ставился. Проблемы культуры рассматривались в различных контекстах:

культура и история (В.М. Межуев), культура и наука (Н.С. Злобин), история античной философии, эстетики (А.Ф. Лосев), культура и общение (М.С. Каган), семиотика (Ю.М. Лотман). Самостоятельное значение приобретают вопросы теории и истории культуры (А.И. Арнольдов, В.Е. Давидович и Ю.А. Жданов).

Уникальное место занимают в культурологической науке Э. С. Маркарян и М. К. Петров. Особую роль они сыграли в развитии Ростовской философско-культурологической школы. Э. С. Маркарян, формально не принадлежавший к ростовской школе, нередко приезжал в Ростов и выступал с лекциями и докладами в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при РГУ. Научная аура, характерная для РГУ, для его учёных и студентов, создавалась прежде всего благодаря академической и административной (на посту ректора РГУ) деятельности Ю.А. Жданова. Он неоднократно приглашал в Ростов Э. В. Ильенкова, М. К. Мамардашвили, Н. В. Мотрошилову, Ф.Х. Кессиди, В. В. Соколова, которые выступали с лекциями и докладами. Теоретическое видение Ю. А. Жданова не было ограничено господствующей в те времена идеологией, оно опиралось на идеи Просвещения, с его установками на Разум, Просвещение и Образование [1].

В творческом марксизме была подхвачена мысль Гегеля о тождестве мышления и бытия. В этом смысле понятие культуры, рассматриваемое как система понятий, позволяет построить теорию культуры как целостность. «Мы вместе с Гегелем признаём необходимость развития всеобщего мышления, культурной субъективности, освобождения от своеволия чувств, своеволия и каприза поведения, но понимаем, что это лишь момент культуры, хотя и важный» [2, с. 40]. Конечно, при рассмотрении культуры мы должны восходить от единичного через особенное ко всеобщему (Гегель здесь также востребован), но мир культуры предполагает тотальность и всеобщность всей человеческой деятельности, без осознания этого невозможно прийти к пониманию того, что такое культура. «Культура выступает как способ деятельности, содержащий в себе целостность всех своих моментов. Или иначе: культура есть деятельность, соответствующая своему понятию как свободное, сознательное жизнепроявление универсального индивида» [2, с. 30]. Идеализма здесь нет, но Гегель остался.

Философские идеи использовал и Э.С. Маркарян, но он специально выделил вопрос о необходимости осмысления понятия «культура» и создания самостоятельной теории культуры. В 1983 г. он отмечал: «В имеющихся публикациях наличие обобщающей теории культуры обычно просто постулируется. Ещё недостаточно внимания уделяется проблемам осмысления природы данной области знания, а также её статуса в общей системе наук» [3, с. 36]. Присоединяясь к пониманию культуры как «специфического способа человеческой деятельности», он внёс существенные уточнения и дополнения в деятельностную концепцию. Это прежде всего разделение цели и средств деятельности, когнитивной, адаптивной и социальной функций культуры. Но делал это он очень оригинально, выделяя ряд подсистем культуры: социо-регулятивную, природно-экологическую, адаптивную, общественно-экологическую. Понятие человеческой деятельности выражает сам процесс, категория же культуры – способ, благодаря которым осуществляется данный процесс в его специфически человеческих проявлениях. При этом учитывается, что он обеспечивается и биологически заданными механизмами. Культура субстанциализирует социальное развитие, собственно говоря, культура и есть субстанция человеческой жизни, жизни индивидов, поколений и народов, вне которой человек превращается в биоматериал.

С учётом деятельностного подхода Э.С. Маркарян будет не раз возвращаться к вопросу об обосновании социокода в его отличии от биокода, следующим образом характеризуя возникшую ситуацию: «Культурология – это наука о культуре как особом зародившемся на планете феномене, который прежде всего призван выразить качественно особый способ эволюционной самоорганизации жизни, характерный для систем общественной жизни людей, о законах воспроизводственной динамики данного феномена в пространстве и во времени» [4, с. 451]. Анализ понятия «деятельность» в связи с принципом самоорганизации позволяет обосновать «генеральную» функцию культуры – адаптивную. Оптимизация человеческой деятельности всего лишь одно из звеньев в эволюционной самоорганизации жизни. «В нормальных условиях существования она выступает как адаптивный механизм развития, рассчитанный в конечном итоге на достижение самосохранения посредством совершенствования способов деятельности живых систем» [4, с. 498]. Но если серьёзно нарушаются жизненные процессы, и экологические показатели только одно из них,

они теряют свою адаптивную ориентацию, приобретая всё более деструктивный характер.

Обращение к американской культурной антропологии составляет особенность культурологических штудий Э.С. Маркаряна. Здесь пора обратиться к Л. Уайту, которого Маркарян называет «первым исследователем, осуществившим попытку систематического обоснования общей теории культуры» [4, с. 205]. Маркарян подчёркивает значение культуры как технологии, алгоритма человеческой деятельности. Понятие «культура» позволяет выделить деятельностную сторону общественной жизни. Определяя суть «технолого-детерминистского подхода» Л. Уайта к пониманию культуры, он пишет: «Социальная подсистема, по Уайту, как организованные условия людей, направленные на использование инструментов, обеспечивающих их существование, нападение и защиту, является производной, вторичной по отношению к технологической подсистеме» [4, с. 207]. Обращение к американской культурантропологии и социологии позволило ученому обосновать модель социокультурной системы. «Исходным пунктом рассуждений Маркаряна стало признание того факта, что любая система – от простого живого организма до общества – стремится к самосохранению и самовоспроизводству. Если система утрачивает возможность вырабатывать механизмы, препятствующие нарастанию энтропийных процессов, то она распадается. Таким механизмом применительно к обществу выступает *культура* (выделено Э.С. Маркаряном), в которой и проявляется социальная природа человека» [5, с. 583].

Тем самым Э. С. Маркарян обратил внимание на необходимость работы с этнографическим материалом и в целом на межпредметный характер культурологических исследований. Особое значение он придавал вопросу о соотношении культуры и общества ещё при анализе позиции Л. Уайта, а затем на протяжении всех своих исследований как методологическому принципу. В частности ещё тогда им было написано: «Методологически эффективное определение культуры, составляющее основу социальной теории о ней, должно в качестве исходной предпосылки исследования давать возможность каждому использующему данное понятие без каких-либо усилий, по общезначимым признакам отделять объекты культуры от объектов, не относящихся к этому классу явлений» [3, с. 85].

Остановимся на вопросе о культурных императивах, характеризующих поздние работы Э.С. Маркаряна. Речь идёт о выживании человечества как вида. В таком контексте категорическими императивами и выступают императивы экологической культуры, которые Маркарян относит к императивам эпохи. Это ещё одно направление, обоснованное им как проблема глобалистики и глобальной модели культуры. К монографии «Наука о культуре и императивы эпохи» даётся характерный подзаголовок «К обоснованию ключевой роли знаний о способе социокультурного типа самоорганизации жизни в условиях современного планетарного кризиса» [4]. С позиций культурологии при рассмотрении культурных императивов мы имеем дело с результатами, последствиями культурной деятельности в самом широком смысле, поскольку творческая деятельность требует самопознания и самоограничений, которые они и выражают. Здесь мы должны вернуться к фундаментальному положению о том, что культура составляет базис цивилизационных миров. По мнению Э.С. Маркаряна, в соотношении понятий «культура» и «цивилизация» первое – более широкое, родовое. «Цивилизация с этой точки зрения является общекультурным образованием, эволюционно сопряжённым с такими социокультурными процессами, как возникновение государства, социальных классов, производящего хозяйства, городов, письменности, развитых религиозных систем, элементов научного знания» [4, с. 490–491]. Э.С. Маркарян открывал кроме всего прочего широкий горизонт исследования истории цивилизаций, прежде всего «машинно-индустриальной».

Особенностью Ростовской философской школы было понимание роли и значения науки и философии в генезисе европейской, техногенной, цивилизации, особенностей античной культуры. Уже в работе «Пираты Эгейского моря и личность» М. К. Петров внёс в понимание культуры не только дух науки и глубокое знание современных зарубежных исследований, но и творческое видение судеб античной и мировой культуры и цивилизации [6]. В последующих работах Он показал, что античность – это не только этап, но и культурная парадигма, Только в античной Греции создаются предпосылки для разрыва слова и дела как самостоятельных областей и осознания проблем текстуального накопления и формулирования программ деятельности, размежевания творчества и репро-

дукции. Формализм программы воплощается в слове и требует её осознания в соответствии с прямой положительной связью со средой, в то время как в традиционном обществе осознаются отклонения от нормы, т. е. взаимоотношения с природой строятся по отрицательной обратной связи.

Одной из базовых была идея М. К. Петрова о языке и категориальных структурах, на которые опиралось европейское мышление [7]. В этом контексте Л. М. Косарева сочувственно цитирует Цильзеля: «Мы слишком склонны рассматривать себя и свою цивилизацию как естественную вершину человеческого развития. Из этой самонадеянной точки зрения вытекает уверенность, будто человек просто становился все более и более смышленым, пока в один прекрасный день не появились великие исследователи-пионеры и не создали науку как последнюю стадию однолинейного интеллектуального развития» [8, с. 21]. Особенно значимым для формирования системы культурологических знаний было теоретическое науковедение, так называемое sciense of sciense. Здесь обосновывалась не только история культуры, но и практические сценарии повышения эффективности развития науки. Эти реалии были осознаны в середине прошлого века в процессе самоосмысления науки, развития «науки о науке», представленной именами Д. Бернала, Д. Прайса, Ч.П. Сноу и др. М.К. Петровым был подготовлен сборник статей (переводы с английского), который вышел в Москве в 1966 г. До сих пор значимы мысли Дж. Нидама о том, что причины европейского возникновения науки, «можно искать в особенностях экономических и социальных условий, которые преобладали в Европе в эпоху Ренессанса» [9, с. 150].

Впрочем, Дж. Нидам, известный исследователь истории науки древнего и средневекового Китая, писал о совсем другой, непохожей на европейскую науке. «Так уж получилось, – пишет он, – что история науки, какой она родилась на Западе, имеет врожденный порок ограниченности – тенденцию исследовать только одну линию развития, а именно – линию от греков до европейского Ренессанса. И это естественно. Ведь то, что мы можем назвать по-настоящему современной наукой, в самом деле возникло только в Западной Европе во времена “научной революции” XV–XVI столетий и достигло зрелой формы в XVII столетии. Но это далеко не вся история, и упоминать только об этой части было бы глубоко несправедливо по отношению к другим цивилизациям» [Цит. по: 8, с. 21].

Вернёмся к идее М.К. Петрова о типах социального кодирования, составлящих содержание культурного развития и лишь в Европе достигших уровня науки. Это – доолимпийский (личностно-именной тип социального кодирования), олимпийский (профессионально-именной), всеобщий (европейский). Вся система отношений к миру, согласно его концепции, распределяется в «базовые матрицы», которые и позволяют транслировать социальный опыт, поскольку замыкают его на социально значимую единицу – тип личности. Самые разные способы ведения хозяйства предполагают определённые типы знаковой реальности, прямое или опосредованное введение человека в социальную матрицу. Так, замыкание профессиональных навыков на именной структуре богов закрепляет навыки за божественным именем. Нет необходимости говорить, что перед нами миф как мировидение, где нормой выступают гилозоизм и персонификация. Профессионально-именной тип культуры характерен для целого ряда обществ, которые составляют большинство населения планеты. Такие страны обычно называют «развивающимися», вкладывая в этот термин не столько историко-эволюционный смысл, сколько указание на ту идею «развитого состояния», какой руководствуются эти государства в стремлении модернизироваться и уподобиться «развитым» странам, использующим науку и технический потенциал, которым соответствует и образ жизни.

Обнаруживается новый аспект глобальных (техногенная цивилизация) и локальных (традиционные, региональные культуры) процессов, сталкивающихся в современном культурном пространстве. Если традиционному обществу не нужен и даже определенно вреден всеобщий тезаурус, поскольку он сократил бы или вообще уничтожил общее число наличных профессиональных тезаурусов (машинное производство, как известно, уничтожило ручные промыслы), то межпрофессиональный обмен на современном уровне прочерчивает область общего интереса, единых экономических и социальных интересов, универсальных для общества и страны в целом. Но каковы судьбы традиционных культур, без которых немыслима традиционная культура целого ряда стран, в том числе и России? Поставленные вопросы не укладываются в рамки европоцентризма. Обнаруживается поли-

вариантность культурного развития и уязвимость техногенной цивилизация на фоне не теряющих сил традиционных культур. Внимание к европейской парадигме как лишь к одному из вариантов культурного развития открывает путь к исследованию механизмов самосознания культур и превращает их в исследования культурологические.

У М. К. Петрова речь идет таким образом о конститутивных основах западной цивилизации, объединяющих ее в особый цивилизационно-исторический тип. Можно было бы отметить, что унифицирующее воздействие современной западной цивилизации на традиционные типы культур состоит в том, что она втягивает их в орбиту научного по происхождению, техногенного по сущности сообщества. Проблема европоцентризма связывает воедино историю и современность, ставит вопрос о социальной инфраструктуре, с которой взаимодействует бытие науки, об анализе тех социокультурных процессов, в которых нуждается её воспроизводство, о взаимоотношениях Востока и Запада. У Э.С. Маркаряна – та же критика европоцентризма в связи с аксиологической трактовкой культуры. Сегодня становится очевидной важность сопутствующих тем: трансплантации науки в инокультурную среду и экстраполяции научного метода; трансформации науки и образования и феномена наукотехники [10].

Культурное многообразие, уникальность и неповторимость создают предпосылки для соотнесения человеческих сообществ и цивилизационных различий. При этом такое соотнесение не может быть чисто умозрительным, ведь мировые культуры в том виде, в каком мы можем их сегодня наблюдать и изучать, представляют собой продукт длительного исторического развития, в котором они сами как культурно-исторические системы трансформировались, модифицировались и изменяли внутреннюю структуру. Теперь мы можем увидеть, как много объединяет Маркаряна и Петрова – родоначальников культурологии. Первое – отказ от панлогизма и европоцентризма, недопустимость обращения к истории культуры с «колокольни исторической ретроспективы». Второе – обращение к работам специалистов по культурной и социальной антропологии. Третье – науковедение: развитие науки, страны третьего мира и Европа, общественно-исторический прогресс и будущее человечества.

Представляется, что все-таки вновь и вновь мы возвращаемся к идее М. К. Петрова о «двуязычии культур», который он описал на примере Непала: есть язык знания, науки, текстуального накопления и есть язык богов и предков, который доминирует в традиционных культурах. Традиционный язык культуры характеризует обжитой и принятый мир, в то время как обучить языку науки – это почти то же, что «учить танцу лошадей». Культурный мир, построенный на традициях, на обычаях, на художественном восприятии действительности, характеризуется гилозоизмом и персонификацией как обязательными нормами мышления. Здесь и возникает проблема перехода с одного языка на другой (в европейской истории переход от «мифа к логосу») и проблема трансплантации науки в иную культурную среду для стран неевропейских.

Необходимо напомнить, что культурология как самостоятельная дисциплина заявила о себе в условиях разрушения исторического панлогизма и тематического поворота к проблематике «кризиса культуры», характерных для конца XIX – начала XX в. В настоящее время актуальной становится проблема глобальных и локальных (региональных) измерений культуры, единых в своей основе, а из этого теоретического обстоятельства вытекает особо значимая практическая проблема межкультурных коммуникаций. Задачи культурологии (для чего и чему мы учим) в этом контексте могут быть определены следующим образом: осмысление жизненного мира в его смысловой наполненности и подготовка к межкультурной коммуникации, выходящей за пределы языковых и символических различий; формирование коммуникационного пространства и овладение способами и средствами вхождения в мировую коммуникацию.

Литература

1. *Жданов Ю.А.* Гуманизм и наука // Избранное: в 3 т. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2009. Т. 1. С. 117–134.

2. *Жданов Ю.А.* Проблемы теории и истории культуры. Ростов н/Д. : Наука-пресс, 2005. 428 с.

3. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. 284 с.

4. *Маркарян Э.С.* Наука о культуре и императивы эпохи // Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. М.; СПб. : Центр гум. инициатив, 2014. 655 с.

5. *Бондарев А.В*. Третье рождение культурологии. Вклад Э. С. Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. М.; СПб. : Центр гум. инициатив, 2014. С. 563–625.

6. *Петров М.К.* Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М. : РОССПЭН, 1995. 238 с.

7. *Петров М.К.* Язык и категориальные структуры // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1973. С. 58–82.

8. *Косарева Л.М.* Предмет науки. М. : Наука, 1977. 157 с.

9. *Нидам Дж.* Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке: сб. ст. / пер. с англ. М.К. Петрова. М. : Прогресс, 1966. 422 с.

10. *Драч Г.В.* Культурные императивы: идеи Э.С. Маркаряна // Вестник МГУКИ. 2016. № 1 (69). С. 55–61.

References

1. Zhdanov Yu. A. [Humanism and Science]. *Izbrannoe* [Selected]: in 3 vol. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh, 2009, vol. 1, pp. 117-134.

2. Zhdanov Yu. A. *Problemy teorii i istorii kul'tury* [Problems of Theory and History of Culture]. Rostov-on-Don: Nauka-press, 2005, 428 p.

3. Markaryan E. S. *Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka* [Theory of Culture and Mordern Science]. Moscow: Mysl', 1983, 284 p.

4. Markaryan E. S. [Science about Culture and Imperatives of the Epoch]. *Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy epokhi* [Selected. Science about Culture and Imperatives of the Epoch]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gum. initsiativ, 2014, 655 p.

5. Bondarev A.V. [The Third Birth of Culturology. E.S. Markaryan's Contribution to the Development of the Cultural Theory of Culture]. *Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy epokhi* [Selected. The Science of Culture and the Imperatives of the Epoch]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gum. initsiativ, 2014, pp. 563-625.

6. Petrov M. K. *Iskusstvo i nauka. Piraty Egeiskogo morya i lichnost'* [Art and Science. Pirates of the Aegean Sea and Personality]. Moscow: ROSSPEN, 1995, 238 p.

7. Petrov M.K. [Language and Categorial Structures]. *Naukovedenie i istoriya kul'tury* [Science and History of Culture]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1973, pp. 58-82.

8. Kosareva L. M. *Predmet nauki* [The Subject of Science]. Moscow: Nauka, 1977, 157 p.

9. Nidam Dzh. [Society and Science in the East and the West]. *Nauka o nauke* [The science of science]. Col. art. Tr. from Engl. by M.K. Petrov. Moscow: Progress, 1966, 422 p.

10. Drach G.V. Kul'turnye imperativy: idei E.S. Markaryana [Cultural Imperatives: the Ideas of E.S. Markaryan]. *Vestnik MGUKI*. 2016, No. 1 (69), pp. 55-61.

Поступила в редакцию / Received ***27 апреля 2018 г. / April 27, 2018***

УДК 008.1 DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-17-21

РОСТОВСКАЯ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

© 2018 г. Е.Ю. Липец [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ROSTOV PHILOSOPHICAL AND CULTURAL STUDIES SCHOOL: SCIENCE AND EDUCATION

E.Yu. Lipets [a]
[a] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Липец Екатерина Юрьевна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра теории культуры, этики и эстетики,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет,
пер. Днепровский, 116, г. Ростов-на-Дону,
344065, Россия.
E-mail: eylipec@sfedu.ru

Ekaterina Yu. Lipets -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics,
Institute of Philosophy and Social and Political Studies,
Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don,
344065, Russia.
E-mail: eylipec@sfedu.ru

Рассматривается формирование и развитие культурологии как научной, образовательной, межпредметной области знания. В ее становлении приняли участие и выдающиеся представители Ростовского государственного университета (ЮФУ). Их имена сегодня являются определяющими для понимания многих концепций в современной философско-культурологической мысли. Констатируется, что ростовские ученые показали важность и значимость данной области знания наравне с зарубежными научными и образовательными направлениями (например, Cultural Studies). Заложенная ростовскими философами фундаментальная база позволила их последователям развивать и популяризировать полученные знания, в том числе и в образовании при подготовке культурологов. Вывод: в настоящее время культурология приобрела самостоятельный статус. Теперь это одно из актуальнейших направлений в гуманитарном образовании как в России, так и за рубежом, а также научная область знания, имеющая устойчивые позиции. Научная проблематика существенно расширила свои границы.

Ключевые слова: *Ростовская философско-культурологическая школа, гуманитарное знание, культурология, философия культуры, междисциплинарность, образование, наука, традиции*.

The article considers the formation and development of cultural studies as scientific, educational, interdisciplinary area of knowledge. It was developed by the outstanding representatives of the Rostov State University. Their names today are crucial for understanding many concepts in contemporary philosophical and cultural thought. It is stated that Rostov scholars have shown the necessity and importance of this field of knowledge along with foreign scientific and educational areas (for example, Cultural Studies). The fundamental base laid down by the Rostov philosophers allowed their followers to develop and popularize their knowledge, including education in the process of preparing culturologists. Conclusion: nowadays, culturology has acquired an independent status. Now this is one of the most urgent areas of training in humanities education both in Russia and abroad and also the scientific field of knowledge, which has stable positions. Scientific problems significantly expanded their boundaries.

Keywords: *Rostov philosophical and cultural school, humanitarian knowledge, cultural studies, culture philosophy, interdisciplinarity, education, science, traditions.*

Введение

Сложно представить развитие гуманитарного знания без такой предметной области, как культурология. Культурологическое образование представлено как одно из образующих направлений подготовки в гуманитарном кластере дисциплин. У ее основания стояли представители ростовской философско-культурологической школы: Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович, М.К. Петров, А.В. Потемкин, Е.Я. Режабек, которые сегодня являются признанными специалистами в данной области.

Развитие культурологии невозможно также представить без выдающихся ученых, таких как: Г.В. Драч, А.Н. Ерыгин, Е.В. Золотухина,

М.В. Заковоротная, О.М. Штомпель, Т.С. Паниотова, Л.А. Штомпель, В.К. Королев, и ряда молодых специалистов, которые продвигают данную научную область в своих кандидатских и докторских исследованиях, многочисленных научных мероприятиях и трудах.

Культурологическое образование на базе научных трудов ростовской философско-культурологической школы

Современная культурология базируется на разных научных трудах как европейских, так и отечественных специалистов. Однако стоит отметить, что многочисленные имена западных исследователей сформировали школы, имеют последователей и определили круг вопросов, которые продолжают волновать ученых с новой силой.

Предпосылки становления ростовской философской и культурологической школы обозначены второй половиной XX в. и зачастую связаны с именем М.К. Петрова, который в то время работал в Ростовском государственном университете (ЮФУ). Г.В. Драч говорит в своей статье, посвященной научным идеям и изысканиям М.К. Петрова, что «ростовские философы ещё в 60/70-е годы прошлого века смогли параллельно западным коллегам поставить актуальнейшие проблемы истории философии и культуры, подняли современные вопросы бытия человека и человечества, волнующие нас до сих пор» [1, с. 5]. Основной идеей, проходящей через все научное творчество М.К. Петрова, является осознание науки как ключевого элемента для общественного развития, обновления и постоянного совершенствования [2, с. 23]. Значимость и важность идей этого ученого заключались в оформлении культурологии как самостоятельной предметной области и дисциплины, способной показать многочисленные грани культуры. Изучая ее с историко-культурных позиций, М.К. Петров обозначил необходимость межпредметных связей для полноценного рассмотрения научных вопросов [3].

Дальнейшее формирование культурологической мысли ростовской школы идет в рамках деятельностного подхода понимания культуры в концепции, принадлежащей Ю.А. Жданову и В.Е. Давидовичу. «Культура представляет собой способ приобщения субъекта к родовой сущности человека, а значит способ развития и индивида и рода. Она реализует себя через всё многообразие форм деятельности людей, формируя и их самих и неорганическое тело цивилизации» [4, с. 51]. В этот период появляются вопросы о взаимодействии культуры и природы, месте человека в этом взаимодействии и, наконец, о сущности культуры.

В.Е. Давидович широко известен как специалист в области философии, культурологии, как ученый, совершивший «антропологический поворот» и таким образом расширивший пространство культурологических исследований [5, с. 7].

Представление о культурологии формировалось на протяжении долгих лет в научных трудах разных ученых. Не просто обозначить границы между философией и теорией культуры. Многие специалисты утверждают, что между ними существует общая теоретико-методологическая база, которая не всегда позволяет очертить границы каждой научной области. Наиболее зрелые работы, позволяющие говорить о культурологии как самостоятельной дисциплине, появились в середине 1990-х гг. Они связаны с исследованиями многих отечественных специалистов, прорабатывавших вопросы теории и истории культуры, онтологии и гносеологии и т.д.

Большая заслуга принадлежит продолжателю традиций ростовской философско-культурологической школы и ее нынешнему руководителю Геннадию Владимировичу Драчу. Он внес значительный вклад в отечественное антиковедение, а также является известным специалистом в области истории античной философии, теории и истории мировой культуры.

В 1990 г. проф. Г.В. Драч возглавил кафедру теории культуры, этики и эстетики факультета философии и культурологии РГУ (ЮФУ) и принял непосредственное участие в реформировании российского гуманитарного образования в качестве эксперта по культурологии и разработчика государственного образовательного стандарта, создателя одной из первых авторских программ. Под его руководством был подготовлен учебник по культурологии, который переиздается с 1995 г. Таким учебникам, как «Культурология», «Культурология в вопросах и ответах», «История мировой культуры», «Учебный курс по культурологии», был присвоен гриф Минобразования РФ. Драч является автором более 300 научных работ по истории античной философии, теории и истории культуры на русском, английском, немецком и греческом языках. Его работы по истории философии, культурологии используются в учебном процессе на философских факультетах страны и включены в список рекомендованной литературы по истории философии, истории и философии науки.

Возглавляемая проф. Г.В. Драчом Ростовская философско-культурологическая школа получила известность и признание в России и за рубежом. Он являлся руководителем темы «Культурология как система знания» в федеральных научных программах «Высшая школа России» и «Университеты России», научным экспертом по культурологии («Культурная инициатива»). Это позволило сформировать целый пласт научных трудов и образовательный контент. В 1993 г. по инициативе ученого на базе факультета философии и культурологии РГУ (ЮФУ) была открыта учебная специальность «культурология», по которой осуществлялась подготовка специалистов, а теперь бакалавров культурологии, а также аспирантура по научной специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Образовательные стандарты и современные возможности культурологии

Понимание смысла и возможностей культурных исследований как сферы познания и как части программы обучения в университете является одной из насущных проблем современного высшего образования.

Подход к развитию курса изучения культурологии основан на опыте преподавания. Создана полная программа курса, отражающая уникальность этой дисциплины и соответствует ее когнитивным способностям. В течение последних лет проверялось, как эта интерпретация курса воспринимается учащимися разных естественнонаучных и гуманитарных специальностей (биологи, физики, химики, философы и культурологи). Эксперимент внес существенные коррективы в разработку курса, показав живой интерес у студентов к теории и истории культуры, особенностям развития как европейской, так и отечественной культуры.

По итогам апробации курс культурологии основывается на сопоставлении роли профессионального и массового знания в научном сознании. Его цель – показать студентам, входящим в профессию, как профессиональное знание становится частью их повседневной жизни и жизни общества. Такое построение курса было продиктовано запросами времени и личным интересом студентов. Он показывает формирование концепции о культуре как объекте научного исследования, как сочетании усилий различных областей знаний, в том числе художественного видения мира, прошедших через призму культурного и исторического опыта, трансформирует знания о культуре в процесс научного самопознания человечества. Этот курс дает обучающимся представление о взаимосвязи между областями знаний и междисциплинарным сотрудничеством, без которых невозможно полностью изучить культуру вообще или ее отдельные отрасли.

В ходе изучения курса на конкретных примерах выявляется зависимость формулировки исследовательских задач от состояния культуры, взаимосвязь политики, философии, антропологии, социологии и психологии в познании культуры в свое время и географическом развертывании, демонстрируются частые расхождения между целями, средствами и результатами практической реализации научных исследований, какими бы бесспорными и необходимыми они ни казались их инициаторам. В общем цель в том, чтобы показать, что магистральной линией научного познания культуры является понимание творческих способностей человека, знание природы его индивидуальности, характеристик личного сознания и сознания различных социальных групп. Научное и художественное видение мира в поисках научно обоснованного понимания человека, его сознания и культуры является предметом культурных исследований как академической дисциплины, которая может дать студенту не только широту научного мировоззрения, но и необходимость осмыслить свое место в жизни как специалиста, так и личности.

Сегодня культурология – одно из самых быстроразвивающихся научных и учебных направлений в гуманитарных науках. Это не только теоретическая дисциплина, ее задача – подготовить специалистов разного уровня и широкого спектра. Курс культурологии, изучаемый бакалаврами, имеет как академический, так и прикладной характер и отвечает потребностям российского и международного научного сообщества и рынка труда в специалистах-гуманитариях.

Основная проблема культурологии и ее преломления в образовательной практике заключается в глубокой разнице между европейскими культурными исследованиями и российскими [6, с. 7]. Обращает на себя внимание глубина представления теоретического материала, его разработка, а также связь с философскими проблемами, присущими русской школе изучения культуры в целом. Между тем Европа и Америка взяли курс на прагматический аспект любых культурных исследований, которые выросли по сути из антропологических проблем (Бирмингемская культурная школа, Чикагская школа социологии

культуры). Отсюда – требования точности представления материала, глубокие аналитические способности, стремление к количественному и качественному выражению основных идей. Поэтому основная трудность – найти адекватный эквивалент европейскому образовательному стандарту. Существует проблема преобразования образовательных программ России и Западной Европы в гуманитарный дискурс в целом и в культурные исследования в частности. Однако российский опыт в этой области (Европейский гуманитарный университет, Смольный колледж) говорит о невозможности полной передачи европейских образовательных традиций на российскую почву. То есть необходимо объединить основы обучения, присущие российской системе образования, и конкретные практические навыки, приобретенные в рамках европейских гуманитарных программ.

С другой стороны, компетентностный подход к образованию требует адекватных ответов на вызовы общества. Отсюда возникает вторая проблема – привести в соответствие образовательную программу по культурологии с международными условиями Болонских соглашений и конкретными отечественными реалиями. Для России важнейшей потребностью на федеральном и региональном уровнях является модернизация высшего образования по подготовке нового поколения исследователей и высококвалифицированных специалистов, готовых к осуществлению инновационной деятельности в условиях рынка. Статистические и рейтинговые показатели свидетельствуют о нарастании востребованности специалистов, совмещающих широкие познания в области гуманитаристики с уникальными навыками аналитического характера. В южно-российском регионе в настоящее время возрастает потребность в специалистах, имеющих фундаментальное гуманитарное университетское образование и владеющих навыками деятельности в различных областях науки и культуры, чему и отвечает современная культурология.

В связи с переходом на многоуровневую систему обучения программа подготовки по направлению «культурология» модернизирована в соответствии с требованиями междисциплинарности и индивидуализированного подхода к обучению [7, с. 118]. Задача состоит в том, чтобы, сохраняя лучшие характеристики российской системы высшего образования, адаптировать программу подготовки бакалавра по направлению «культурология» к современному европейскому опыту. В качестве решения поставленной задачи предлагается построение коммуникативного пространства в рамках культурологии, включающего в себя кредитно-модульную систему обучения, ориентацию на междисциплинарность предлагаемых инновационных курсов, акцентированность на индивидуальной траектории обучения и интерактивность контроля и взаимодействия преподавателя и студента. Разработанная система может быть применена в качестве фрейма для междисциплинарных программ, соединяющих не только гуманитарные направления подготовки, но и естественнонаучные.

В этой связи хочется сказать об образовательных стандартах некогда подготовки специалистов, а теперь бакалавров и магистров культурологов. ФГОС ВПО был разработан учебно-методической комиссией по культурологии с участием представителей компетентных государственных и общественных организаций и на основе методических указаний Минобразования РФ. Он соответствует требованиям Болонского процесса, переходу к двухуровневой системе ВПО, необходимости разработки основных образовательных программ ВПО в кредитно-модульном формате.

Структура ФГОСа включала в себя определение области применения данного документа, раскрытие смысла ключевых терминов, на которые опирается реформа образовательного процесса, характеристику направления подготовки и требования к реализации выработанной на его базе основной образовательной программы (ООП) подготовки бакалавров и магистров по данному направлению. Содержание ФГОСа конкретизировало требования к освоению ООП бакалавра культурологии и магистра культурологии. Важным новаторским содержанием предлагаемого ФГОСа ВПО являлась ориентация на компетентностно - квалификационный подход в отличие от прошлого, ориентированного на накопление определенного багажа знаний без учета его функционального использования и применения.

Сегодня ФГОС ВО обозначает спектр компетенций, требует конкретизации видов деятельности, имеет академический и прикладной характер реализации, формулирует задачи профессиональной подготовки бакалавров и магистров (отличающиеся уровнем сложности и компетентности) по культурологии, включаю-

щие в себя научно-исследовательскую, управленческую, проектно-аналитическую, производственно-технологическую, культурно-просветительскую и преподавательскую деятельность.

Учебные дисциплины ООП нового ФГОСа ВО бакалавров и магистров культурологии в основном не привязаны, как в прошлом стандарте. В целом ФГОС ВО выглядит как фундаментальный документ, определяющий содержание и характер подготовки кадров по направлению «культурология» на будущее. В то же время представляется, что задачи профессиональной деятельности бакалавра культурологии усложнены и излишне детализированы по принципу перечисления, при этом не до конца ясны различия профессиональной деятельности бакалавра и магистра.

На основе научных разработок ростовской философско-культурологической школы был сформирован коллектив авторов. Вышли в образовательное пространство разные виды учебной литературы по культурологии, в том числе популярность и актуальность приобрели учебники, хрестоматии и другие виды учебной литературы.

В этих изданиях учитывался не только опыт авторов. За прошедшее время культура приобрела новые формы самореализации, и ФГОС ВО третьего поколения суммировал положительный опыт в развитии культурологии как научной дисциплины и преподавание ее как образовательного курса. Сегодня мы говорим о необходимости обозначить проблемы и методы, стоящие перед культурологией как самостоятельной дисциплиной. Таким образом, специалисты, подготовленные по направлению «культурология», способны реализовывать полученные знания в областях и сферах деятельности широкого профиля: социокультурной и досуговой, телевизионной и PR, административной всех уровней, образовательной от школы до вуза всех направлений, управленческой.

Становится очевидно, что учебные трансформации идут параллельно с развитием науки, постоянно обновляются и наполняются новым смыслом. Современные молодые специалисты в отечественной философско-культурологической мысли будут продолжать активную работу как в науке, так и образовании.

Литература

1. *Драч Г.В.* У истоков ростовской философско-культурологической школы. Статья 1. М.К. Петров // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 1 (13). С. 5–15.

2. *Петров М.К.* Научно-техническая революция и философия // Историко-философские исследования. М. : РОССПЭН, 1996. 512 с.

3. Наука о науке / пер. с англ. М. К. Петрова. М. : Прогресс, 1966. 422 с.

4. *Жданов Ю.А., Давидович В.Е.* Сущность культуры : 2-е изд. Ростов н/Д. : Наука-пресс, 2005. 502 с.

5. *Драч Г.В.* У истоков ростовской философско-культурологической школы. Статья 2. Ю.А. Жданов и В.Е. Давидович // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 2 (14). С. 5–16.

6. Культурология / под ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. 353 с.

7. *Липец Е.Ю.* Преподавание культурологии в инновационном университете // Инновационный потенциал культурологии и ее функции в системе гуманитарного знания: материалы науч.-практ. конф. СПб., 2008. С. 117–121.

References

1. Drach G.V. U istokov rostovskoi filosofsko-kul'turologicheskoi shkoly. Stat'ya 1. M.K. Petrov [At the Origins of the Rostov Philosophical and Culturological School. Article 1. M.K. Petrov]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2017, Iss. 1 (13), pp. 5-15.

2. Petrov M.K. [Scientific and Technological Revolution and Philosophy]. *Istoriko-filosofskie issledovaniya* [Historical and Philosophical Studies]. Moscow: ROSSPEN, 1996, 512 p.

3. *Nauka o nauke* [Science about Science]. Tr. from Engl. by M. K. Petrov. Moscow: Progress, 1966, 422 p.

4. Zhdanov Yu.A., Davidovich V.E. *Sushchnost' kul'tury* [The Essence of Culture]. 2nd ed. Rostov-on-Don: Nauka-press, 2005, 502 p.

5. Drach G.V. U istokov rostovskoi filosofsko-kul'turologicheskoi shkoly. Stat'ya 2. Yu.A. Zhdanov I V.E. Davidovich [At the Origins of the Rostov Philosophical and Culturological School. Article 2. Yu.A. Zhdanov and V.E. Davidovich]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2017, Iss. 2 (14), pp. 5-16.

6. *Kul'turologiya* [Culturology]. Ed. by G.V. Drach. Rostov-on-Don: Feniks, 1995, 353 p.

7. Lipets E.Yu. [Teaching Culturology in an Innovative University]. *Innovatsionnyi potentsial kul'turologii i ee funktsii v sisteme gumanitarnogo znaniya* [Innovative Potential of Cultural Studies and Its Functions in the System of Humanitarian Knowledge]. Proceedings of the scientific-practical conference. Saint Petersburg, 2008, pp. 117-121.

Поступила в редакцию / Received ***15 мая 2018 г. / May 15, 2018***

УДК 130.2:316.3 DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-22-27

ИСКУССТВО XXI ВЕКА КАК ЧАСТЬ ОБЩЕСТВА КОМФОРТА (ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

© 2018 г. Г.Р. Сарикек [a]
[a] Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов, Сочи, Россия

ART OF THE 21st CENTURY AS A PART OF THE COMFORT SOCIETY (PHILOSOPHICAL-AESTHETIC ANALYSIS)

G.R. Sarikek [a]
[a] Sochi Institute of the Russian People's Friendship University, Sochi, Russia

Сарикек Галина Рубеновна –
кандидат философских наук,
Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов,
ул. Куйбышева, 32, г. Сочи, 354348, Россия.
E-mail: sarikek@mail.ru

Galina R. Sarikek -
Candidate of Philosophy,
Sochi Institute,
Russian People's Friendship University,
Kuibysheva St., 32, Sochi, 354348, Russia.
E-mail: sarikek@mail.ru

Раскрываются основные характеристики искусства в XXI в., которые оказали существенное влияние на художественную культуру, что вызвало появление новейших разновидностей арт-практик. В классической традиции особенность творческого процесса выражалась в нерасчлененности его субъективно-объективной обусловленности, а само искусство способно было удовлетворять художественную потребность лишь тогда, когда выступало в качестве цели. В процессе изучения основных характеристик эпохи постмодерна установлено, что кризис искусства наблюдается в разложении стиля, который придает целостность как отдельному произведению, так и целой эпохе. Потеря стиля ведет к смерти искусства, к его бездуховности и утилитарности.

Выделяются и описываются характерные особенности общества потребления, основанного на приоритете материального начала над духовным, вследствие чего происходит трансформация и подмена удобными псевдоценностями, данный факт приводит к вульгаризации искусства и культуры. Отмечается, что основное место в обществе комфорта отведено китчу, который определяется как псевдообъект, симуляция и копия, выполняющий антиэстетическую функцию в массовой культуре. Само по себе массовое искусство одновременно удовлетворяет, культивирует, но и снижает примитивные запросы публики, а значит, и само искусство превращается в индустрию по производству массового, одинакового товара. Все говорит о том, что XXI в. научился подменять бытие сознанием, а искусство стало направленным на производство симулякров. К методам исследования относятся сравнительно-исторический метод, дедуктивный, анализ, обобщение и др. Результаты исследования могут быть применены не только в области философских знаний (социальная философия, философская антропология), но и в психологии.

Ключевые слова: *искусство, общество комфорта, китч, симулякр, постмодернизм, стиль, массовое искусство.*

This article reveals the main characteristics of art in the 21st century, which had a significant impact on artistic culture, which caused the emergence of new varieties of art practice. In the classical tradition, the feature of the creative process was expressed in the indivisibility of its subjective-objective conditioning, and the art itself was able to satisfy the artistic need only when it acted as a goal. In the process of studying the basic characteristics of the postmodern era, it is established that the art crisis is observed in the decomposition of a style that gives integrity to a single work, as well as to an entire epoch. It is revealed that it is the loss of style that leads to the death of art, to its lack of spirituality and utilitarianism.

The author identifies and describes the characteristic features of a consumption society based on the priority of the material principle over the spiritual, as a result of which transformation and substitution with convenient pseudovalues occurs, this fact leads to the vulgarization of art and culture. It is noted that the main place in the comfort society is assigned to kitsch, which is defined as a pseudo-object, a simulation and a copy that performs an anti-esthetic function in mass culture. Mass art in itself simultaneously satisfies, cultivates, but also reduces the primitive demands of the public, and, therefore, the art itself turns into an industry for the production of mass, identical goods. Everything says that the 21st century has learned to substitute a being with a consciousness, and art has become directed at the

production of simulacrums. Methods of research include the comparative-historical and deductive methods, analysis, generalization, etc. The results of the research can be applied not only in the field of philosophical knowledge (social philosophy, philosophical anthropology), but also in psychology.

Keywords: *art, comfort society, kitsch, simulacrum, postmodernism, style, mass art.*

Актуальность обращения к проблеме характеристики искусства в XXI в. связана с процессом глобализации, охватившей не только все сферы культуры, но и ставшей ключевым признаком современной эпохи. Постоянная трансформация ценностей и переосмысление фундаментальных понятий проникли даже в те области, в которых незыблемо царило субъективное творчество духа. Человек XXI в. стремится уйти от разлада с самим собой и окружающим миром, боли и горя, дискомфорта в зону физического и морального благополучия, комфорта, что стало следствием формирования нового типа потребителя. Жизненные реалии нашли отображение в искусстве, освобожденном от строгих правил прошлого, с необъяснимым желанием разорвать все принятые нормы, стремясь создать новые, до этого неизвестные никому практики, с иными способами раскрытия своих сюжетов.

Проблема философского осмысления искусства в XXI в. освещается в работах Ж. Бодрийяра, Э. Фромма, Х.А. Ливрага, В.В. Вейдле, В.В. Бычкова, Н.Б. Маньковской и др.

Цель нашего исследования – выявление сущностных характеристик искусства как части общества комфорта.

Современный этап в истории культуры, который принято называть эпохой постмодерна, сопровождается прежде всего разрушением идеи автора и произведения, а отсюда и кардинальными изменениями в сфере искусства. Художественный процесс второй половины XX в. принципиально отличается от всего существовавшего ранее. Постмодернизм расценивается как «реакция на модернистский культ нового» [1, с. 72], как элитная реакция на массовую культуру, как полицентричное состояние этико-эстетической парадигмы. В новой плюралистичной культурно-коммуникативной ситуации большую роль играют средства массовой коммуникации, которые обогащаются все более разнообразными и совершенными возможностями передачи информации.

Научно-технический прогресс (НТП) привел к современной техногенной цивилизации, что повлияло на художественную культуру, на все виды традиционного искусства и вызвало появление новейших разновидностей арт-практик. Вследствие того возникли принципиально новые виды искусства, которые оказали влияние на формирование сознания новейшего типа: «Меняется язык традиционных (литература, живопись, музыка, театр, балет) и технических (фотография, кинематограф и другие экранные искусства, мультимедиа) искусств, возникли актуальные технизированные арт-практики (перформансы, акции, инсталляции), а также новейшие сетевые арт-феномены» [2]. Все это говорит о том, что НТП оказывает влияние на изменение менталитета, психологии восприятия, склада мышления, идеологии, системы миропонимания человека и традиционных средств художественного выражения (изобразительность, выразительность, дескриптивность, тональность, ритмичность и т.п.). Таким образом, происходит подмена бытия сознанием.

В философском словаре: «Искусство – форма творчества, способ духовной самореализации человека посредством чувственно-выразительных средств (звука, пластики тела, рисунка, слова, цвета, света, природного материала и т.д.)» [3]. В классической традиции особенность творческого процесса выражалась в нерасчлененности его субъективно-объективной обусловленности, а само искусство способно было удовлетворять художественную потребность лишь тогда, когда выступало в качестве цели. Например, Гегель обозначил тенденцию, которая в XXI в. постоянно обращает на себя внимание: «Мы не считаем больше искусство высшей формой, в которой осуществляет себя истина. Можно, правда, питать надежду, что искусство и дальше будет расти и совершенствоваться, но его форма перестала быть высшей потребностью духа» [4, с. 11]. Таким образом, искусство XXI в. постепенно угасает, чем определяет огромную пропасть между познанием и творчеством. В. Вейдле считает, что писатель отступает перед философом, а закат романа воплощается в распространении журналистики и в ассимиляции литературой кинематографических форм (например, монтажа), а также во вторжении в художественный вымысел документа. Ситуация в литературе похожа на принцип кубизма, где представители данного направления в живописи

анализируют не мир, а картину, саму живопись. Выходит, что литература уподобляется процедурам психоанализа. Таким образом, если в классическом романе главным был герой, то в XX в. на смену ему приходит сам автор и психологические основы творчества.

Более всего кризис искусства наблюдается в разложении стиля, который придает целостность как отдельному произведению, так и всей эпохе. Стиль выступает как иррациональная основа художественного творчества, религиозной и национальной укоренённости искусства. Именно утрата стиля приводит художника к одиночеству, а предметом его творчества становится исключительно поиск собственного «я». В. Вейдле пишет: «Стиль нельзя ни выдумать, ни воспроизвести…Стиль есть такое общее, которым частное и личное никогда не бывает умалено. Его не создает отдельный человек, но не создается он и в результате хотя бы очень большого числа направленных к общей цели усилий; он – лишь внешнее обнаружение внутренней согласованности душ, сверхразумного, духовного их единства; он – воплощенная в искусстве соборность творчества» [5]. Потеря стиля приводит к смерти искусства, к его бездуховности и утилитарности, вынужденного функционировать в цивилизации, в которой господствует рассудок. Естественно, этому растворению в цивилизации искусство сопротивляется своим интересом к чудесному для возвращения иссякающей творческой силы. В. Вейдле считает, что только после воссоединения с религией искусство способно будет возродиться.

Искусство хоть и бросает человека в «океан» безграничных возможностей, симулякров, псевдокатегорий, но и побуждает его не замыкаться в границах найденных и освоенных мифологем, постоянно ощущать безбрежность окружающего мира, понимать важность безграничного формирования себя. Но на данном этапе развития «искусство стало утрачивать или существенно модифицировать свои традиционные и, казалось бы, незыблемые основания: миметичность, идеализацию, символизм, выражение сущностных оснований бытия, художественно-эстетическую основу, духовность и т. п.» [2].

Постмодернизм всегда вторичен, он не располагает собственным материалом, лишен собственной субстанции и может предъявлять только то, что есть или что было в наличии. Как отмечал В. Мартынов, композитор в XX в. скорее представляет собой некую претензию на оригинальность, неповторимость, новаторство, а композитор XXI в.– это уже некий «фантом композитора», который просто собирает мозаику из долек огромного наследия прошлого – ведь с точки зрения композиторских средств уже нельзя придумать ничего нового. Ключевой фигурой и «творцом» сегодня становится коммерческий инициатор проекта (продюсер). В целом «переход от произведения к проекту, от автора к инициатору проекта и от представления к информационному поводу есть следствие фундаментального перехода от пространства искусства к пространству производства и потребления» [6]. В искусстве постмодерна вторичность превращается в необходимое условие существования, в некий «модус существования», ибо постмодерн – это какой-то определенный материал, стиль или язык, но это некие симулякры языка, стиля и символики, имитирующие ранее существовавшие смысло-ценности.

Современная эпоха характеризуется многомерностью во всей своей полноте, но, обладая автономностью по отношению к политическим и экономическим процессам, это может проявиться в искусстве и обнаруживает повышенную чувствительность к событиями, происходящим в мире. Постоянная смена творческих задач, ценностных критериев, условий жизни, привела к изменению понятий профессионализма в творческой деятельности, когда понятие «дилетантизм» утратило свое негативное значение, а опознавательной характеристикой в искусстве становится торжество некомпетентности.

В западном мире давно установлено, что ценность индивидуальных свобод и достижений политически выгодна, экономически и социально эффективна, ведь человек тогда пойдет на сотрудничество, когда ему предоставляются условия комфортного существования. Сейчас, как никогда, ощущается потребность в выработке новых ценностей и средств, например, обращение к ценности комфорта как части присущей индивиду естественной системы удовлетворенности. Х.А. Ливрага характеризует общество комфорта как «совокупность чрезмерно раздутых естественных человеческих потребностей» [7].

Характерной чертой общества потребления является приоритет материального над духовным, вследствие чего происходит трансформация и подмена удобными псевдоценностями. Следовательно, само потребление наделяется аксиологическим аспектом, ведь вещи приобре-

таются зачастую без видимой необходимости и человек становится одиноким в мире, превращаясь в товар, чем обрекает себя на отчужденность и одиночество. Вследствие этого, Э. Фромм выделяет специфику эстетики общества потребления как искусство, обслуживающее сферу потребления и ставшее предметом потребления: «Потребление у нас – прежде всего удовлетворение искусственно созданных прихотей, отчужденных от истинного, реального нашего “я”» [8].

Ж. Бодрийяр выделяет основные черты «общества потребления» XX в. и акцентирует внимание на влиянии процессов в формировании интеллектуального и морального состояния граждан. Функция искусства понимается как игра на двусмысленности знака в предметах и превращении их статуса в полезный товар, в игру окружения. Таким образом, происходит вульгаризация искусства и культуры. Как известно, в течение веков искусство выступало как уникальный объект, который требовал особого восприятия, но на данном этапе развития общества искусство, основанное на редкости продукта, прекратило свое существование. В XXI в. место одинокого владельца и просвещенного любителя заняла масса, заинтересованная в восприятии произведений искусства, размноженных и сделанных в нескольких экземплярах.

Примером одного из главных видов современных вещей является китч, как «вся категория “никчемных” предметов, украшений, поделок, аксессуаров, фольклорных безделушек, “сувениров”, абажуров или негритянских масок – все собрание барахла, которое повсюду быстро распространяется, особенно в местах проведения каникул и досуга» [9]. Китч может быть везде, он определяется преимущественно как псевдообъект, симуляция, копия, искусственный объект, стереотип. Распространение китча характеризуется умножением количества вещей для массовой культуры.

Общеизвестно, что в классическую эпоху даже копия произведения искусства имела «подлинную» ценность, а с конца XIX в. и начала эры мобильности, появления универсальных магазинов китч связывают с особой «эстетической» или антиэстетической функцией. «Эстетике красоты и оригинальности китч противопоставляет свою эстетику симуляции: повсюду он воспроизводит вещи большими или меньшими, чем образец, он имитирует материалы (имитация мрамора, пластмасса и т. д.), он подражает формам или комбинирует их неподходящим образом, он повторяет моду, не проживая ее» [9]. Таким образом, эстетика симуляции связывается с функцией китча, выраженной в стремлении социального ожидания как эстетики аккультурации, выливающаяся в предметную субкультуру XXI в.

Ярким выражением общества потребления является массовое искусство, возникновение которого связывают с последней третьей XIX в., характерирующегося простотой для восприятия и понимания, с выраженной развлекательной функцией. Примерами массового искусства, как известно, служат полицейские романы (детективы), оперетта и варьете, авантюрная проза, поп-арт и др. Массовое искусство одновременно удовлетворяет, культивирует, но и снижает примитивные (низменные) запросы публики. В результате этого сфера искусства превращается в индустрию по производству массового, одинакового товара, вследствие чего редкий товар становится дорогим и малодоступным.

В. Беньямин акцентирует внимание на влиянии техники и технологий на произведения искусства, что проявляется в массовом тиражировании, за которым теряется уникальность произведения искусства. Постепенно, с развитием массовых форм искусства, таких как фотография или кино, произведение оставляет за собой лишь утилитарное значение. Если раньше искусство требовало от зрителя концентрации внимания, глубины восприятия, то новое (массовое) искусство этого не требует: оно развлекает, рассеивает внимание и может служить мощным инструментом мобилизации и пропаганды. Отметим, что средства технической репродукции достигли уровня, находясь на котором они не только начали превращать в свой объект всю совокупность имеющихся произведений искусства и серьезнейшим образом изменять их воздействие на публику, но и заняли самостоятельное место среди видов художественной деятельности. Но «…даже в самой совершенной репродукции отсутствует один момент: здесь и сейчас произведения искусства – его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится» [10].

Анализируя предметы искусства и само искусство XX и XXI вв., выходит, что предметы искусства перестают быть связанными с моральными и психологическими ценностями. Предметы искусства начали приобретать важ-

ность как автономные элементы анализа пространства (кубизм и т. д.), превратились в абстракции и выразились в дадаизме и сюрреализме, деструктурированные и уничтоженные в абстракционизме. Образ предмета больше не является истиной, сущностью и значением объекта, что было характерно для классической традиции, а выступает знаком, вследствие чего формой современного искусства явился поп-арт, выражающий логику знаков и потребления (мир-предмет). Главная особенность поп-арта – отсутствие творческого жеста, воспоминаний, он – интеграция в этот мир с целью его уничтожения благодаря коммерческой основе своих продуктов, становясь при этом искусством банального и общедоступного.

С началом активного процесса переоценки классических ценностей в художественно-эстетической сфере в обществе потребления традиционные эстетические категории, которые берут свое начало в античности, в XXI в. понимаются как абстрактные и оказываются недостаточно привязанными к конкретным вещам. В эстетике общества потребления вырабатываются «симулякры» как псевдокатегории (солидное, гламурное, привлекательное т.п.), которые на самом деле являются «ничем» и не ориентированы на долгую жизнь в культурном пространстве. В обществе комфорта все предметы, а значит, и человек, лишены всякого эстетического содержания, всякого незаинтересованного (бескорыстного) удовольствия [11, с. 204]. Следовательно, данный вид общества становится тоталитарной культурой, в которой ценность вещи относительна, а оценка лишена всякого трансцендентного содержания. Политика государства направлена на развитие низменных ценностей, противопоставляясь аскетичной, духовной, подлинной жизни, сделала «удобной» ее для формирования «нужных» ценностей и идеалов.

Искусство XXI в. становится предметом потребления или обслуживает сферу потребления, имея при этом денежный эквивалент, и все достоинства произведения искусства определяются его рыночной стоимостью и формированием символической системы ценностей (бренд или марка). Данный факт и заложил основу формирования художественного рынка как одного из признаков капиталистического общества. В любом случае, как бы ни пытались веяния современного искусства вытеснить классические эстетические парадигмы, тень прошлого всегда рядом, правда, уже в трансформированном виде. При всем отвержении в современном искусстве бескорыстного восприятия целью художника становится создание чего-либо эксклюзивного, таким образом это приводит к двойственности – товарной стоимости и бесценности, к чему стремится современное искусство.

Искусство XXI в. превращается в товар, связанный с тиражированием и стандартизацией, а основной целью его выступает культивация новых ценностей и ориентированность на большое количество людей, что позволяет извлекать высокие доходы. Автор произведения находится в определенных рамках и вынужден работать как на себя, так и на массового потребителя. Характерная особенность общества комфорта в приоритете материального над духовным выражена в удовлетворении изощренных как реальных, так и мнимых интересов и потребностей человеческого существования. Следовательно, искусство направлено на производство симулякров. Менеджмент потеснил творчество, а произвел на свет новое понятие «креатив», фиксирующее «поточный» и «производственный» характер художественной деятельности. Искусство все более явно представляется сферой общедоступной и прикладной, обслуживающей какие-либо иные, порой не согласующиеся с его природой виды деятельности.

Естественно, вечным остается вопрос о сущности искусства, о критериях его произведений, ведь в то же время со всей полнотой очевидности продолжают существовать и традиционные формы искусства, актуальным для современной культуры является опыт прошлых эпох.

Литература

1. *Капичина Е.А.* Философия музыки: от языка – к восприятию. Луганск : Изд-во ГОУ ЛНР им. М. Матусовского, 2018. 360 с.

2. *Бычков В., Маньковская Н.* Искусство техногенной цивилизации в зеркале эстетики // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 62–72. URL: http://naukarus.com/iskusstvo-tehnogennoy-tsivilizatsii-v-zerkale-estetiki (дата обращения: 11.03.2018).

3. Философская энциклопедия. URL: https:// slovar.wikireading.ru/556536 (дата обращения: 11.03.2018).

4. *Гегель Г.-В.-Ф.* Эстетика. Т. 1. М. : Искусство, 1968. 320 с.

5. *Вейдле В.* Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. URL: https://fil.wikireading.ru/81645 (дата обращения: 11.03.2018).

6. *Мартынов В.И.* Зона opus posth, или Рождение новой реальности. URL: http://maxima-library.org/razyskivayutsya/b/272450/read.html (дата обращения: 13.03.2018).

7. *Ливрага Х.А.* Общество комфорта и философия риска. URL: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/KomfRisk_JAL/ (дата обращения: 13.03.2018).

8. *Фромм Э.* Человек одинок. URL: https:// monocler.ru/chelovek-odinok-erih-fromm/ (дата обращения: 13.03.2018).

9. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. URL: https://www.litmir.me/br/?b=106836&p=1 (дата обращения: 13.03.2018).

10. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. URL: http:// www.chaskor.ru/article/proizvedenie_iskusstva_v_ epohu_ ego_tehnicheskoj_vosproizvodimosti_18738 (дата обращения: 13.03.2018).

11. *Кант И.* Критика способности суждения // Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 5. URL: https://e-libra.ru/read/254458-kritika-sposobnosti-suzhdeniya.html (дата обращения: 13.03.2018).

References

1. Kapichina E.A. *Filosofiya muzyki: ot yazyka – k vospriyatiyu* [Philosophy of Music: from Language to Perception]. Lugansk: Izd-vo GOU LNR im. M. Matusovskogo, 2018, 360 p.

2. Bychkov V., Man'kovskaya N. Iskusstvo tekhnogennoi tsivilizatsii v zerkale estetiki [The Art of Technogenic Civilization in the Mirror of Aesthetics]. *Voprosy filosofii*. 2011, No. 4, pp. 62-72. Available at: http://naukarus.com/iskusstvo-tehnogennoy-tsivilizatsii-v-zerkale-estetiki (accessed 11.03.2018).

3. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Available at: https://slovar.wikireading.ru/556536 (accessed 11.03.2018).

4. Gegel' G.-V.-F. *Estetika* [Aesthetics]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo, 1968, 320 p.

5. Veidle V. *Umiranie iskusstva. Razmyshleniya o sud'be literaturnogo i khudozhestvennogo tvorchestva* [Dying of Art. Reflections on the Fate of Literary and Artistic Creation]. Available at: https://fil.wikireading.ru/81645 (accessed 11.03.2018).

6. Martynov V.I. *Zona opus posth, ili Rozhdenie novoi real'nosti* [Zone Opus Posth, or the Birth of a New Reality]. Available at: http://maxima-library.org/razyskivayutsya/b/272450/read.html (accessed 13.03.2018).

7. Livraga Kh.A. *Obshchestvo komforta i filosofiya riska* [Comfort Society and Risk Philosophy]. Available at: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/KomfRisk_JAL/ (accessed 13.03.2018).

8. Fromm E. *Chelovek odinok* [Man is Lonely]. Available at: https://monocler.ru/chelovek-odinok-erih-fromm/ (accessed: 13.03.2018).

9. Bodriiyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer Society. Its Myths and Structures]. Available at: https://www.litmir.me/br/?b=106836&p=1 (accessed 13.03.2018).

10. Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Technical Reproduction]. Available at: http:// www.chaskor.ru/article/proizvedenie_iskusstva_v_ epohu_ego_tehnicheskoj_vosproizvodimosti_18738 (accessed 13.03.2018).

11. Kant I. [Criticism of Judgment]. *Soch*. [Compositions]. In 6 vol. Moscow, 1966, vol. 5. Available at: https://e-libra.ru/read/254458-kritika-sposobnosti-suzhdeniya.html (accessed 13.03.2018).

Поступила в редакцию / Received ***21 марта 2018 г. / March 21, 2018***

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ
HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

УДК 94"15/18" DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-28-33

ИРЛАНДСКИЕ И ШОТЛАНДСКИЕ МИГРАНТЫ В ЛОНДОНЕ XVIII ВЕКА

© 2018 г. В.Ю. Апрыщенко [а], Н.А. Лагошина [а]
[а] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE IRISH AND SCOTTISH MIGRANTS IN LONDON IN THE 18th CENTURY

V.Yu. Apryshchenko [a], N.A. Lagoshina [a]
[a]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Апрыщенко Виктор Юрьевич –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений, директор,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: victorapr@sfedu.ru

Victor Yu. Apryshchenko -
Doctor of History, Professor,
Department of Foreign History
and International Relations, Director,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: victorapr@sfedu.ru

Лагошина Наталия Анатольевна –
магистрант, кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: natallidalli@mail.ru

Natalia A. Lagoshina -
Master's Degree Student, Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: natallidalli@mail.ru

Миграция шотландцев и ирландцев в Лондон имеет глубокие корни. Общественно-политические и экономические реалии XVIII столетия спровоцировали всплеск миграции, особенно усилившийся во второй половине века. В механизмах интеграции, а также процессах адаптации и взаимодействия обеих диаспор в английском обществе прослеживаются некоторые сходства. Однако есть и существенные отличия. Актуальность данной проблемы также определяется отсутствием компаративного исследования ирландско-шотландской миграции как в отечественной, так и в зарубежной историографии. На основе изученных источников авторы статьи выявляют особенности ирландской и шотландской миграции в Лондон, а именно определяют категории мигрантов, условия проживания, географическое расположение шотландских и ирландских мигрантов в Лондоне, а также законодательство, регулирующее миграцию.

Ключевые слова: *ирландские и шотландские мигранты, Лондон XVIII в., национальная идентичность, адаптация мигрантов, шотландская и ирландская диаспоры, отношение англичан к ирландцам и шотландцам, Новое время.*

The migration of Scots and Irish to London has deep roots. Dealing with migrants is the problem that has been pervasive for almost all human history. The socio-political and economic realities of the 18th century provoked on resurgence of migration in the second half of the century. There are similarities and differences between the processes of adaptation and interaction of both diasporas in English society. As a rule, the question of Irish and Scottish migration to London has

been considered within the framework of the Victorian Era, while the previous century migration hasn't attracted much attention of foreign and Russian scientists. According to the studied sources, the authors of the article determine the typical categories of migrants and reveal factors that accounted for living conditions, geographical location, job distributions of Scottish and Irish migrants in London, and investigate the state legislation, governing of the migration.

Keywords: *the Irish and Scottish migrants, London in the 18th century, national identity, adaptation of migrants, the Scottish and Irish diasporas, the Modern time*.

XVIII в. стал важной вехой в истории миграции в Лондон. Основную часть мигрантов поставляли Шотландия и Ирландия.

Для шотландской и ирландской миграции в Лондон первые десятилетия XVIII в. сыграли роль переломного момента. После унии 1707 г. шотландцы начинают принимать активное участие в британской политике. Чем успешнее продвигался интеграционный процесс и формировались сферы, где англичане и шотландцы действовали заодно, будь то в области строительства империи или в становлении индустриального общества, тем острее некоторые выходцы с севера чувствовали всю неоднозначность объединения. Пусть и не на макроуровне, а скорее в межличностных связях и контактах, шотландский провинциализм становился объектом критики и насмешек со стороны англичан, что вновь и вновь поднимало вопрос о природе объединения, его характере и о том, что такое шотландскость и как она может проявляться. Решающими в этом вопросе стали 1760–1780-е гг.

Одним из последствий печально известных Уголовных законов [1, p. 12–31], принятых в парламентах Ирландии после Якобитских войн с целью искоренить любое возрождение католической угрозы, была эмиграция католической элиты, утратившей политическую и социально-экономическую власть. Способы удержания земли в руках католиков требовали юридических знаний и доступа к адвокатам, которым можно было доверять. Интересно, что это подвигло многих ирландцев отправиться в Лондон, чтобы подтвердить профессиональную специализацию и добиться желаемой должности у себя на родине. Атторнеи, солиситоры, а также юристы, занимающиеся операциями по передаче недвижимости, могли обучаться и в Ирландии, но с середины XVI в. те, кто хотел построить карьеру в высших ветвях власти, должны были получить дополнительное образование в Лондоне. К 1800 г. в четыре судебные инны приняли более 4000 ирландских студентов. Естественно, приток выходцев из Ирландии, как и в случае с шотландскими мигрантами, не мог не отразиться на восприятии их самими англичанами [2, p. 40–48].

Столица Англии традиционно привлекала шотландцев и ирландцев. Шотландцы жили в Лондоне задолго даже до унии корон 1603 г., что нашло проявление в создании шотландского двора – своеобразного места сбора диаспоры в английской столице – и целого ряда домов шотландской аристократии, которые иногда были местом их постоянного проживания.

Вслед за первой волной миграции шотландских аристократов последовала новая – после заключения унии 1707 г. 45 шотландских парламентариев перебрались в Лондон для участия в работе первого британского парламента. Это перемещение послужило сигналом для других шотландцев, представителей разных социальных групп, к тому, чтобы последовать за высшими политическими элитами.

Уния 1707 г. ничего не говорила об их правах на поселение в Англии, в то время как столетие назад, в 1603 г., было специально оговорено, что родившиеся на территории Шотландии дети после унии корон получают право называться англичанами в Англии, и после 1707 г. это право, как считалось, не нуждалось в подтверждении. В отличие от 1603 г., в 1707 г. не произошел переезд двора вместе с придворными в Лондон.

Хотя уния 1707 г. и начало правления ганноверской династии в 1714 г. привели к новым волнам шотландских парламентариев, прибывавших в Лондон, массовое неприятие англичанами бедных французских протестантов, бежавших тогда же от католического преследования Людовика XIV в Великобританию, сделало шотландцев второстепенным объектом критики, и язык парламентских дискуссий становится менее враждебным в адрес шотландцев, отношение к которым в первые десятилетия XVIII в. было, скорее, дружеско-насмешливым [3, p. 511].

В отличие от шотландцев представители ирландской знати не являлись большими поклонниками проживания в Лондоне, более того, волна ирландской миграции включала в себя представителей самых широких слоев общества и, конечно же, значительные массы бедняков. Сами ирландские поселения в столице Англии ве-

дут свое начало с более ранних времен. По крайней мере уже в XVI в. огромное количество неимущих слоев компактно проживало в Спитлфилдс и «Грачовнике», располагавшихся на окраинах столицы.

Новая волна ирландских иммигрантов, приходящаяся на рассматриваемый период, никак не регулировалась законодательно. Отсутствуют также данные о стремлении ирландской знати переселяться в Лондон. С другой стороны, нельзя отрицать, что ирландская знать, которая все-таки попадала в Лондон, очень стремилась подражать англичанам в моде, поведении и образе жизни. Сын ирландского адвоката, Уильям Хикки, получив юридическое образование в Лондоне, занимался бизнесом в разных адвокатских конторах, и в то же время активно посещал театры, общественные заведения для развлечений, и тратил значительные суммы на модную одежду [4, p. 124], пытаясь ни в чем не отстать от англичан.

Интересно, что отношение к ирландцам в Лондоне было более негативным, чем к шотландцам, и даже враждебным, в основном из-за их религиозной принадлежности и стереотипных представлений англичан относительно иммигрантов.

Сегодня довольно трудно судить о численности населения как шотландского, так и ирландского, поскольку никакой официальной статистики иммигрантов в то время не велось. Впрочем, некоторые данные нам дают сохранившиеся сведения по посетителям больниц английской столицы.

Исследование учета тех, кто в 1770-е гг. был посетителем Вестминстерской благотворительной лечебницы, показывает, что 8,3 % пациентов мужского пола и 4,6 % пациентов-женщин, постоянно проживающих в Лондоне, были родом из Шотландии [5, p. 47], 11,7 % мужчин и 5,5 % женщин – из Ирландии. Как отмечает доктор Блэнд, количество женщин среди ирландцев составляло три к семи, т.е. на 196 мужчин приходилось 84 женщины [6, с. 121].

Большая часть приезжающих в Лондон, и шотландцы не были исключением, были мужчины в возрасте от 20 до 30 лет, мигрировавшие в поисках работы, значительная доля которых обладала профессиональными навыками в коммерции и администрировании, в частности, являлись клерками, а после 1760-х гг. среди профессий стали выделяться и военные [7, p. 120–121].

Самую большую группу мигрантов ирландского среднего класса представляли юристы. В бизнесе и делопроизводстве судов Лондона было занято до 50 барристеров, атторнеев, солиситоров и нотариусов. В общей сложности к представителям низшего джентри принадлежало от 250 до 300 человек. Поскольку многие из этих мужчин проживали со своими семьями, сегмент ирландцев среднего класса в Лондоне достигал около 500 человек [8, p. 117].

Среди шотландцев подавляющее большинство приезжих ранее уже проживало в городах, и многие, очевидно, были хорошо образованными. То, что приезжающие в Лондон жители севера происходили из образованных слоев, были амбициозны и, обладая профессиями юристов и докторов, стремились занять высокое положение в принимающем обществе, привело к тому, что лишь 3 % взрослых лондонских нищих в конце XVIII в. были шотландцами по происхождению, что было в разы меньше ирландцев, составлявших 34 % попрошаек Лондона, в то время как общее ирландское население столицы исчислялось 11 % [9, p. 76]. В самом деле даже те шотландцы, которые в Лондоне оказывались в затруднительном положении, всегда выходили из него более успешно, чем ирландцы, причиной чему, очевидно, являлся высокий образовательный уровень, позволявший наниматься клерками и учителями, а также осваивать новые профессии.

По сравнению с шотландцами ирландских иммигрантов, представляющих средний слой, в Лондоне было в разы меньше. Они принадлежали к семьям с умеренными и значительными доходами и, как правило, занимали привилегированное положение среди местных общин Ирландии.

Еще одну группу ирландских мигрантов среднего класса составляли торговцы. Ирландские купцы покупали и продавали ирландский лен и продовольствие, страховали ирландские товары, предоставляли кредиты ирландским производителям в Лондоне и торговцам в Ирландии. Их привлекали и другие рынки за пределами Британских островов.

Последняя четверть XVIII в. стала пиком роста ирландского населения в Лондоне. В городе насчитывалось уже 6 крупных ирландских счетных домов [10, p. 35].

На основании данных, взятых из 46 торговых справочников, охватывающих период с 1736 по 1796 г., в общей сложности было зарегистриро-

вано 66 торговых домов, названных «ирландскими» в данный период [4, p. 163].

В отличие от бедняков, ирландские торговцы в Лондоне не проживали в каком-то определенном районе, они были рассеяны по всему городу. Такое распределение произошло потому, что торговцы создавали магазины, руководствуясь не социальными связями, а исходя из практических соображений [4, p. 166]. Город не был разделен на четко определенные торговые сектора, хотя определенные места были связаны с конкретными видами торговли, такие как площадь Девоншир, ассоциировавшаяся с торговлей с Левантом, и площадь вокруг Лиденхолл-стрит – с торговлей в Ост-Индии [11, p. 69].

В XVIII в. купцы, торгующие текстилем, обеспеченные необходимыми помещениями, подходящими для их торговли, селились в западной части города, особенно в районе между Скидсайдом и Гилдхолл [12, p. 85–114].

Довольно интересным является вопрос о приживаемости мигрантов. Например, выходцы из шотландской Каледонии были вовлечены в политическую, культурную, экономическую жизнь столицы, внося при этом значительный вклад в создание общего чувства «британскости», хотя параллельно поддерживали и шотландскую национальную идентичность. И всегда в этом процессе они встречали сопротивление со стороны англичан, генерировавших перманентное чувство скоттофобии, являвшейся отличительным феноменом Лондона.

По приезду в Лондон ирландские мигранты также встречали сопротивление со стороны англичан. Для построения успешной карьеры в английской столице ирландцы из привилегированных слоев общества и среднего класса предпочитали ассимилироваться с принимающим обществом. Известный британский государственный деятель герцог Веллингтон с шуткой говорил о своем ирландском происхождении, что «рождение в конюшне не делает тебя лошадью» [4, p. 10]. Выход из употребления частиц О’ и Мас’ в начале ирландских имен подтверждает стремление ирландцев соответствовать англичанам [13, p. 211–215]. Опыт проживания в иной культурной среде позволял выходцам с Зеленого острова переосмыслить собственную идентичность.

По мере развития бизнеса и накопления состояния они перевозили в Лондон своих близких или женились на англичанках. Ирландский студент Уильям Кейн приехал в Лондон после Кембриджа и поступил в Миддл Темпл в 1763 г., где проучился три семестра в качестве студента-юриста [14, p. 626]. Уильям Хики утверждал, что Кейн получил в наследство поместья в Ирландии, которые приносили ему 2 000 фунтов стерлингов в год. Он владел «прекрасным городским домом» на фешенебельной улице Бернерс, развивал карьеру юриста и был покровителем большинства своих ирландских товарищей. Уильям Кейн женился на англичанке Элизабет Джонсон, однако попечители ее отца не одобряли этот брак и удерживали состояние, на которое она претендовала.

Конечно, переселение в Лондон было сопряжено с трудностями. Такой переезд мог являться источником персональной и психологической травмы в том случае, если мигрантам не удавалось овладеть тем механизмом, который бы способствовал смягчению смены социального контекста и мог привести к успешной ассимиляции. Для того чтобы достичь успеха в этом процессе интеграции иммигрант в Лондоне должен был стать частью миграционной социальной сети и быть способен использовать социальные связи в поисках необходимой информации, влияния, конструирования новой идентичности в целях продвижения собственных способностей.

В конце XVIII в. в Лондоне появились первые организованные группы выходцев из Каледонии. В 1690-х гг. активно действовала пресвитерианская организация школьных учителей, представлявшая собой неформальное агентство по трудоустройству для тех выходцев с севера, кто планировал связать свою жизнь с преподаванием [9, p. 100]. Другой тип социальной сети, поддерживающей шотландцев в столице, был связан с существованием торговых клубов или «обществ друзей». Кроме того, в Лондоне существовала регулярно действующая Шотландская танцевальная ассамблея, собиравшаяся с 1760-х гг. в таверне Кингс Армс в Чипсайде, в работе которой принимали участие как мужчины, так и женщины – выходцы из шотландских средних слоев [15, p. 402]. Излюбленным местом ирландских студентов-юристов в Лондоне была «Греческая кофейня» в Девере-корте [16, p. 2]. Это место, представляющее собой свободное пространство для общественных дискуссий, стало популярным у них в 1740-х гг.

Ирландские и шотландские мигранты в Лондоне имели разное происхождение и социальный статус. Войдя в новую культурную среду, многие из них успешно адаптировались и интегрирова-

лись, осваивая культурные и социальные нормы, характерные для английского общества и воспроизводили те модели поведения, которые были привычны среди местного населения. Такое поведение помогало им взаимодействовать с местными жителями, заниматься бизнесом и достигать карьерных высот [17].

Большая часть, если не все шотландцы, стремились сохранять связи с диаспорой в Лондоне и старались подчеркнуть эту связь с родиной, и сохраняли деловые контакты с теми, кто остался к северу от границы. Так поступал, например, Роберт Майлн, часто путешествовавший в Шотландию на протяжении всей второй половины XVIII в., для того чтобы поддерживать связи с клиентами, многие из которых были членами городского совета Эдинбурга [8].

Родственные узы не позволяли ирландским мигрантам рвать связь с родиной, укрепляли ее и дела бизнеса. Интересно, что новая социальная идентичность хоть и начинала играть большую роль, не заменяла полностью их этнической идентичности. Известные ирландские адвокаты и деятели торговли, прожившие большую часть жизни в Лондоне, в своих завещаниях просили похоронить их в Ирландии, что подтверждает близкую душевную связь с родиной [4, p. 214].

Лондон был единственным местом, где создавались взаимозависимые отношения, и играл важнейшую роль в развитии ирландского сообщества. Отличительной особенностью ирландской миграции в Лондон XVIII в. были ее величина и разнообразие. Постоянный поток профессионалов, торговцев, студентов, юристов и путешественников создал в английской столице самое многочисленное население ирландских мигрантов среднего класса за пределами Ирландии.

Связь с Лондоном позволяла придать шотландской и ирландской идентичности новую форму – не разрушить национальное самосознание, но сделать его более концентрированным и ориентированным не только внутрь, но и вовне. Оказавшись в столице в период, когда противоборство между британскостью и этнической идентичностью мигрантов было чрезвычайно остро, жители Севера могли почувствовать негативное отношение к себе тех, кто на протяжении многих столетий считался врагом.

Несмотря на то, что английское отношение к шотландцам в XVIII в. являлось типичным примером идентичности метрополии в период трансформации, в идее британскости нашлось место для шотландской национальной идентичности. Напротив, образ ирландца в Лондоне на протяжении рассматриваемого периода сохранял отрицательные коннотации, и отношение к ирландским мигрантам было более негативным и даже враждебным, в основном из-за их религиозной принадлежности и стереотипных представлений англичан относительно иммигрантов.

Литература

1. The Statutes at Large, Passed in the Parliaments Held in Ireland: From the second year of Anne, A.D. 1703, to the sixth year of George the First, A.D. 1719. 578 p.

2. *Kenny C.* King’s Inn and the Kingdom of Ireland: The Irish Inns of Court. 1541–1800. Dublin, 1992. 352 p.

3. The History of Parliament: The House of Commons, 1754–1790 / ed. by L. Namier, J. Brooke. N.Y., 1964. Vol. I. 554 p.

4. *Bailey C.* Irish London: Middle-Class Migration in the Global Eighteenth Century. Liverpool, 2013. 250 p.

5. *Landers J.* Death and the Metropolis: studies in the demographic history of London, 1670–1830. Cambridge, 1993. 408 p.

6. *Bland R.* Midwifery Reports of the Westminster General Dispensary // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. L., 1781. Part II. P. 355–371.

7. *Pooley C., Turnbul J.* Migration and Family Dispersion in Britain from the Eighteenth to the Twentieth Centuries. L., 1998. 440 p.

8. *Richardson A.E.* Robert Mylne: architect and engineer. L., 1955. 220 p.

9. *Whyte I.D.* Migration and Society in Britain. N.Y., 2000. 198 p.

10. *Kent H.* Kent’s Directories of Businesses in London. L., 1736. 98 p.

11. *Davis R.* Aleppo and Devonshire Square: English Traders in the Levant in the Eighteenth Century. L., 1967. 140 p.

12. *Hancock D.* Citizens of the World: London Merchants and the Integration of the British Atlantic Community, 1735–1785. Cambridge, 1997. 504 p.

13. *Murray J.* The world of London. L., 1843. Vol. 1. 219 p.

14. *O’Hart J.* Irish Pedigrees or The Origin and Stem of the Irish Nation. N. Y., 1915. Vol. 2. 1008 p.

15. *Carlyle A.* Autobiography of the Rev. Dr. Alexander Carlyle. L., 1860. 592 p.

16. *Harris J.* The Grecian coffee-house and political debate in London, 1688– 1714 // The London Journal. 2000. Vol. 25. P. 1–13.

17. *Dickson D.* The Place of Dublin in the Eighteenth-Century Irish Economy // Ireland and Scotland 1600–1850, Parallels and Contrasts in Economic and Social Development / ed. by T. Devine, D. Dickson. Edinburgh, 1983. P. 436–466.

References

1. *The Statutes at Large, Passed in the Parliaments Held in Ireland*: From the second year of Anne, A.D. 1703, to the sixth year of George the First, A.D. 1719, 578 p.

2. Kenny C. *King's Inn and the Kingdom of Ireland*: *The Irish Inns of Court. 1541-1800*. Dublin, 1992, 352 p.

3. *The History of Parliament: The House of Commons, 1754-1790*. Ed. by L. Namier, J. Brooke. New York, 1964, vol. I, 554 p.

4. Bailey C. *Irish London: Middle-Class Migration in the Global Eighteenth Century*. Liverpool, 2013, 250 p.

5. Landers J. *Death and the Metropolis: studies in the demographic history of London, 1670-1830*. Cambridge, 1993, 408 p.

6. Bland R. Midwifery Reports of the Westminster General Dispensary. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. London, 1781, part II, pp. 355-371.

7. Pooley C., Turnbul J. *Migration and Family Dispersion in Britain from the Eighteenth to the Twentieth Centuries*. London, 1998, 440 p.

8. Richardson A.E. *Robert Mylne: architect and engineer*. London, 1955, 220 p.

9. Whyte I. D. *Migration and Society in Britain*. New York, 2000, 198 p.

10. Kent H. *Kent's Directories of Businesses in London*. London, 1736, 98 p.

11. Davis R. *Aleppo and Devonshire Square: English Traders in the Levant in the Eighteenth Century*. London, 1967, 140 p.

12. Hancock D. *Citizens of the World: London Merchants and the Integration of the British Atlantic Community, 1735-1785*. Cambridge, 1997, 504 p.

13. Murray J. *The world of London*. London, 1843, vol. 1, 219 p.

14. O'Hart J. *Irish Pedigrees or The Origin and Stem of the Irish Nation*. New York, 1915, vol. 2, 1008 p.

15. Carlyle A. *Autobiography of the Rev. Dr. Alexander Carlyle*. London, 1860, 592 p.

16. Harris J. The Grecian coffee-house and political debate in London, 1688-1714. *The London Journal*. 2000, vol. 25, pp. 1-13.

17. Dickson D. The Place of Dublin in the Eighteenth-Century Irish Economy. *Ireland and Scotland 1600-1850, Parallels and Contrasts in Economic and Social Development*. Ed. by T. Devine, D. Dickson. Edinburgh, 1983, pp. 436-466.

Поступила в редакцию / Received ***5 апреля 2018 г. / April 5, 2018***

УДК 94 (47) DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-34-42

ПЕРЕГОВОРЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЮЖНОРУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ВЕРХОВНОГО КРУГА ДОНА, КУБАНИ И ТЕРЕКА П.М. АГЕЕВА С КОМИТЕТОМ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920 ГОДУ[1]

© 2018 г. А.В. Венков [a]
[a] Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

THE NEGOTIATIONS OF THE REPRESENTATIVE OF THE SOUTH RUSSIAN GOVERNMENT AND THE SUPREME KRUG OF THE DON, KUBAN AND TEREK P. M. AGEEV WITH THE COMMITTEE FOR THE LIBERATION OF THE BLACK SEA REGION IN 1920

A.V. Venkov [a]
[a] Southern Scientific Centre, RAS, Rostov-on-Don, Russia

Венков Андрей Вадимович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией казачества,
Южный научный центр РАН,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Andrey V. Venkov -
Doctor of History, Professor,
Head of Cossacks Laboratory,
Southern Scientific Centre, RAS,
Chekhova Ave., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Исследуются материалы переговоров между высшими органами управления белого движения на Юге России и представителями повстанческого движения «зеленых» в начале 1920 г. После оставления белыми войсками территории Дона часть белого донского казачества пыталась выйти из-под контроля генерала А.И. Деникина и искала возможных союзников. В этом им помогали англичане, которые не бросали Деникина, но хотели объединить все антибольшевистские силы на Юге России. Посланец от донских казаков П.М. Агеев шанс видел в том, что во главе повстанцев в Черноморской губернии сначала стояли не большевики, а эсеры. Переговоры не достигли желаемого результата из-за нехватки времени и нерешительности представителей социалистических партий. Интересно то, что протокол переговоров найден в Архиве Управления УФСБ по Ростовской области в материалах, относящихся к восстаниям кубанских казаков. Вывод: представители социалистических течений в русской революции оказались по разные стороны баррикад по многим причинам, основная из них – низкий уровень политической культуры.

Ключевые слова: *казаки, «зеленые», Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, южнорусское правительство, переговоры.*

The article is devoted to the negotiations between the higher authorities of the white movement in Southern Russia and the rebel movement of "green" at the beginning of 1920. After the leaving by the white troops the territory of the Don region, the white Don Cossacks tried to get out from the control of General A. I. Denikin and looked for the possible allies. They were helped by the British, who did not abandon Denikin, but wanted to unite all anti-Bolshevik forces in the South of Russia. The representative of the Don Cossacks P.M. Ageev saw the chance in the fact that at the head of the rebels in the Black sea province at first not Bolsheviks but ESERs were. The negotiations did not achieve the desired result due to the lack of time and indecision of the representatives of the socialist parties. It is especially interesting that the Protocol of negotiations is found in Archive of management of UFSB in the Rostov region in the materials relating to revolts of the Kuban Cossacks. Conclusion: representatives of socialist trends in the Russian revolution found themselves on different sides of the barricades for many reasons, the main one of them - a low level of political culture.

[1] Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г., тема 00-17-09 (проект № 0256-2014-0012, № госрегистрации 01211354248).

Keywords: *Cossacks, the "green", Supreme Krug of the Don, Kuban and Terek, South Russian government, the negotiations.*

Павел Михайлович Агеев (1880–1930) еще при жизни был удостоен таких «почетных» характеристик, как «донской Керенский», «первый депутат казаков в Учредительное собрание», «социалист с пикой» [1, с. 35]. Он происходил из казаков станицы Клецкой Усть-Медведицкого округа. Полученное им образование – духовная семинария, физико-математический и юридический факультеты Харьковского университета – указывает на довольно разнообразный спектр его интересов. С 1906 г. он участвовал в революционном движении, организовывал в окружной станице антиправительственные митинги, при поддержке известнейших впоследствии на Дону П.А. Скачкова, Ф.Д. Крюкова. Летом 1917 г., когда на Дону стало восстанавливаться казачье самоуправление, П.М. Агеев выдвигается заместителем председателя Большого Войскового круга М.П. Богаевского, а на III Большом Войсковом круге он уже сам председательствовал. В списке делегатов от донских казаков в Учредительное Собрание он был первым…

С фамилией П.М. Агеева совсем недавно пришлось столкнуться в неожиданном контексте. В архиве Управления ФСБ по Ростовской области хранится судебное «Дело о вооруженном восстании против Советской власти во главе с авантюристом полковником Сухенко», начатое 27.05.1920 г. Особым трибуналом при Особом отделе 9-й Кубанской армии [2, л. 218].

В начале 1920 г. многие кубанские и донские казаки, прижатые войсками Красной армии к Черному морю, ушли к хорошо известным «зеленым», а от «зеленых» стали переходить в Красную армию, которая была заинтересована в притоке в свои ряды профессиональных воинов, поскольку назревала советско-польская война. Бывших белых казаков стали отправлять на польский фронт, но один из маршевых отрядов взбунтовался, не желая покидать родную Кубань. По причине подавления мятежа и наказанию зачинщиков и было возбуждено вышеназванное судебное дело. Вопреки ожиданиям и логике в нем обнаружен «Протокол совещания Комитета освобождения Черноморья с представителями Верховного Круга и английским генералом Кезе»[1], проходившего в г. Сочи с 12:00 до 15:00. Но дата не указана, и ее можно определить по контексту концом февраля 1920 г. (о чем ниже). От Комитета освобождения присутствовали Самарин-Филипповский, Лысыкевич, Печалин, Львов, секретарь Леви, товарищ председателя Круга Агеев, министр торговли и промышленности южнорусского правительства Леонтович и английский генерал «Кезе».

Для начала необходимо уточнить, что за организации вели друг с другом переговоры. «Комитет освобождения Черноморской губернии» был создан 18 ноября 1919 г. на «делегатском съезде» под руководством эсеров в нейтральной зоне между деникинскими и грузинскими войсками. А.И. Деникин считал, что «за этими учреждениями стояла реальная помощь Грузии и тайное влияние советской России» [3, с. 270]. Среди деятелей Комитета А.И. Деникин назвал большевика Цвангера, «известного сенатора» Соколова, который пребывал в Тифлисе, членов «Комуча» эсеров Филипповского и Сорокина (Соркина), грузина Джанашия («новоявленный народный печальник»)[2] [3, с. 276] и ротмистра гвардии Вороновича [3, с. 276], который командовал довольно многочисленным местным ополчением.

Черноморские повстанцы, в обиходе называемые «зелеными», провозгласили «Черноморскую республику». В феврале 1920 г. они вытеснили деникинцев из Сочи, где провели свой второй съезд. К этому времени повстанческая армия состояла уже из 14 отдельных батальонов, нескольких рабочих отрядов и отряда особого назначения. Она превратилась во внушительную силу, насчитывавшую до 12 тыс. бойцов [4, с. 67].

Председателем Комитета освобождения Черноморской губернии на тот период являлся Васи́лий Никола́евич Филиппо́вский, вариант Самарин-Филипповский (14.01.1882 – 1940, Колымлаг), русский морской офицер, член партии социалистов-революционеров с 1903 г. Он был активным участником Февральской революции, членом исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, одним из авторов его Приказа № 1 от 01.04.1917 г., который повлек развал армии. В 1917 г. В.Н. Филипповский занимал ряд важнейших постов в Петрограде, возглавлял ВРК, образованный решением ВЦИК для борьбы с мятежом Корнилова, был избран депутатом Учредительного собрания от

[1] Обычно этот английский генерал в отечественной историографии проходит как «генерал Киз».

[2] См. список присутствующих на переговорах.

Юго-Западного фронта и возглавлял Петроградский союз защиты Учредительного собрания, созданный 23.11.1917 г. После разгона Учредительного собрания В.Н. Филипповский был министром торговли и промышленности в Самарском правительстве «Комуча», после прихода к власти адмирала Колчака был арестован, но смог уехать в Грузию. 18 ноября 1919 г. на делегатском съезде крестьян Черноморской губернии Филипповский был избран председателем Комитета освобождения Черноморской губернии.

А.И. Деникин считал, что члены Комитета освобождения «в качестве союзников рассматривали еще и английское командование» [3, с. 277]. Скорее инициатива исходила от английской стороны.

Англичане бесспорно, начиная с 1918 г., делали ставку на А.И. Деникина. Но тот под бескомпромиссным лозунгом «За единую, великую и неделимую Россию» воевал не только против большевиков, но также против махновцев, петлюровцев, «зеленых», горцев Кавказа, правительства Грузии, а в ноябре 1919 г. вступил в затяжной конфликт с кубанскими «самостийниками». Теперь практичные англичане пытались примирить антибольшевистские силы. А.И. Деникин вспоминал, что генерал Киз вел переговоры с Комитетом освобождения и его военным руководителем Вороновичем о «примирении», «Киз на английском миноносце привозил Вороновича в Новороссийск с целью устроить его свидание с представителями главного командования; в этом ему было категорически отказано» [3, с. 281]. Известно, что 07.02.1920 г. Киз на военном корабле прибыл в занятый «зелёными» повстанцами Сочи, где вёл переговоры с руководителями Комитета освобождения Черноморья Самариным-Филипповским, Вороновичем и Чайкиным. Киз предложил прекратить военные действия против Деникина, заверяя, что английское командование добьется от него отвода добровольческих частей до Новороссийска [5].

Вторая встреча Киза с повстанческим командованием упоминается в воспоминаниях И.Б. Шевцова, одного из повстанческих командиров. «Через несколько дней после нашей победы под Туапсе сюда пришел английский крейсер. На нем прибыл представитель английского правительства при “добровольческой” армии – генерал Киз, который привез с собой делегацию Дона, Кубани и Терека. Во главе делегации стоял товарищ председателя “Верховного круга Дона” и министр торговли контрреволюционного “южнорусского правительства” Леонтович. Все они пожаловали в Туапсе, чтобы вновь категорически потребовать от нас отказа от наступления на Новороссийск» [4, с. 66]. Далее И.Б. Шевцов упоминает, что Киз прибыл в Туапсе из Сочи – «генерал Киз в тот же день был в Сочи и вел переговоры с председателем КОЧ Самариным-Филипповским» [4, с. 67]. Туапсе «зеленые» заняли 25.02.1920 г. И еще одно уточнение – «то был последний визит англичан к черноморским повстанцам» [4, с. 70].

Видимо, попытка Киза организовать встречу Вороновича и Деникина относится к 7 февраля, либо к еще более раннему времени. И.Б. Шевцов отмечал: «Как выяснилось впоследствии, Воронович, выехав самовольно в Гагры для свидания с грузинским министром внутренних дел Ноем Рамишвили, встретился там с особоуполномоченным английского правительства при “добровольческой” армии. Генерал Киз, предложив Вороновичу выехать с ним в ставку Деникина, обещал свое посредничество в переговорах. Воронович дал согласие на поездку с условием “захода в Сочи”. Однако в силу якобы неблагоприятной погоды крейсер не мог ошвартоваться в Сочи…» [4, с. 70]. Мы же видим, что на встречу с повстанческими командирами в Туапсе Киз прибыл именно из Сочи. То есть попытка «свести» Вороновича и Деникина имела место раньше. Впрочем, Деникин отказался встречаться с представителем «зеленых», считая, что «родоначальником зеленых был элемент уголовный и беглые красноармейцы, скрывавшиеся от красных и от белых, боясь кары» [3, с. 274].

Тем не менее на контакт с «зелеными» пошли представители недавно созданного южнорусского правительства и Верховного круга Дона, Кубани и Терека.

Особое совещание, игравшее при Деникине роль правительства, было упразднено им 16 (29).12.1919 г. Главу своих мемуаров, посвященную этому событию, Деникин назвал «Кризис русского либерализма» [3, с. 326]. Новая («южнорусская») власть была создана «на основах соглашения между главным командованием ВСЮР и Верховным кругом Дона, Кубани и Терека» и должна была существовать вплоть до Учредительного собрания [3, с. 367].

Что касается Верховного круга, то он был собран казачьими общественными деятелями 5 (18).01.1920 г. после оставления белыми Ростова и Новочеркасска, когда вся тяжесть борь-

бы легла на казачьи части. Казачьи представители пытались взять руководство борьбой с большевиками в свои руки и объединиться, наконец, на казачьей основе.

На Круге сразу же определилось два течения: «самостийники» и «русофилы», т. е. «единонеделимцы» [6, с. 14]. Решающую роль на Круге играла донская делегация, 3/4 которой составляли сторонники Деникина во главе с донскими либералами Харламовым и Парамоновым. «Левые» и их лидер Агеев, представлявшие интересы большинства фронтовиков, и прогермански, прокрасновски настроенные «правые» во главе с Яновым кооперировались в оппозицию проденикинскому «центру» [6, с. 14]. Терская делегация во всем поддержала донскую. В многочисленной кубанской делегации подавляющее большинство было на стороне «самостийников». Кубанцы к этому времени успели восстановить распущенную Деникиным и Врангелем Законодательную Раду, а новый кубанский атаман, генерал Букретов, стоял в оппозиции к Деникину [7, с. 496]. В сумме на Верховном круге «самостийники» имели на 4 голоса больше, чем «единонеделимцы». И хотя Ставка была за кандидатуру В. Харламова, председателем Верховного круга был избран один из лидеров кубанских «самостийников» И. П. Тимошенко. Кубанская делегация сразу же выдвинула идею мира с красными, если они признают независимость объединенного казачьего государства [8, с. 25].

Так как в это время войска Красной армии пытались форсировать Дон, вышли на Маныч, развернули наступление на Батайск, где стояли «добровольцы», донской атаман А. П. Богаевский и Н. М. Мельников сразу же призвали к единению с Деникиным и предостерегли от разрыва [6, с. 14].

22 января (4 февраля) 1920 г. на фоне жестоких боев под Ростовом и на Маныче представители Круга подписали с Деникиным соглашение, по которому до Учредительного собрания должны были образоваться южнорусская власть во главе с Деникиным и Законодательная комиссия (палата) из представителей казачества и представителей Деникина. Деникин имел право роспуска палаты и относительного вето [9, с. 9].

25–28 января (7–8 февраля) Деникин «по сговору» с Кругом выбирал главу для южнорусского правительства. Из кандидатур кубанского самостийника Тимошенко, донского социалиста Агеева и калединца (донского кооператора) Мельникова Деникин выбрал последнего и поручил ему «составить правительство» [9, с. 11]. Как считал Деникин, «обе стороны пришли к соглашению под давлением обстановки, без особой радости и без больших надежд» [9, с. 12]. Кадеты, окружавшие Деникина, в прочность этого союза не верили. Их лидер Степанов считал, что «если будет военная победа, Деникин сбросит с себя всю эту чепуху и будут перемены. Если нет, то Деникин погибнет» [10, с. 336].

Когда Н.М. Мельников представлял А.И. Деникину возможный состав правительства, тот был против включения в него П.М. Агеева, «лица, склонявшегося к большевизму, и беззастенчивого демагога» [3, с. 370]. Мельников же заверил Деникина: «Желание Агеева стать министром настолько велико, что, получив пост, он совершенно преобразится» [3, с. 370]. И Деникин согласился. П. М. Агеев стал министром земледелия.

«В народе и в армии появление нового правительства не было воспринято никак», – отмечал А.И. Деникин [3, с. 372].

Хотя П.М. Агеев сосредоточил в своих руках довольно значимые посты – министр правительства и товарищ председателя Верховного круга, на совещании с Комитетом освобождения Черноморской губернии он сразу же заявил, что прибыл как неофициальный представитель и заявлений делать не будет. Его задача – «рассеять то взаимное недоверие» между Комитетом освобождения и южнорусским правительством [2, л. 218].

Однако заговорил он о казачестве. И это объяснимо. Казаки составляли основной контингент прижатых к морю белых войск. «Казачество было заподозрено в контрреволюционности, что совершенно далеко от истины», – начал Агеев свое выступление [2, л. 218].

Стараясь объяснить свою позицию и обосновать предложения, Агеев провел своеобразный экскурс в прошлое. В России, по его мнению, в 1917 г. «демократия провалилась, и передала власть большевикам» [2, л. 219]. На Дону атаман А.М. Каледин, которого Агеев охарактеризовал словами «честный демократ», власть тоже упустил. В чем состоял «демократизм» Каледина, Агеев не уточнил, а дело было в том, что Каледин поддался на уговоры Агеева и других донских политиков, которые предлагали создать Объединенное правительство из представителей казачьего и неказачьего населения. Вслед за

этим должна была воплотиться в жизнь идея Агеева об «оказачивании» всех крестьян – создания «сплошного казачьего моря» от Хопра до Каспия [1, с. 51].

Идея провалилась. Правительство было создано, но крестьяне казаков в борьбе с большевиками не поддержали. Более того, казаки стали отходить от Каледина. Заявив, что Область защищают 140 штыков, Каледин застрелился. Однако как только была восстановлена сословная казачья власть, количество готовых сражаться казаков увеличилось в 10 раз, и в знаменитый Степной поход ушло более 1500 бойцов.

Уже тогда, по мнению П.М. Агеева, сформировалось отношение казаков к большевикам: «За пределы Дона мы не выступим и будем лишь защищаться» [2, л. 219]. При такой пассивности казачьего населения на Дону установилась на короткое время Советская власть, которая начала террор против казаков. Агеев заявил, что в то время было расстреляно «чрезвычайкой» до 30 тысяч [2, л. 219].

По данным белого донского командования, зимой-весной 1918 г. большевиками было расстреляно около 300 офицеров, из них 200 в Новочеркасске [11, с. 98]. М. Бугураев утверждал, что с 12(25).02 по 23.04 (6.05) 1918 г. в Новочеркасске расстреляли 600 офицеров, потери достигли 30% кадровых офицеров [12, с. 2]. Генерал С.В. Денисов, формировавший весной-летом 1918 г. Донскую армию и возглавивший ее, писал, что с 13(26).02 по 1(14).04.1918 г. было расстреляно более 500 офицеров, из них 14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера [13, с. 29].

Удар большевиков был направлен на казачью верхушку. Рядовых казаков пока особо не трогали. Более того, во главе структур Донской советской республики стояли казаки В.С. Ковалев и Ф.Г. Подтелков.

Казаки, по мнению Агеева, такого стерпеть не могли и спрашивали его, поднимать ли восстание. «Я советовал воздержаться, чтобы не стать игрушкой в руках черносотенцев» [2, л. 219]. Но восстание было поднято, и воспользовались им именно черносотенцы. А после смерти Корнилова и Алексеева произошел «реакционный оборот», и казаки окончательно стали игрушкой в руках черносотенцев [2, л. 220].

Избранный Донским атаманом генерал П.Н. Краснов, по мнению Агеева, был не способен руководить казаками, а его «авантюристическая политика» вызывала всеобщее возмущение [2, л. 220]. Вопрос этот достаточно спорный. Даже сейчас, зная о сотрудничестве П.Н. Краснова с немцами в годы Великой Отечественной войны, имя Краснова остается на слуху среди некоторых слоев казачества, в то же время имена самого П.М. Агеева и сменившего Краснова на посту атамана А.П. Богаевского популярностью не пользуются, либо прочно забыты.

Описывая Большой Войсковой круг и утверждение П.Н. Краснова на посту атамана, Агеев заверял, что 14.09.1918 г. на Круг пришла телеграмма «от германского генералитета и добровольческого командования», гласившая, если делегаты Круга не изберут атаманом Краснова, то добровольческие войска «будут сняты с фронта, и все поезда, везущие на фронт снаряжение и оружие, будут остановлены» [2, л. 220]. Большую роль в выборах Краснова сыграла якобы и ситуация на Кубани: «Фронт был близко, и Кубани грозило полное уничтожение» [2, л. 220].

Здесь П.М. Агеев заведомо искажает факты. Немцы действительно требовали утвердить Краснова на посту атамана и грозили в противном случае прекратить поставки оружия. А вот донские кадеты и «добровольцы» готовили верхушечный переворот. Достаточно, казалось, сместить П. Н. Краснова и поставить на его место А. П. Богаевского. На Круге интриги кадетов поначалу имели успех, но были пресечены вмешательством немцев.

«Добровольческий» посланец на Круге трезво оценил ситуацию: «Я глубоко убежден, что Донской Атаман генерал Краснов, входя в соглашение с немцами, вел двойную игру и, страхуя Дон от всяких случайностей, лишь временно “по стратегическим (как он выразился) соображениям” хотел присоединить к Дону часть соседних губерний... но все же чувствовалось, что он, в конце концов, не отделяет Дона от России и на борьбу с советским правительством пойдет до конца и поведет за собой Дон» [14, с. 84]. Деникин, поняв, что сильной партии противопоставить Краснову не удастся, отдал распоряжение поддерживать Краснова при условии, что тот будет поддерживать Добровольческую армию. Так что «добровольцы» никогда не работали «на Краснова» и Кругу не угрожали. Да и ситуация на Кубани к сентябрю 1918 г. для белых была далеко не угрожающей. Еще в августе они заняли Екатеринодар и теснили красных на восток.

Сам П.М. Агеев в это время на Круге курировал аграрный вопрос, отбирал помещичьи

земли, чтобы наделить ими рядовых крестьян и казаков.

В январе 1919 г., когда немцев на Юге России сменили англичане и французы, П.М. Агеев невольно внес свою лепту в свержение Краснова. Англичане и французы требовали смещения Краснова и подчинения донских казаков Деникину. Собранный Круг волновался. И в это время в Агеева стреляли неизвестные и ранили в грудь. Собравшейся толпе П.М. Агеев сказал: «Спасибо, люди добрые, что не добили». В покушении обвинили сторонников Краснова, и это ускорило процесс его падения.

Описывая события 1919 г., П.М. Агеев приводит интересный факт: причина Вёшенского восстания – «приказ расстрелять 138 казаков» [2, л. 220]. Причин, естественно, было несколько, но в те времена они сводились к расстрелам казаков, бросивших белый фронт и пустивших советские войска на донскую территорию. Руководитель Донского бюро РКП (б) С.И. Сырцов докладывал в Москву: «В районе проводились массовые расстрелы. Точных цифр не имеется (более 300)» [15, с. 103]. Агеев же указывает гораздо меньшее количество. Либо это действительно приказ, относящийся непосредственно к Вёшенской. Повстанцы в своих воззваниях писали, что был приказ руководства большевиков арестовать в Вёшенской 800 человек [15, с. 103]. Возможно, цифры, приводимые П.М. Агеевым, уточняют, скольких арестованных в Вёшенской казаков предполагалось расстрелять.

О своей дальнейшей деятельности в 1919 г. П.М. Агеев приводит не менее интересные факты. «В этот период я предлагал Войсковому кругу порвать с Особым Совещанием, войти в сношения с Западом и вести войну во имя народа» [2, л. 220]. Однако Деникин пригрозил: «Если наше государство образуется, то добровольческие войска оставят фронт» [2, л. 221]. То есть Агеев предлагал Кругу порвать с деникинским правительством (Особым Совещанием) и «войти в сношения с Западом». Но именно «Запад» заставил в свое время Краснова и Большой Войсковой круг подчиниться Деникину и грозил в случае отказа прекратить поставки оружия и боеприпасов, а Агеев в 1918 г. несколько раз проявлял себя сторонником «добровольцев». В чем здесь нестыковка?

Видимо, «сношения с Западом» и разговоры о них прикрывали еще одно событие, которое имело место именно «на Западе». Донцы и кубанцы действительно послали туда делегацию. Но она через французского социалиста Ф. Лорио начала переговоры с большевиками.

Так, 06.11.1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад о предложении мира, сделанном Советскому правительству через французского социалиста парижскими представителями донского и кубанского казачьих правительств, и о полномочиях посла, направленного Чичериным к Лорио для ведения этих переговоров [16]. Политбюро запросило мнение Донского комитета РКП(б). 17 ноября Донком рассмотрел вопрос «О мирных переговорах с казачьими правительствами» и поручил С. И. Сырцову составить тезисы, в которых было бы «указание на необходимость осторожного отношения к мирному предложению как не исходящему от правительственных кругов, на необходимость принятия мер к тому, чтобы мирное предложение и ответ на него не разложил бы нашего фронта» [17]. 20 ноября 1919 г. Сырцов переслал тезисы в Москву Н.Н. Крестинскому для Политбюро. В них содержится имя несколько неожиданного инициатора переговоров: «1) Характер мирного предложения, переданного представителем *Донского Войскового Правительства Скачковым* (курсив наш. – *А.В.*), и анализ фактического положения дел на Дону, Кубани и Тереке и отношений их краевых органов к правительству Деникина заставляет весьма осторожно подходить к этому мирному “предложению”» [18, л. 92]. Указав на негативные последствия возможных переговоров («разложение красных армий, недовольство донских рабочих и крестьян»), Сырцов высказался о двоякой цели этого «полуофициального предложения»: «Этим шагом, обставленным так, что в любой момент войсковые правительства, а тем более Рада и Круг могут отпереться от этого шага и объявить его безответственным делом одного или нескольких лиц, пытаются вызвать Советское правительство на выступление, которое ослабит наступательную силу красных армий Южного Фронта или их разложит окончательно. Второе, более вероятное предположение – ... выторговывают у Деникина автономию...» [18, л. 92].

Интересна личность представителя Донского правительства в Париже, обратившегося к большевикам с предложением мира. Павел Автономович Скачков (02.01.1878–02.01.1936) – из казаков ст. Чернышевской (по другой версии – Краснокутской) Области войска Донского. Закончил Харьковское землемерное училище и

ветеринарный институт. В 1906 г. принял участие в революционных выступлениях в ст. Усть-Медведицкой (вместе с П.М. Агеевым). Участник Первой мировой войны, военно-ветеринарный врач 51-го Донского казачьего полка. Во время революции и Гражданской войны активно участвовал в политике: в августе 1918 г. стал депутатом Большого Войскового круга от ст. Усть-Медведицкой, товарищем председателя Круга; членом Донского правительства, занимал должность атамана Усть-Медведицкого округа. В фондах ГАРО хранится распоряжение от 23.03.1919 г. о прекращении дознания о печатании и распространении Скачковым большевистских воззваний [19]. В рядах белого движения П.А.Скачков оставался до конца, ушел в эмиграцию, с 1925 г. жил в Чехословакии, где был заведующим Донским казачьим архивом в Праге. В Праге он и умер, ни разу не обмолвившись о своих переговорах с большевиками.

В целом эти переговоры не имели реального завершения, так как со стороны большевиков ставили цель не заключение мира, а разложение белого казачества.

От чьего имени выступал в Париже П.А. Скачков? Вроде бы от правительства, но в то же время «не от правительственных кругов», и оказывается была возможность для Круга объявить переговоры «безответственным делом одного или нескольких лиц». На Дону в конце октября 1919 г. создается новое правительство, имевшее компромиссный характер. Монархиста П.Х. Попова на посту председателя сменил генерал З.А. Алферов – деятель без определенных политических взглядов. При баллотировке на пост товарища председателя лидер «левых» П.М. Агеев получил 109 голосов, лидер «правых» Г. П. Янов – 98 [20]. Впрочем, «левый» Агеев несколько раз проявлял себя сторонником «добровольцев», но именно он имел прозвище «социалист с пикой» и именно он среди немногих донских политических деятелей впоследствии жил в Советской России. П.М. Агеев и П.А. Скачков, в конце концов, были из одного округа и вместе начинали там революционную борьбу.

Как бы ни было, Агеев о переговорах с большевиками не упоминал, но все время указывал на вынужденный характер союза казаков с Деникиным: «Мы шли с главным командованием в силу тяжелых условий» [2, л. 221]. Чуть позже прозвучала фраза «Брак не по любви». Часть вины Агеев косвенно переложил на грузинское руководство: «Я вел переговоры с Н. Рамишвили, чтобы Грузия дала нам хотя бы 4 батальона, но из этого ничего не вышло» [2, л. 221]. Ной Рамишвили был министром внутренних дел Грузии, и от него ни в коей мере не зависела посылка грузинских войск на Дон или Маныч. Видимо, здесь тот же вариант, когда неудавшиеся переговоры в случае протеста того же Деникина можно было объявить «безответственным делом одного или нескольких лиц».

Агеев считал, что казаки готовы на контакты с большевиками: «Заявляем Вам, что если бы Советская власть приняла более приемлемые формы, то мы [бы] ее приняли» [2, л. 221]. И он не видел препятствий для договоренности южнорусского правительства с Комитетом освобождения Черноморской губернии. Агеев указал, что с высоких политических постов удалены генералы Драгомиров (около года во главе Особого Совещания), Покровский (несколько месяцев назад разогнавший Кубанскую Раду) и весь состав Особого Совещания. «Я убежден, что мы идем к одному пункту», – заявил Агеев [2, л. 221].

В ответ Самарин-Филипповский уточнил свою позицию. 18 ноября (в документе зачеркнуто и вставлено «22 февраля») 1-й Съезд крестьянских депутатов отверг диктатуру одной партии на платформе ФСРР (Федеративной Советской Российской Республики), но при этом «категорически высказываемся против борьбы с коммунистами с оружием в руках» [2, л. 222]. Он отметил, что экономические условия заставляют объявленную «Черноморскую республику» войти в состав Российской республики.

Что касается предложений Агеева, то вопрос о включении Черноморья в зону южнорусского правительства Самарин назвал «вопросом враждебным». Повстанцы не против казачества, а против Деникина. «Мы уверены, что деникинщина измениться не может. Ни в какие сношения с Деникиным не пойдем», – заявил Самарин-Филипповский. Он подтвердил, что повстанцы надеются найти общий язык с СНК, и выразил свое отношение к англичанам: «Чем скорее всякая внешняя сила уйдет от нас, и будет снята блокада, [тем скорее] крайности коммунизма отпадут» [2, л. 223].

Агеев спросил, будет ли наступление повстанцев на Новороссийск. Самарин-Филипповский ответил утвердительно. Агеев спросил: «Если Вас признаем самостоятельны-

ми, будет наступление?» (т. е. если южнорусское правительство признает Черноморскую республику «самостоятельной»). Самарин-Филипповский вновь ответил утвердительно. Агеев заявил, что казаки будут защищать Новороссийск. Такой исход переговоров для Самарина был тоже нежелательным. Он стал говорить, что настало время прекратить гражданскую войну. Занятие Новороссийска ускорит эту возможность. «С трудовым же казачеством мы не боремся» [2, л. 224].

Тогда присутствующий английский генерал Киз заявил, что англичане будут защищать Новороссийск во имя спасения женщин и детей. На что Самарин ответил, что англичане напрасно заботятся о женщинах и детях. «Вообще же советую англичанам не вмешиваться в наши российские дела» [2, л. 224].

Киз стал говорить о желании Англии, чтобы Россия была едина, что приход большевиков будет отмечен многой кровью, и что англичане будут арьергардом отступающих белых войск.

Ф.С. Леонтович, человек практический, предложил «комитетчикам» войти в южнорусское правительство. Это было его единственное выступление. Самарин ответил: «Нет, не можем».

Агеев, завершая переговоры, сказал, что официальных заявлений не будет. «Если вы ведете переговоры об окончании войны, то приветствуем, но Новороссийск будем защищать» [2, л. 224]. И последний, видимо, самый важный вопрос его был, пропустят ли повстанцы казаков в Грузию. Самарин ответил, что такое решение может принять лишь весь Комитет освобождения.

На этом переговоры завершились, и Агеев, Киз и Леонтович уплыли на английском крейсере в Новороссийск [2, л. 225].

Переговоры, как видим, закончились безрезультатно. 27 марта красными был взят Новороссийск. «Зеленые» не рискнули самостоятельно штурмовать его. Большое количество белых казаков дошло до Туапсе и Сочи, и только там они сдались советским войскам. Часть казаков пыталась силой прорваться в Грузию, но это удалось немногим. Среди них был П.М. Агеев. Не зря, видно, о пропуске в Грузию спрашивал. Если Агеев стоял за переговорами Скачкова с большевиками, то в Крыму Врангель его, несомненно, повесил бы. Южнорусское правительство было ликвидировано. 30 марта 1920 г. генерал А. И. Деникин, находясь в Феодосии, объявил об его упразднении. Комитет освобождения также был ликвидирован 17.05.1920 г., а Самарин-Филипповский тогда же в мае арестован.

Что касается вопроса, как протокол переговоров оказался в деле о восстании кубанских казаков, перешедших из «зеленых» в Красную армию, то скорее всего сотрудники Особого отдела 9-й армии искали связь ряда событий: переговоры Комитета освобождения Черноморья с представителем Верховного круга (т.е. белых казаков) – переход части белых казаков к «зеленым» – переход части белых казаков от «зеленых» к большевикам – восстание указанных казаков.

Судьба П.М. Агеева и В.Н. Самарина-Филипповского схожа. Оба были арестованы (Агеева арестовали в Грузии в марте 1921 г.), оба вскоре выпущены. Агеев работал инструктором «Сельсоюза», Самарин-Филипповский преподавал в автодорожном техникуме. Оба арестованы повторно. Агеев в сентябре 1930 г. повесился в камере [21], Самарин-Филипповский был выпущен, но арестован в третий раз и погиб в лагерях на Колыме [22].

Таким образом, мы видим, как представители социалистических течений в русской революции оказывались по разные стороны баррикад и безуспешно пытались навести мосты. Интересна позиция «донского Керенского» П.М. Агеева, его трактовка событий, в которых он участвовал и с развитием которых он был явно не согласен. В переговорах виден уровень политической культуры российских социалистов: преследуя сиюминутные цели, они искажают факты, о чем-то не договаривают и уклоняются от открытых конкретных заявлений. Характерен и трагический конец обоих. Оба участника переговоров – Агеев и Самарин-Филипповский – занимали в 1917–1918 гг. очень высокие посты, но ход Гражданской войны и ее окончание показали, что люди, в чьих руках некогда были судьбы целых регионов, логикой революционной борьбы «были выведены за скобки».

Литература

1. Донская казачья энциклопедия Владимира Сидорова. Ростов н/Д. : Гефест, 1994. Т. 1. 512 с.

2. Архив УФСБ РО. Д. П-61279.

3. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Минск : Харвест, 2002. Т. 5. 464 с.

4. *Шевцов И. Б.* Особое задание. М. : Политиздат, 1965. 144 с.

5. URL: https://peoplelife.ru/132926 (дата обращения: 05.03.2018).

6. Трагедия казачества // Вольное казачество. 1936. № 208.

7. *Врангель П.Н.* Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Ч. 1. М. : Терра, 1992. 538 с.

8. *Майстрах Б.* Маныч – Егорлыкская – Новороссийск. М.; Л. : Госиздат, Отдел военной литературы, 1929. 122 с.

9. Трагедия казачества // Вольное казачество. 1937. № 212.

10. *Думова Н.Т.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М. : Наука, 1982. 416 с.

11. *Добрынин В.* Вооруженная борьба Дона с большевиками // Донская летопись. № 1. Белград, 1923.

12. *Бугураев М.* Донской атаман Генерального штаба генерал-майор А.М. Назаров // Родимый край. 1968. № 78. С. 2–6.

13. *Денисов С.В.* Записки. Гражданская война на Юге России. 1918–1920. Константинополь, 1921. Ч. 1. 120 с.

14. *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин : Отто Кирхнер и Ко, 1922. Т. 2. 332 с.

15. *Венков А.В.* Вёшенское восстание. М. : Вече, 2012. 336 с.

16. *Ленин В.И.* Биографическая хроника // Полн. собр. соч. Т. 7. 623 с.

17. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 82.

18. ЦДНИРО. Ф.12. Оп. 5. Д. 120.

19. ГАРО. Ф. 835. Оп.1. Д. 851.

20. Приазовский край. 1919. 17 (30) окт.

21. URL: http://vandeya.ru/blog/archives/510 (дата обращения: 05.03.2018).

22. URL: http://hisdoc.ru/persons/7294 (дата обращения: 05.03.2018).

References

1. *Donskaya kazach'ya ehnciklopediya Vladimira Sidorova* [Don Cossack Encyclopedia of Vladimir Sidorov]. Vol. 1. Rostov-on-Don: Gefest, 1994, 512 p.

2. *Arkhiv UFSB* RO [Archive of SFSB RR]. File P-61279.

3. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty* [Essays on the Russian Troubles]. Minsk: Kharvest, 2002, vol. 5, 464 p.

4. Shevtsov I. B. *Osoboe zadanie* [Special Task]. Moscow: Politizdat, 1965, 144 p.

5. Available at: https://peoplelife.ru/132926 (accessed 05.03.2018).

6. Tragediya kazachestva [The Tragedy of the Cossacks]. *Vol'noe kazachestvo*. 1936, No. 208.

7. Vrangel' P.N. *Vospominaniya generala barona P.N. Vrangelya* [Memories of General Baron P.N. Wrangel]. Ch. 1. Moscow: Terra, 1992, 538 p.

8. Maistrakh B. *Manych – Egorlykskaya – Novorossiisk* [Manych - Egorlykskaya - Novorossiysk]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, Otdel voennoi literatury, 1929, 122 p.

9. Tragediya kazachestva [The Tragedy of the Cossacks]. *Vol'noe kazachestvo*. 1937, No. 212.

10. Dumova N. T. *Kadetskaya kontrrevolyutsiya i eyo razgrom* [Cadet Counter-revolution and its Defeat]. Moscow: Nauka, 1982, 416 p.

11. Dobrynin V. Vooruzhennaya bor'ba Dona s bol'shevikami [Armed Struggle of the Don against Bolsheviks]. *Donskaya letopis'*. No. 1. Belgrad, 1923.

12. Buguraev M. Donskoi ataman General'nogo shtaba general-maior A.M. Nazarov [The Don Ataman, of the General Staff Major-General A.M. Nazarov]. *Rodimyi krai*, 1968, No. 78, p. 2-6.

13. Denisov S.V. *Zapiski. Grazhdanskaya voina na Yuge Rossii. 1918-1920* [Notes. Civil War in the South of Russia. 1918-1920]. Constantinople, 1921, ch. 1, 120 p.

14. Lukomskii A. S. *Vospominaniya* [Memories]. Berlin: Otto Kirhner i Ko, 1922, vol. 2, 332 p.

15. Venkov A.V. Veshenskoe vosstanie [Veshenskaya Rebellion]. Moscow: Veche, 2012, 336 p.

16. Lenin V.I. [Biographical Chronicle]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Set of Works], vol. 7, 623 p.

17. *RTSKHIDNI* [Russian Center for the Storage and Study of Documents of Recent History]. Fund 17. In. 6. File 82.

18. *TsDNIRO* [Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region]. Fund 12. In. 5. File 120.

19. *GARO* [State Archives of Rostov Region]. Fund 835. In. 1. File 851.

20. *Priazovskii krai*. 1919, Oct. 17 (30).

21. Available at: http://vandeya.ru/blog/archives/510 (accessed 05.03.2018).

22. Available at: http://hisdoc.ru/persons/7294 (accessed 05.03.2018).

Поступила в редакцию / Received ***5 апреля 2018 г. / April 5, 2018***

УДК 94 (470.67) DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-43-46

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВОМ КАДРОВ В ДАГЕСТАНЕ (70–80-е гг. XX в.)

© 2018 г. М.Р. Гасанов[а], Р.М. Султанбеков[а], Н.Ш. Мугутдинова[а]
[а] Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия

SOME PROBLEMS OF MAN-RESOURCES REPRODUCTION MANAGEMENT IN DAGESTAN (70-80s of 20th Century)

M.R. Gasanov[а], R.M. Sultanbekov[а], N.Sh. Mugutdinova[а]
[а] Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia

Гасанов Магомед Раджабович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
ул. М. Ярагского, 57, г. Махачкала, 367003, Россия.
E-mail: pismo@dspu.ru

Magomed R. Gasanov -
Doctor of History, Professor,
Head of the History Department,
Dagestan State
Pedagogical University,
M. Yaragskogo St., 57, Makhachkala, 367003, Russia.
E-mail: pismo@dspu.ru

Султанбеков Рабадан Магомедович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
ул. М. Ярагского, 57, г. Махачкала, 367003, Россия.
E-mail: rabadan.sultanbekoff@yandex.ru

Rabadan M. Sultanbekov -
Candidate of History, Associate Professor,
History Department,
Dagestan State
Pedagogical University,
M. Yaragskogo St., 57, Makhachkala, 367003, Russia.
E-mail: rabadan.sultanbekoff@yandex.ru

Мугутдинова Наида Шамильевна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
ул. М. Ярагского, 57, г. Махачкала, 367003, Россия.
E-mail: pismo@dspu.ru

Naida Sh. Mugutdinova -
Candidate of History, Associate Professor,
History Department,
Dagestan State
Pedagogical University,
M. Yaragskogo St., 57, Makhachkala, 367003, Russia.
E-mail: pismo@dspu.ru

На основе архивных документов и материалов прессы анализируются проблемы организации управления воспроизводством в Дагестане в эпоху «застоя». Увеличение числа квалифицированных рабочих в рассматриваемый период свидетельствует о его значении в развитии наиболее сложных профессий. Особое внимание уделено деятельности партийных и советских органов власти по координации действий межотраслевых органов управления воспроизводством трудовых ресурсов в Республике Дагестан. Изучение этих вопросов позволяет более полно и глубоко понять механизмы застоя советского общества, причин, почему наша страна не перешла на новый уровень развития, уровень постиндустриального информационного общества. Выводы и результаты исследования могут стать основой для дальнейшего изучения развития профессионального образования в республике.

Ключевые слова: *образование, квалифицированные кадры, профессионально-технические училища, среднее образование.*

In this article on the basis of archival documents, press materials, the problems of organization of reproduction management in Dagestan in the era of "stagnation" are considered. The increase in the number of skilled workers in that period, suggests its importance in the development of the most complex professions. Special attention is paid to the activities of the Party and Soviet authorities to coordinate the actions of inter-sectoral bodies of management of reproduction of labor resources in the Republic of Dagestan. The study of these issues allows us to understand more precisely and deeply the mechanisms of stagnation of the Soviet society, the reasons why our country did not passed to a new level of development, which was the level of post-industrial information society. The findings and results of the study can be the basis for further research on the development of vocational education.

Keywords: *education, qualified personnel, vocational schools, secondary education.*

В программных документах советского государства периода 70–80-х гг. XX в. отмечалось, что механизм управления и его организационная структура должны совершенствоваться на всех уровнях и во всех звеньях народного хозяйства, включая четкое определение функций прав и ответственности органов управления и предприятий. Обращалось внимание на органическое сочетание интересов государства и трудовых коллективов, улучшение системы планирования народного хозяйства, исходя из требований повышения социально-экономической эффективности общественного производства и действенности всей совокупности экономических расчетов и стимулов хозяйственного механизма [1, с. 17].

В 70–80-е гг. XX в. управление трудовыми ресурсами Дагестана в целом по стране осуществлялось различными органами. Прогнозы численности трудовых ресурсов и их распределения по сферам занятости и отраслям народного хозяйства разрабатывали научные организации. Планирование формирования и распределения трудовых ресурсов, составление балансов на уровне народного хозяйства осуществлялись в Госплане СССР совместно с Госкомтруда СССР и министерствами. Подготовка кадров производилась учебными заведениями Госпрофобра СССР и Министерства высшего и среднего специального образования СССР, учебными заведениями отраслевых министерств и непосредственно на предприятиях.

С целью усиления координации деятельности различных органов управления воспроизводством трудовых ресурсов формировались межведомственные советы. Например, при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР был создан межведомственный совет по повышению квалификации руководящих работников и специалистов, при Министерстве просвещения СССР – по профессиональной ориентации и трудовому воспитанию молодежи, при Государственном Комитете СССР по профессионально-техническому образованию – межведомственный совет по профессионально-техническому образованию и повышению квалификации рабочих. Создание таких межведомственных советов в определенной мере способствовало усилению межотраслевой скоординированности действий по воспроизводству отдельных категорий работников (рабочих, специалистов с высшим и средним специальным образованием). Однако они не обеспечивали рациональное взаимодействие функций управления воспроизводством всех категорий работников, полное преодоление ведомственной разобщенности параллелизма в подготовке квалифицированных кадров. Так, созданный при Министерстве высшего и среднего образования СССР межведомственный совет координировал повышение квалификации руководящих кадров и специалистов по всем отраслям народного хозяйства, но не занимался координацией подготовки специалистов в целом с учетом потребности в них народного хозяйства.

По мнению многих экономистов, необходимо было выделить в народнохозяйственном комплексе специальный комплекс «Образование и воспроизводство кадров», который бы являлся объектом самостоятельного планирования и управления [2, с. 54].

В 70–80-е гг. в Дагестане усилилось внимание ученых и практических работников к вопросу о создании единой системы образования и подготовки кадров, включающей дошкольные задания, общеобразовательные школы, ПТУ, средние специальные и высшие заведения, систему переподготовки и повышения квалификации рабочих и специалистов.

Государственные органы власти и управления принимали ряд решений о дальнейшем расширении подготовки квалифицированных рабочих для всех отраслей народного хозяйства, что потребовало дальнейшего роста и совершенствования системы профессионально-технического образования.

Большое значение для улучшения подготовки квалифицированных рабочих через систему профессионально-технического образования имело создание нового типа профтехучилищ, дающих наряду с рабочими специальностями полное среднее образование. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 апреля 1970 г. «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования» отмечалось, что в условиях широкого внедрения в народное хозяйство достижений науки и техники возрастают требования к культурно-техническому уровню рабочих, и получение среднего образования становится необходимым условием для подго-

товки квалифицированных рабочих по наиболее сложным профессиям.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров от 23 июля 1972 г. «О дальнейшем совершенствовании системы профессионально-технического образования» ставилась задача расширять и укреплять средние профтехучилища как наиболее перспективную форму подготовки молодого пополнения рабочего класса. Постановление содержало меры, осуществление которых позволило создать все необходимые условия для развития и плодотворной работы этого нового типа учебного заведения.

Претворяя в жизнь решения партии и правительства, партийные и советские органы, органы профтехобразования республики развернули работу по дальнейшему развитию системы профтехобразования и совершенствованию подготовки квалифицированных кадров. За 1964–1979 гг. было открыто 3 сельских профессионально-технических училища (СПТУ № 5 – в Цудахаре, СПТУ № 6 – в Хасавюрте, СПТУ № 7 в с. Черняевка) для подготовки квалифицированных механизаторов, трактористов-машинистов широкого профиля, механизаторов животноводческих ферм, электромонтеров сельской электростанции [3].

В 70-е гг. велась работа и по переводу сельских профтехучилищ в категорию средних – СПТУ № 1 (г. Буйнакск), СПТУ № 2 и СПТУ № 6 (г. Хасавюрт), СПТУ № 3 (п. Огни), СПТУ № 7 (с. Черняевка). На начало 1979 г. в республике было 5 средних сельских ПТУ и 2 СПТУ обычного типа. Для реорганизации СПТУ в средние в училищах создавались необходимые условия, укреплялась их учебно-производственная база.

За один 1975 г. на приобретение сельхозтехники этим училищам было выделено 367 тыс. рублей [4], а за годы 9-й и 10-й пятилеток сельские профтехучилища получили 265 тракторов и комбайнов, 91 автомашину и 300 единиц другой сельскохозяйственной техники [5].

Следует отметить, что в сельских профессионально-технических училищах проводилась работа и по перестройке учебного процесса в соответствии с повышенными требованиями. Лаборатории и учебные мастерские сельских училищ оснащались монтажно-демонтажной техникой, обеспечивающей проведение учебного процесса в соответствии с учебными планами и программами. Для организации производственного обучения все СПТУ к концу рассматриваемого периода располагали учебными хозяйствами. В 1977 г. Совет Министров ДАССР выделил дополнительно 325 гектаров пахотной земли для организации учебных хозяйств [6], что в конечном счете способствовало повышению качества профессиональной подготовки специалистов.

Таким образом, в результате мер, принятых партийными и советскими органами, органами профтехобразования республики, по совершенствованию профессионально-технического образования улучшилось качество подготовки специалистов. Открытие новых и реорганизация существовавших училищ позволила увеличить прием учащихся в них. Соответственно увеличился выпуск специалистов сельскими профессионально-техническими училищами. Если в 1954–1958 гг. в них было подготовлено 3780 механизаторов (трактористов, машинистов, механиков-комбайнеров), то за годы восьмой пятилетки – 6839, а за 1971–1980 гг. – уже 18 238 механизаторов, животноводов, мелиораторов и других специалистов [7].

Однако подготовка кадров механизаторов не поспевала за быстрым ростом технической оснащенности колхозов и совхозов. В Дагестане в 1978 г., например, на 100 тракторов приходилось 98 трактористов. Для проведения уборочных работ в две смены не хватало 7720 механизаторов [8].

Хотя кадров механизаторов стало готовиться больше, обеспеченность ими колхозов и совхозов не улучшилась. Так, если в 1965 г. на каждый трактор, имевшийся в хозяйствах Дагестана, приходилось 1,04 тракториста-машиниста, то в 1976 г. 0,98 [9].

Велика была и текучесть механизаторских кадров. В 1976 г., например, из колхозов и совхозов республики выбыло 700 механизаторов [10]. Из-за этого в частности, несмотря на значительный рост подготовки механизаторов, их численность в колхозах и совхозах росла медленно. Тем не менее руководители многих колхозов и совхозов мало внимания уделяли вопросам подготовки и закрепления механизаторских кадров на селе.

В целом подготовка квалифицированных кадров через систему профессионально-технического образования республики значительно отставала от потребностей народного хозяйства и по числу выпускников, и по номенклатуре специальностей. Как было отмечено на собрании партийно-хозяйственного актива республики по профессионально-техническому об-

разованию (июнь 1985 г.), «система профтехобразования пока удовлетворяет лишь четвертую часть потребности промышленности и сельского хозяйства в рабочих массовых профессий» [11]. Причина этого в недостаточном развитии сети профессионально-технических училищ, в том числе средних, слабой работе профориентации учащихся общеобразовательных школ.

Все эти проблемы требовали к себе самого серьезного отношения, поскольку перспектива социально-экономического, научно-технического и духовного прогресса во многом закладываются системой и качеством образования.

Литература

1. Резервы аграрной экономики : материалы Всесоюзн. эконом. совещания по проблемам агропромышленного комплекса (26–27 марта 1984 г.). М.: Политиздат, 1984. 351 с.

2. *Иванченко В.М.* Совершенствование организации управления // Вопросы экономики. 1984. № 8. С. 52–60.

3. ЦГА РД. Ф.р-168. Оп. 62. Д. 17. Л. 54.

4. ЦГА РД. Ф.р-168. Оп. 63. Д. 220. Л. 82.

5. ЦГА РД. Ф.р-1271. Оп. 2. Д. 240. Л. 419.

6. ЦГА РД. Ф.р-168. Оп. 63. Д. 634. Л. 234.

7. ЦГА РД. Ф.р-168. Оп. 63. Д. 639. Л. 206.

8. Комсомолец Дагестана. 1978. 14 февр.

9. *Багандов А.М.* Курсом научно-технического прогресса. Махачкала, 1984. С. 67.

10. Дагестанская правда. 1977. 19 марта.

11. Дагестанская правда. 1985. 1 июля.

References

1. *Rezervy agrarnoi ekonomiki* [Provisions of the Agrarian Economy]. Proceedings of All Union Economical Meeting on Issues of Agro-industrial Complex (March 26-27, 1984). Moscow: Politizdat, 1984, 351 p.

2. Ivanchenko V.M. Sovershenstvovanie organizatsii upravleniya [Improving the organization of management]. *Voprosy ekonomiki*. 1984, No. 8, pp. 52-60.

3. *TsGA RD* [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund r-168. In. 62. File 17. L. 54.

4. *TsGA RD* [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund r-168. In. 63. File 220. L. 82.

5. *TsGA RD* [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund r-1271. In. 2. File 240. L. 419.

6. *TsGA RD* [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund r-168. In. 63. File 634. L. 234.

7. *TsGA RD* [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund r-168. In. 63. File 639. L. 206.

8. *Komsomolets Dagestana*. 1978, Febr. 14.

9. Bagandov A.M. *Kursom nauchno-tekhnicheskogo progressa* [The Course of Scientific and Technological Progress]. Makhachkala, 1984, p. 67.

10. *Dagestanskaya pravda*. 1977, March 19.

11. *Dagestanskaya pravda*. 1985, July 1.

Поступила в редакцию / Received ***19 апреля 2018 г. / April 19, 2018***

УДК 94 (470.3) DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-47-51

ИМПЕРСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО)[1]

© 2018 г. Н.В. Дмитриева [a, b]
[a] *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,*
[b] *Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия*

IMPERIAL NATIONAL POLITICS IN THE LIBERAL PUBLIC THOUGHT OF THE END OF THE 19th - THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE GREAT NATION OF FINLAND)

N.V. Dmitrieva [a, b]
[a] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,*
[b] *Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

Дмитриева Наталья Валерьевна –
старший преподаватель, кафедра отечественной истории средних веков и нового времени,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия;
младший научный сотрудник,
лаборатория истории и этнографии,
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия
E-mail: nvdmitrieva@sfedu.ru

Natalia V. Dmitrieva -
Senior Lecturer, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia;
Junior Researcher,
Laboratory History and Ethnography,
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Chekhova St., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: nvdmitrieva@sfedu.ru

Рассматривается эволюция позиций представителей либеральной общественной мысли в России в конце XIX – начале XX в. Конец XIX в. характеризуется изменением имперской политики в отношении Великого княжества Финляндского в сторону попыток унификации административного и правового пространства данной окраины с империей. Этот процесс спровоцировал дискуссию в среде российского общества, а именно его консервативной и либеральной части. С другой стороны, в начале XX в. развитие отечественного либерализма было отмечено формированием в рамках старого земского либерализма течения, которое получило в историографии название «новый либерализм». Исходя из того, что ключевыми составляющими либеральной теории выступали конституционная форма правления и гражданское общество на территории Российской империи, с точки зрения либералов, внешне этим критериям соответствовало именно Великое княжество Финляндское. Отмечается, что поиск решения «финляндского вопроса» представителями либерального направления общественной мысли происходил в непосредственном контакте с финляндскими национальными активистами. С начала XX в. можно говорить об окончательном расхождении взглядов отечественных либералов и имперской власти на политику, проводимую в отношении Великого княжества Финляндского.

Ключевые слова: *Российская империя, Великое княжество Финляндское, либерализм, общественная мысль, национальный вопрос, окраина, «Освобождение», «Вестник Европы».*

The article is devoted to evolution of positions of representatives of liberal social thought in Russia in the late 19th - early 20th century. The end of the 19th century is characterized by the change in imperial policy towards the Grand Duchy of Finland. Russian powers attempts to unify the administrative and legal space of this outskirts with the empire. This process provoked a discussion among Russian society, its conservative and liberal part. On the other hand, at the beginning of the 20th century the development of domestic liberalism was marked by the formation within the

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

framework of the old Zemstvo liberalism of the current, which in historiography received the name "new liberalism". Proceeding from the fact that the key components of the liberal theory were the constitutional form of government and civil society on the territory of the Russian Empire, from the point of view of the liberals, it was the Grand Duchy of Finland that corresponded to these criteria. The author notes that the search for a solution of the "Finnish question" by representatives of the liberal trend of social thought occurred in direct contact with the Finnish national activists. Since the beginning of 20th century we can talk about the final disagreement between the views of domestic liberals and the imperial authorities on the policy pursued against the Grand Duchy of Finland.

Keywords: *Russian Empire, Grand Duchy of Finland, liberalism, public thought, national question, outskirts, "Liberation", "Herald of Europe".*

В начале XX в. отечественный либерализм представлял собой самостоятельную политическую силу, готовую не только к идейной борьбе, но и к активным действиям. Отечественная либеральная мысль столкнулась с необходимостью решения национального вопроса не только с точки зрения возможности обеспечения гражданского равноправия, но и определения собственного отношения к имперскому характеру Российского государства в целом в условиях перехода от абсолютной монархии к представительной системе правления. По сути речь шла о возможности или невозможности сохранить Российскую империю как геополитическое целое. Именно в этот период активно велась дискуссия о вариантах решения данной проблемы, которая затем вылилась в программные установки либеральных партий начала XX в. по национальному вопросу.

С одной стороны, имперская национальная политика в России является объектом научного изучения с конца XIX в., актуальность этот вопрос не потерял и на современном этапе. С другой – русская общественная мысль, и либеральная в том числе, подробно анализировалась несколькими поколениями исследователей, но чаще всего эти исследования проводились вне российского политического контекста. В отечественной историографии достаточно широко освещены основные пункты либеральной программы. В конце XX в. началось подробное исследование генезиса и развития программ местных отделений либеральных организаций по национальному вопросу [1–6]. Допартийный этап формирования национального аспекта либеральной модели общественного переустройства до сих пор остается неразработанным. Однако уже в допартийный период активно велась дискуссия о вариантах решения данной проблемы, которая затем вылилась в программы основных либеральных партий начала XX в. Необходимо признать, что в историографии отсутствуют концептуальные научные оценки взаимосвязи и взаимовлияния русской общественной мысли и имперской политической практики.

Ключевыми составляющими либеральной теории выступали конституционная форма правления, гражданское общество, сформированное правовое сознание народа. На территории Российской империи, с точки зрения либералов, внешне этим критериям соответствовало именно Великое княжество Финляндское.

В 80-е гг. XIX в. статьи, публикуемые на страницах «Вестника Европы», были ориентированы в первую очередь на опровержение данных консервативной печати о Финляндии, согласно которым окраина развивалась за счет метрополии, принося империи многочисленные убытки. Для представителей либеральной общественности, напротив, был важен полученный Финляндией в данный период развития результат, а именно ее расцвет. «Элементы быстрого движения вперёд, умственного и материального, были здесь местные и охрана, данная Россией, имела преимущественно пассивный характер» [7, с. 422]. В ответ на утверждения консерваторов о том, что финляндцы менее даровиты и их культура ниже русской, «Вестник Европы» возражал: «Для потребностей ежедневной жизни, для устройства хорошей администрации, правильного государственного хозяйства финская интеллигенция, в союзе и взаимодействии с шведской, оказывается достаточно сильной и умелой» [7, с. 423].

Несколько позже в 90-е гг. XIX в. либеральные статьи о Финляндии стали приобретать аналитический характер. Под ранее обозначенные выводы приводились цифры и факты, доказывавшие, что причиной быстрого экономического развития Финляндии являлись в первую очередь установившиеся традиции управления. Публицисты широко пользовались распространённым приёмом либеральной прессы, сравнивая уровень жизни крестьян в Великом княжестве Финляндском и внутренних губерниях империи. По мысли либералов, у данной окраины уже было то, что предстояло большими усилиями создавать в России, а именно традиции конституционализма и развитое правовое сознание.

Другим направлением в либеральной общественной мысли конца XIX в., занимавшимся проблемами Великого княжества Финляндского, была либеральная юридическая мысль. В среде либеральных юристов можно достаточно четко определить защитников и противников «теории особого государства». Ярким представителем первого направления был известный российский юрист либерал Б.Н. Чичерин. В его работе «Курс Государственной науки» Российская империя с входящим в его состав Великим княжеством Финляндским была отнесена в разряд сложносоставных государств. По мнению Б.Н. Чичерина, Финляндия, как и Польша, до 1863 г. не инкорпорирована в Россию, а только соединена с нею под одним скипетром [8, с. 183]. Свою точку зрения сторонники теории особого государства подтверждали тем, что в Финляндии существовали свой законодательный орган (сейм), свое особое законодательство, денежная система, бюджет, т.е. конкретной исторической практикой.

Представители второго направления рассматривали Финляндию как неотъемлемую часть российского государства. Подобного взгляда придерживался, например, известный либеральный правовед Н.М. Коркунов. Согласно его точки зрения, договорного соглашения между Россией и Финляндией не было и не могло быть потому, что Финляндия не была государством и даже не провозглашала своей самостоятельности, а непосредственно перешла из шведского владычества в русское [9, с. 137].

В начале XX в. развитие отечественного либерализма было отмечено формированием в рамках старого земского либерализма течения, которое получило в историографии название «новый либерализм», представлявший собой самостоятельную политическую силу, готовую перейти от идейной борьбы к активным действиям. В Германии, в Штутгарте, начал издаваться нелегальный журнал либеральной направленности «Освобождение», на страницах которого представители либеральной общественной мысли могли обсуждать вопросы имперской политики, в том числе и по отношению к Великому княжеству Финляндскому, без оглядки на царскую цензуру. В течение 1902–1903 гг. на страницах журнала систематически появляются статьи, касающиеся Финляндии, для этого была выделена специальная рубрика «От гельсингфоргского корреспондента». Их тематика в основном сводилась к критике правительственного курса в данном вопросе. Тем не менее разработки конкретных мероприятий по решению данной проблемы на страницах журнала в этот период найти нельзя [10–11].

Подобные положения были сформулированы в опубликованной только 1904 г. статье П. Долгорукова «Национальный вопрос в России и конституция». Основой этой статьи стал его подробный доклад «Финляндия и русская конституция», представленный в 1903 г. в Шафгаузен на совместном совещании сторонников журнала. Уже из названия становится понятна основная мысль доклада – сохранение автономного статуса за Великим княжеством Финляндским возможно только при трансформации российского государства в конституционное. Для достижения данной цели финнам необходимо объединить свои усилия с освободительным движением России.

В докладе прослеживается характерная для конца XIX – начала XX в. дискуссия с консервативными периодическими изданиями, обсуждавшими вопрос о финляндском сепаратизме. Несостоятельность данной мысли обоснована с точки зрения докладчика отсутствием у Финляндии опыта собственной государственности, угрозы военного характера со стороны двух держав: России и Швеции, а главное – численный перевес на данной территории финской нации, которая «все больше приобретает свою собственную национальную физиономию» именно благодаря мирному существованию под властью русских государей [12, с. 52].

Причинами изменения политики самодержавия в отношении Великого княжества Финляндского в докладе обозначены ложное понимание сущности империи, в соответствии с которым в ней не может существовать территория, стоящая по степени свободы на ступень выше остального государства, а также восприятие имперским центром конституционного устройства Финляндии в качестве опасного примера для русского общества. Под влиянием правительственных мероприятий конца XIX в. (введение нового закона о воинской повинности, об усилении охраны, о почте и др.) происходит смещение на второй план проблемы борьбы шведской и финской национальностей, и выдвижение на первый план вопроса политической самостоятельности территории.

Гарантом подобного рода самостоятельности может стать, с точки зрения докладчика, только конституционное устройство российского госу-

дарства, в котором верховенство будет принадлежать закону, а не личным воззрениям, симпатиям и антипатиям абсолютистского и бюрократического строя самодержавной России.

Проектируя будущее политического строя для России, либералы не выходили за рамки существующей Российской империи как государственного образования. Финляндия в составе конституционной Российской империи должна сохранить не меньше той политической самостоятельности, которой она обладала до 90-х гг. XIX в. И взаимодействие двух законодательных собраний – империи и окраины – должно быть организовано так, чтобы Финляндия могла развивать свои законы согласно указанию времени, не угрожая целостности империи.

Очень важным для будущей либеральной национальной программы была постановка вопроса о возможности федеративного устройства России. В 1903 г. отношение к возможной федерации было достаточно позитивным. Автор доклада сделал специальную ремарку: «Федерация не есть сепаратизм (Шве[й]цария), напротив, более прочное единение Финляндии с Россией» [12, с. 60]. Интересно, что в качестве примера приводилась страна проведения съезда – Швейцария, которая являлась даже не федерацией, а конфедерацией. Гарантом и основой сохранения целостности при конституционном строе должны стать равные права всех населяющих государство национальностей [12, с. 59].

Проблема национального самоопределения обсуждалась на «Конференции оппозиционных и революционных организаций России», проходившей в Париже с 30 сентября по 9 октября 1904 г., она собралась «для обсуждения способов возможного согласованного действия для достижения целей, которые могли бы оказаться общими для всех этих организаций» [13, с. 1].

Русских либералов представляли П.Б. Струве, П.Н. Милюков, П.Д. Долгоруков, В.Я. Богучарский. Со стороны финнов выступили член партии «активистов» Конни Циллиакус и Лео Мехелин. В процессе работы съезда было принято решение «об отмене всех мер, нарушивших Конституционные права Финляндии».

В итоговой «Декларации» первым пунктом политическое преобразование прямо увязывалось с восстановлением автономии Великого Княжества: «Уничтожение самодержавия; отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии». Третий пункт был посвящен уже упоминавшемуся праву на самоопределение и принципам национального равноправия: «Право национального самоопределения; гарантированная законами свобода национального развития для всех народностей; устранение насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям» [13, с. 1].

От «Союза Освобождения» было опубликовано отдельное разъяснение, которое в части национального вопроса солидаризовалось с «Декларацией», но опускало критику действий русской власти в национальных окраинах: «В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения в настоящее царствование» [13, с. 2].

Данное положение впоследствии было подтверждено как в программе протопартийной либеральной организации «Союз Освобождения», принятой на 3-м съезде организации в марте 1905 г., так и созданной на ее основе программе кадетской партии, утвержденной съездом в январе 1906 г.

Обобщая, можно сказать, что в российской общественной мысли конца XIX – начала XX в. по «финляндскому вопросу» наблюдается значительный разброс оценок и мнений, которые можно разделить на два противоборствующих лагеря – консервативный, чья точка зрения нашла отражение на страницах таких периодических изданий, как «Московские ведомости» и «Новое время», и либеральный, представленный работами юристов, а также легальными и нелегальными печатными изданиями.

В рассматриваемый период можно выделить два этапа в процессе презентации либералами своей оценки и отношения к политике имперских властей в Великом княжестве Финляндском. В 80–90-е гг. XIX в. преобладает, с одной стороны, формирование представителями либеральной общественности положительного образа данной окраины в дискуссии с консерваторами на страницах периодических изданий, а также активизацией в среде либеральных правоведов дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии в составе империи.

Начало XX в. отмечено появлением либерального нелегального журнала «Освобождение», на страницах которого не только открыто осуждается

имперская политика в Финляндии, но и разрабатывается программа решения «финляндского вопроса» после установления конституционной формы правления в России, «финляндский вопрос» становится частью политической программы отечественного либерального движения. В либеральной общественной мысли происходит переход от публикации статей-реакций на действия имперского правительства в Финляндии к детальной разработке программных установок будущей либеральной партии по национальному вопросу в общем и «финляндскому» в частности. Именно с этого периода можно говорить об окончательном расхождении взглядов отечественных либералов и имперской власти на политику, проводимую в отношении данной окраины.

Литература

1. *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М. : Наука, 1985. 347 с.

2. *Шелохаев В.В.* Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 45–59.

3. *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М. : РОССПЭН, 1996. 277 с.

4. *Щербина А.В.* Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М. : РОССПЭН, 2001. С. 225–233.

5. *Малинова О.Ю.* Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). М. : РИК Русанова, 2000. 254 с.

6. *Братолюбова М.В.* Проблема либерального центризма начала XX века: региональный аспект // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2010. № 2. С. 65–69.

7. Из общественной хроники // Вестн. Европы. 1885. Кн. 9. С. 420–428.

8. *Чичерин Б.Н.* Курс Государственной науки. М. : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894. Т. 1. 482 с.

9. *Коркунов Н.М.* Русское Государственное право. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. Т. 1. 623 с.

10. Освобождение. 1903. № 3 (27). С. 209.

11. Освобождение. 1904. № 59. С. 295.

12. Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 648 с.

13. Листок Освобождения. 1904. № 17. С. 1–2.

References

1. Shatsillo K.F. *Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905-1907 gg.: Organizatsiya. Programmy. Taktika* [Russian Liberalism on the Eve of the Revolution of 1905-1907: Organization. Programs. Tactics]. Moscow: Nauka, 1985, 347 p.

2. Shelokhaev V.V. Natsional'nyi vopros v Rossii: liberal'nyi variant resheniya [The National Question in Russia: a Liberal Version of the Solution]. *Kentavr*. 1993, No. 2, pp. 45-59.

3. Shelokhaev V.V. *Liberal'naya model' pereustroistva Rossii* [Liberal Model of the Reorganization of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 1996, 277 p.

4. Shcherbina A.V. [Imperial Consciousness and Liberal Movement in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Liberal'nyi konservatizm: istoriya i sovremennost'* [Liberal Conservatism: History and Modernity]. Proceeding of All-Russian scientific practical conference. Moscow: ROSSPEN, 2001, pp. 225-233.

5. Malinova O.Yu. *Liberal'nyi natsionalizm (seredina XIX – nachalo XX veka)* [Liberal Nationalism (Mid 19th - Early 20th Century)]. Moscow: RIK Rusanova, 2000, 254 p.

6. Bratolyubova M.V. Problema liberal'nogo tsentrizma nachala XX veka: regional'nyi aspect [The Problem of Liberal Centrism at the Beginning of the 20th Century: a Regional Aspect]. Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki. 2010, No. 2, pp. 65-69.

7. Iz obshchestvennoi khroniki [From the Public Chronicle]. *Vestnik Evropy*. 1885, book 9, pp. 420-428.

8. Chicherin B.N. *Kurs Gosudarstvennoi nauki* [Course of State Science]. Moscow: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K°, 1894, vol. 1, 482 p.

9. Korkunov N.M. *Russkoe Gosudarstvennoe pravo* [Russian State Laws]. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1892, vol. 1, 623 p.

10. *Osvobozhdenie* [Liberation]. 1903, No. 3 (27), p. 209.

11. *Osvobozhdenie* [Liberation]. 1904, No. 59, p. 295.

12. *Liberal'noe dvizhenie v Rossii 1902–1905 gg.* [The Liberal Movement in Russia 1902-1905]. Moscow: ROSSPEN, 2001, 648 p.

13. *Listok Osvobozhdeniya* [Leaf of Liberation]. 1904, No. 17, pp. 1-2.

Поступила в редакцию / Received ***22 апреля 2018 г. / April 22, 2018***

УДК 338.486 DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-52-59

РОЛЬ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РАЗВИТИИ ЭКСКУРСИОННОГО ТУРИЗМА

© 2018 г. О.А. Карташева [а], Н.Ю. Климова [а], А.А. Черахчиева [а]
[а] Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал)
Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Пятигорск, Россия

THE ROLE OF MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE OF FEDERAL SIGNIFICANCE IN THE DEVELOPMENT OF EXCURSION TOURISM

O.A. Kartashova [а], N.Yu. Klimova [а], A.A. Cherakhchieva [а]
[а] Institute of Service, Tourism and Design (branch) in Pyatigorsk,
North Caucasus Federal University, Pyatigorsk, Russia

Карташева Ольга Александровна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра туризма и гостиничного дела,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал)
Северо-Кавказского федерального университета
в г. Пятигорске,
ул. Украинская, 56а, г. Пятигорск, 357500, Россия.
E-mail: kartash70@rambler.ru

Olga A. Kartashova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Tourism and Hospitality,
Institute of Service, Tourism and Design (branch)
in Pyatigorsk,
North Caucasus Federal University,
Ukrainskaya St., 56a, Pyatigorsk, 357500, Russia.
E-mail: kartash70@rambler.ru

Климова Наталья Юрьевна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра туризма и гостиничного дела,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал)
Северо-Кавказского федерального университета
в г. Пятигорске,
ул. Украинская, 56а, г. Пятигорск, 357500, Россия.
E-mail: nazar11081@mail.ru

Natalya Yu. Klimova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Tourism and Hospitality,
Institute of Service, Tourism and Design (branch)
in Pyatigorsk,
North Caucasus Federal University,
Ukrainskaya St., 56a, Pyatigorsk, 357500, Russia.
E-mail: nazar11081@mail.ru

Черахчиева Альбина Александровна –
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра туризма и гостиничного дела,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал)
Северо-Кавказского федерального университета
в г. Пятигорске,
ул. Украинская, 56а, г. Пятигорск, 357500, Россия.
E-mail: albina080777@mail.ru

Albina A. Cherakhchieva -
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Department of Tourism and Hospitality,
Institute of Service, Tourism and Design (branch)
in Pyatigorsk,
North Caucasus Federal University,
Ukrainskaya St., 56a, Pyatigorsk, 357500, Russia.
E-mail: albina080777@mail.ru

Проанализированы памятники истории и культуры федерального значения, расположенные на КМВ, в частности в г. Пятигорске. Большинство из них связано с именем М.Ю. Лермонтова либо являются разнообразными бальнеологическими сооружениями и бывшими гостиницами, что обусловлено спецификой курортного города. Рассмотрено их современное состояние. Статус особо охраняемого эколого-курортного региона России предусматривает бережное отношение к объектам культурного наследия, однако само по себе отнесение объектов к памятникам истории и культуры федерального значения не гарантирует их сохранность и достойное содержание. Если здание активно эксплуатируется в независимости от формы собственности, оно поддерживается в хорошем состоянии, но как только эксплуатация памятника снижается или совсем прекращается, он начинает быстро разрушаться и терять туристскую привлекательность, даже если принадлежит государственным учреждениям. Ни статус памятника, ни реставрация не гарантируют зданиям жизнь, если они не вовлечены в активное действие. Определены возможности и перспективы их использования в культурно-познавательном туризме и экскурсионной деятельности. Практически все объекты культурного наследия федерального уровня в регионе активно используются в формировании познавательных экскурсионных маршрутов. При этом в ходе разработки экскурсионных маршрутов в первую очередь приходится учитывать степень сохранности объектов, так

как кроме познавательной ценности в туристской привлекательности достопримечательности большую роль играет эстетический фактор.

Ключевые слова: *рекреационный потенциал, историко-культурное наследие, мемориальные места, бальнеологические сооружения, познавательный туризм, музеефикация, реконструкция, ревалоризация, утрата культурных ценностей.*

This article notes that the presence of unique historical sites can predetermine the successful development of tourism in the region.Monuments of history and culture of federal importance, located on the Caucasus Mineral Water, in particular in Region Pyatigorsk, are analyzed. Most objects of historical and cultural heritage of federal significance, located in Pyatigorsk are associated with the name of M.Yu. Lermontov. The others are balneological facilities and former hotels, due to the specificity of the resort specialization of the city.Their current state is examined.The status of a specially protected eco-resort region of Russia provides for the preservation and especially careful treatment of objects of cultural heritage. However, the classification of objects as the monuments of history and culture of federal importance does not guarantee their preservation and decent maintenance. If the building is actively used regardless of the form of ownership, it is maintained in good condition, but as soon as the operation of the monument is reduced or completely stops, it starts to deteriorate quickly and loses its tourist appeal, even if it belongs to state institutions.Neither the status of the monument, nor the restoration guarantee the buildings life, if they are not involved in the active functioning. The possibilities and prospects of their use in cultural and cognitive tourism and excursion activities are determined. Almost all the objects of cultural heritage of the federal level in the region are actively used in the formation of cognitive excursion routes. At the same time during the development of excursion routes, first of all, it is necessary to take into account the degree of safety of the objects, as in addition to cognitive value of the tourist attraction, an aesthetic factor plays a big role.

Keywords: *recreational potential, historical and cultural heritage, memorial places, balneological facilities, cognitive tourism, museification, reconstruction, revalorization, loss of cultural values.*

Кавказские Минеральные Воды – это не имеющий аналогов многопрофильный бальнеологический курорт. В регионе КМВ лечебно-оздоровительное направление по-прежнему является одной из ведущих отраслей туризма. Диспропорции в развитии туристского комплекса края, выражающиеся в наличии в основном только санаторно-оздоровительного туризма, отмечены в SWOT-анализе, представленном в Стратегии развития рекреационно-туристского комплекса Ставропольского края до 2020 года (Об утверждении стратегии развития туризма в Ставропольском крае до 2030 года (с изменениями на: 09.09.2016): Приказ Министерства культуры Ставропольского края от 31.12.2015 № 718). Однако, как отмечает специалист в области развития туризма в регионе КМВ И.В. Огаркова, культурно-познавательный (экскурсионный) туризм традиционно является актуальным для развития российской провинции, малых исторических городов [1, с. 108]. Однако познавательному туризму в регионе внимания уделяется недостаточно [2, с. 7]. В связи с этим актуальным представляется изучение использования имеющихся памятников истории и культуры для развития экскурсионного туризма.

Культурный потенциал региона выражен в его историческом наследии. Наличие уникальных исторических объектов может предопределить успешное развитие туризма на этой территории. Знакомство с историей и историческими объектами – сильнейший побудительный туристский мотив. Утрата культурных ценностей невосполнима и необратима. Любые потери культурного наследия неизбежно отразятся на всех областях жизни нынешнего и будущих поколений, приведут к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, обеднению общества в целом. Культурное наследие – это объекты и явления материальной и духовной культуры народов, имеющие особую историческую, художественную, эстетическую и научную ценность для обеспечения социальной преемственности поколений, в том числе и средствами познавательного туризма. Опыт охраны и использования этого наследия должен быть направлен на дальнейшее развитие КМВ. Исторические, архитектурные и культурные памятники региона вызывают устойчивый интерес у туристов, отдыхающих на курорте, местных жителей.

Всемирно известный курорт Пятигорск – крупнейший город КМВ – располагает огромным рекреационным потенциалом. Здесь гармонично совмещаются уникальные природные и антропогенные составляющие ландшафта, своеобразие историко-архитектурного облика, наличие достопримечательных объектов. Не случайно историко-культурный ландшафт города наряду с базовой основой курорта с полным правом отнесен к лечебным ресурсам региона. Значительная часть памятников истории и культуры федерального значения региона КМВ расположена именно здесь.

Большинство объектов историко-культурного наследия Пятигорска федерального значения связаны с именем М.Ю. Лермонтова (1814–1841). Еще ребенком он трижды побывал в этих местах в 1818, 1820 и 1825 гг. [3]. Во время приезда в Пятигорск в 1825 г. М.Ю. Лермонтов жил в доме своей двоюродной бабушки А.А. Хастатовой, который стоял на месте нынешних Пушкинских ванн. В конце мая 1837 г., будучи сослан за стихотворение «Смерть поэта» в действующую армию в Нижегородский драгунский полк, М.Ю. Лермонтов заехал в Пятигорск для лечения от простуды и в сентябре выехал в отряд за Кубань. Во время второй ссылки в августе 1840 г. М.Ю. Лермонтов лечился на КМВ, а затем после возвращения из Петербургского отпуска 13 мая 1841 г. вновь приехал в Пятигорск [4]. Прежде всего к таким объектам относится Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова (ул. Лермонтова, 4). Данный объект является примером музеефикации даже не одного дома, а целого аутентичного квартала в старой части города. Музей включает в себя:

– непосредственно «Домик Лермонтова» – средний флигель в усадьбе отставного плац-майора В.И. Чилаева, где поэт провел два последних месяца своей жизни – с 14 мая по 15 июля 1841 г.;

– усадьбу генерала П.С. Верзилина (1791–1849), атамана Кавказского казачьего линейного войска, где произошла ссора Лермонтова с майором в отставке Н.С. Мартыновым (1816–1876), приведшая к дуэли;

– бывший дом И.В. Уманова, угловая усадьба, переданная музею в 1978 г., расположенная по соседству с домами П.С. Верзилина и В.И. Чилаева, где часто бывал поэт;

– дом полковника Котырева (дом Котырева-Карабутовой, один из старейших домов в квартале, 1823 г.), где в 1832 г. снимал квартиру, находясь на излечении в Пятигорске, великий русский композитор А.А. Алябьев (1787–1851), так называемый «Домик Алябьева» (Об утверждении перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения: Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. № 176).

Следует отметить другие памятники, которые тесно связаны с именем М.Ю. Лермонтова и являются мемориальными лермонтовскими местами. Прежде всего это Место дуэли М.Ю. Лермонтова, где предположительно произошла роковая дуэль, а также обелиск (скульптор Б.М. Микешин, 1915) с оригинальной оградой (скульпторы Л.А. Дитрих и В.В. Козлов). К таким памятникам относится место первоначального захоронения М.Ю. Лермонтова на старом кладбище – Пятигорском Некрополе и памятник М.Ю. Лермонтову (арх. Н.Л. Дорошенко, скульптор А.М. Опекушин, 1889) в Лермонтовском сквере. Отдельно следует отметить Лермонтовские (Николаевские) ванны (архитекторы братья Бернардацци, 1826–1831, пр. Кирова, 23), которые не только связаны с лечением в них М.Ю. Лермонтова в 1837 г., но и являются старейшим капитальным бальнеологическим сооружением в России (О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР (с изм. на 14.02.2009 г.): постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. № 1327). Во время ссылки на Кавказ в 1837 г. Лермонтов лечился в этом здании [5].

Мемориальное значение имеют три сооружения малой архитектурной формы братьев Бернардацци: грот Лермонтова (1829, склон г. Машук), грот Дианы (1829, парк «Цветник») и беседка Эолова арфа (1831, Михайловский отрог г. Машук), тесно связанные с именем М.Ю. Лермонтова. Считается, что из большого грота, который в 1860-х гг. начали называть Лермонтовским, писатель любил наблюдать за «водяным обществом». В гроте Дианы и на Эоловой арфе поэт бывал не раз, кроме того, в гроте Дианы за неделю до гибели, вечером 8 (20) июля 1841 г. Лермонтов и его друзья устроили по подписке в честь дам «сельский бал». Все эти объекты, кроме того, подробно описаны им в повести «Княжна Мери». Также в повести неоднократно упоминается Пятигорская Ресторация (архитекторы братья Бернардацци, 1828, пр. Кирова, 30) – первое казенное каменное здание на КМВ. Здесь поэт часто бывал в 1837 г., а в 1841 г. по приезду он остановился в Ресторации, и только потом, встретившись с В.И. Чилаевым, снял у него флигель (О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» (с изменениями на 10.07.2001 г.): постановление Совмина РСФСР от 04.12.1974 г. № 624).

Следующая группа памятников истории и культуры федерального значения – это разнообразные бальнеологические сооружения, построенные для удобства лечащихся и отпуска процедур, прежде всего галереи и ванны: Академиче-

ская (Елизаветинская) галерея (архитектор С.И.Уптон, 1851, проспект Кирова, 1А), Михайловская галерея (архитектор С.И.Уптон, 1848, бульвар Гагарина, 2), Пушкинские ванны (арх. Н.Дмитриев, 1899–1901, ул. Кирова, 3), которые являются прекрасными образцами архитектуры середины XIX – начала XX в. Академическая галерея находится на территории охранной зоны музея-заповедника «Комплекса Лермонтовских мест у Академической галереи и парка “Цветник”» (Об образовании Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова: постановление Совета Министров РСФСР от 07.06.1973 г. № 315). Отдельную группу памятников составляют бывшие гостиничные здания, повсеместное массовое строительство которых было обусловлено необходимостью размещения приезжающих «на Воды»: Особняк Ушакова (Дом капитана П.А. Мисостова, архитектор С.И. Уптон, 1848–1853, ул. Бернардацци, 5), Дом Уптона (архитектор С.И.Уптон, 1870-е гг., ул. Бернардацци, 1) (О дополнении списка памятников истории и культуры Ставропольского края, подлежащих государственной охране как памятников местного и республиканского значения, утвержденного решением крайисполкома от 01.10.1981 № 702 (с изм. на 18.03.2015): постановление главы Администрации Ставропольского края от 01.11.1995 г. № 600), Гостиница «Бристоль» (арх. О.И. Зелинский, 1909, пр. Кирова, 26) (О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» (с изменениями на 10.07.2001 г.): постановление Совмина РСФСР от 04.12.1974 г. № 624), Дом Мациевского (1913–1915, пр. Кирова, 57). Несомненную историческую ценность имеет Народный дом (Всесословный клуб), построенный в начале XX в. (арх. А.И. Кузнецов, 1914, ул. Кирова, 17), как место для публичных выступлений и народных собраний. Визитной карточкой Пятигорска, как впрочем и всех КМВ, является скульптура «Орел, терзающий змею», сооруженная в 1903 г. к 100-летию КМВ на уступе Горячей горы, выполненная польским скульптором Л.К. Шодким по эскизу Новочеркасского художника И.И. Крылова.

За более чем двухвековую историю КМВ многие памятники были утрачены и по объективным причинам, и субъективным. Процесс разрушения неизбежен, задача именно в том, чтобы свести эти потери к минимуму. Статус особо охраняемого эколого-курортного региона России предусматривает сохранение и бережное отношение к объектам культурного наследия, учитывая, что они являются одним из основных факторов развития познавательного туризма (Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации – Кавказских Минеральных Водах: Указ Президента РФ от 06.07.1992 г. № 462). Описанные выше памятники истории и культуры федерального значения находятся в разной степени сохранности, что зависит в первую очередь от позиции и возможностей их современных пользователей. Проанализируем состояние памятников и начнем с объектов, не вызывающих беспокойства.

Положительным примером сохранения памятников могут служить здания и сооружения, связанные с жизнью и творчеством М.Ю. Лермонтова, придающих всем КМВ особую значимость. В связи с этим следует отметить опыт музеефикации, прежде всего заповедного лермонтовского квартала. На его основе создан ГБУК СК Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова, центром которого является домик под камышовой крышей, в котором поэт провел последние месяцы жизни [6]. На протяжении многих лет эксплуатации домик претерпевал естественные изменения, связанные прежде всего с модернизацией. Первоначально флигель предназначался только для проживания в летний период и соответственно не отапливался. После превращения Пятигорска в курорт круглогодичного действия в домике были установлены печи, а в более позднее время – газовое отопление. Однако это незначительно отразилось на внешнем облике домика, чего нельзя сказать о замене крыши. Аутентичная камышовая крыша со временем была несколько раз перекрыта более современными материалами. В середине XX в. было принято решение о воссоздании первоначального вида домика с использованием старой технологии, и сейчас домик выглядит так же, как и во времена Лермонтова. Здесь можно говорить обо всех видах мероприятий по сохранению культурного наследия, проведенных в разное время: музеефикации, реставрации и ревалоризации.

Домик располагается в центре квартала, полностью уцелевшего, сохранившего образцы первых построек начала XIX в. (периода основания города), вошедших в охранную зону Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. Многие из них музеефицированы: усадьба

В.И. Чилаева вместе с домиком Лермонтова – в 1912 г., в 1948 г. музею была передана усадьба П.С. Верзилина, в 1978 г. – усадьба В.П. Уманова, в 1996 г. – усадьба Котырева-Карабутовой («Домик А.А. Алябьева»). Мемориальный лермонтовский квартал в Пятигорске восстановлен близко к первоначальному виду, о чем косвенно свидетельствует использование его объектов для съемок как документальных, так и художественных фильмов. Например, в 2017 г. в Пятигорске и его окрестностях, в частности на территории музея-заповедника, проходили съемки новой экранизации романа Алексея Толстого «Хождение по мукам».

Все здания и постройки усадеб, вошедших в состав музея-заповедника, сохранены максимально приближенно к первоначальному виду, поддерживаются музеем в хорошем состоянии, кроме того, они были отремонтированы к празднованию 200-летнего юбилея со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Это же можно сказать и о других лермонтовских местах Пятигорска, находящихся под опекой музея. Пятигорская Ресторация, хоть и не состоит в ряду других памятников под ответственностью музея-заповедника, но она хорошо сохранилась. Конечно, первоначальный облик Ресторации в значительной мере утрачен в силу объективных причин. Прежде всего были внесены изменения, которые отражали общие реконструктивные процессы в городе. В 1870-х гг., когда Ресторация стала называться казенной гостиницей «Минеральные Воды», к ней был пристроен особый подъезд с обширной швейцарской, а вместо парадной лестницы портика был сделан балкон, обставленный зеленью и цветами. Впоследствии убрали два флигеля для проживания служащих, которые находились по обе стороны от основного здания. Сейчас на месте одного из них расположен вход во двор, на месте другого проходит тротуар ул. К. Маркса. Со временем тротуар пр. Кирова поднимался все выше и частично закрыл окна цокольного этажа. Наибольший же ущерб зданию нанесен в годы Великой Отечественной войны. В 1953–1955 гг. по проекту зодчего И.Г. Шамврицкого был произведен его капитальный ремонт. При этом архитектурный облик отчасти изменился. Здание расширили и увеличили, сделали новые стены, карнизы и части колонн. Внутреннюю планировку приспособили для нужд разместившихся в нем библиотеки и отделов НИИ курортологии. В настоящее время в здании располагается ФГБУ «Пятигорский государственный научно-исследовательский институт курортологии ФМБА». Здание находится в эксплуатации федерального учреждения. Это позволяет сохранять его в приемлемом состоянии, регулярно проводить текущий ремонт и по мере необходимости – капитальный. В данном случае можно говорить об ответственном отношении собственника к эксплуатируемому памятнику.

Этого нельзя сказать о другом творении зодчих бр. Бернардацци, построенном практически в то же время – Николаевских (сейчас Лермонтовских) ваннах. Начиная с 60-х гг. XIX в. они подверглись многочисленным переделкам и реконструкциям. Менялась планировка внутренних помещений, пересматривалась система вентиляции, подачи и охлаждении воды. Позднее к существующему строению сделали пристройку для отпуска грязевых процедур, которые, правда, вскоре были переведены в другую лечебницу. Несмотря на это, Лермонтовские ванны в значительной степени сохранили первоначальный внешний облик. Однако их современное состояние совершенно не соответствует их значимости для истории курорта. Из-за уменьшения дебита источника ванны на протяжении XX в. работали с перебоями или вообще бездействовали, выполняли вспомогательные функции, в конце концов были перепрофилированы, реконструированы и переименованы в Лермонтовскую лечебницу. Кроме того, оказавшись в 1901 г. полностью закрытыми Лермонтовской галереей, ванны потеряли свою эстетическую значимость для общего вида парка «Цветник». Сейчас ванны принадлежат ЛПУП «Пятигорская бальнеогрязелечебница» и являются ее вспомогательным помещением, однако здание уже в течение более 20 лет никак не используется и находится в аварийном состоянии. Фасад здания обрушается, о состоянии внутренних помещений трудно судить. Все это привело к тому, что Лермонтовские ванны теряют свой туристический потенциал и не могут быть использованы в экскурсиях.

Что касается других бальнеологических сооружений Пятигорска, относящихся к памятникам федерального значения, то Академическая галерея и Пушкинские ванны в целом сохранили свой первоначальный облик, в то время как Михайловская галерея была значительно перестроена. Если же говорить о современном состоянии этих объектов, здесь наблюдается прямо противоположная картина: Михайловская

галерея, которая находится в частной собственности и активно эксплуатируется как кафе и бильярдный клуб (Михайловский источник утратил свое лечебное значение еще в начале XX в.), имеет хорошую сохранность, Академическая же галерея и Пушкинские ванны хоть и находятся в ведении ЛПУП «Пятигорская бальнеогрязелечебница» практически не используются по назначению, что накладывает отпечаток на их внешний вид. Долгие годы они были заброшены и пришли в достаточно плачевное состояние. Прежде всего это относится к украшению фасадов, лепнине, деревянным деталям. После того как несколько лет назад нижние Пушкинские ванны были капитально отремонтированы и в них открылась «Нижняя пушкинская лечебница» (ФНПР ФПСК ООО «Курортное управление» (холдинг), г. Кисловодск, ЛПУП «Пятигорская бальнеогрязелечебница») их состояние не вызывает опасений. Однако верхние Пушкинские ванны продолжают интенсивно разрушаться. Речь идет уже о разрушении кирпичных стен здания, крыши и фундамента.

Аналогичная ситуация складывается и с остальными памятниками. Особняк Ушакова хоть и пережил за время своего существования значительные разрушения и перестройки, был заброшен, впоследствии был возрожден в рамках программы подготовки к празднованию 200-летия города (автор проекта реставрации Г.В. Асриян). С 1979 г. здесь располагается городское отделение ЗАГС, соответственно здание поддерживается в хорошем состоянии. Дом Уптона за весь период своего существования не прекращал функционировать сначала как гостиница, затем как корпус санатория (в настоящее время ГБУЗ СК Краевой санаторий для детей с родителями «Горячий ключ»), и все это время (за исключением периода ВОВ) его вовремя ремонтируют и обновляют. То же можно сказать о Доме Мациевского, где сейчас расположено отделение ПАО «Сбербанк России», и Народном доме (Всесословном клубе) – ГБУК СК «Театр оперетты». За ними осуществляется надлежащий уход, они имеют если не идеальный, то достаточно хороший вид.

Здание бывшей гостиницы «Бристоль» может служить примером быстрого разрушения объектов культурного наследия, оставшихся без должного внимания. На протяжении почти всего XX в. оно активно эксплуатировалось, даже в определенный период было зданием городской администрации. Однако начиная с середины 90-х гг. XX в. эксплуатация постоянно сокращалась и в настоящее время используется только первый этаж. Все это привело к очень быстрому разрушению верхних этажей. Прежде всего необходимо отметить состояние балконов, лепных украшений и особенно скульптур древнеримских богинь, установленных на фасадах. В трещинах начинают прорастать различные растения, даже древесные, что ведет к еще большему разрушению здания. Одну из скульптур недавно даже пришлось демонтировать, так как возникла реальная угроза ее обрушения.

Таким образом, само по себе отнесение объектов к памятникам истории и культуры федерального значения не гарантирует его сохранность и достойное содержание. Общей тенденцией в регионе можно назвать то, что если здание активно эксплуатируется в независимости от формы собственности, то оно поддерживается в хорошем состоянии, как только эксплуатация памятника снижается или совсем прекращается – он начинает быстро разрушаться и терять туристскую привлекательность, даже если принадлежит государственным учреждениям. Но большинство памятников федерального значения в регионе находятся в хорошем состоянии и могут быть использованы в туристской деятельности. Часть, конечно, требует ремонта, но общее состояние не вызывает опасения. В Пятигорске повод для наибольшей обеспокоенности дают Лермонтовские и верхние Пушкинские ванны. Лучшим способом сохранения памятников является их музеефикация. Примером может служить Домик Лермонтова.

Практически все объекты культурного наследия федерального уровня в регионе активно используются в формировании познавательных экскурсионных маршрутов. Это относится к музейным собраниям, в первую очередь мемориальных музеев. Также большим интересом у туристов пользуются памятники начального этапа развития курортов, лермонтовские места, памятники архитектуры и т.д. В ходе разработки экскурсионных маршрутов приходится учитывать степень сохранности объектов, так как кроме познавательной ценности в туристской привлекательности достопримечательности большую роль играет эстетический фактор. В то же время имеет значение и окружающий памятник ландшафт.

В связи с этим отдельно следует упомянуть о месте первоначального захоронения М.Ю. Лермонтова, которое всегда поддерживалось музе-

ем в хорошем состоянии, чего нельзя было сказать обо всей территории Некрополя, на котором оно расположено. Однако в 2015 г. прилегающая к месту первоначального захоронения М.Ю. Лермонтова территория была значительно улучшена: вырублены заросли кустарников, отреставрированы дорожки, приведены в порядок соседние захоронения. Соответственно в настоящее время объект обладает не только содержательной, но и визуальной привлекательностью, что позволило целому ряду туристических фирм включить его как в обзорные экскурсии по городу, так и в тематическую экскурсию по лермонтовским местам. Раньше место первоначального захоронения посещалось туристами гораздо реже. Этот пример наглядно демонстрирует, что поддержание объектов культурного наследия в надлежащем состоянии ведет к более полному их использованию в познавательном туризме.

Следует отметить, что Лермонтовские и верхние Пушкинские ванны в Пятигорске, нуждающиеся в срочном ремонте и реставрации, относятся к сооружениям курорта, ответственность за них несет ЛПУП «Пятигорская бальнеогрязелечебница». Если данное учреждение не в состоянии содержать в должном порядке исторические здания, пристальное внимание на проблему сохранения исторического наследия и в конечном итоге туристской привлекательности региона в целом следует обратить государственным и муниципальным властям. Органы управления должны жестче подходить к решению этого вопроса: менять статус памятника, обязать собственника привести его в порядок, в противном случае даже поменять собственника. К сожалению, в российском законодательстве отсутствует четкий и системный подход к охране объектов культурного наследия. Условия и порядок распоряжения (отчуждения или передачи прав) объектами культурного наследия законодательно четко не определены, как и порядок установления и выполнения требований и ограничений по сохранению и использованию объекта культурного наследия, в том числе охранных обязательств.

Ни статус памятника, ни реставрация не гарантируют зданиям жизнь, если они не вовлечены в активное действие. Одним из вариантов решения проблемы сохранения Пушкинских и Лермонтовских ванн, которые уже не могут быть использованы по своему первоначальному назначению из-за недостатка минеральной воды из источников, может стать их перепрофилирование и использование как учреждений культуры. Одним из решений этой проблемы могла бы стать музеефикация ванн и передача их государственному музею-заповеднику М.Ю. Лермонтова, как ранее это было сделано с «домиком Алябьева». Другим вариантом является передача помещений ванн под размещение там экспозиций музея «Курортная выставка», который в настоящее время не имеет собственного помещения, основанного дирекцией КМВ еще в 1847 г., как «Бальнеологический консерваторий» и содержит в своих фондах немало раритетов, отражающих историю развития курортов Кавказских Минеральных Вод.

В этом случае функциональная адаптация сооружений, потерявших былое назначение, не будет противоречить их художественному образу и пространственной структуре. Такое применение памятников будет выявлять их общественно-культурную роль. Как правило, историко-культурные и природные ценности, расположенные на территориях исторических городов, рассматриваются их жителями не только как общенациональное достояние, но и как наследие своего местного сообщества, наследие каждого отдельного человека, за сохранение которого он несет личную ответственность.

Для создания благоприятной туристской среды в регионе КМВ необходимы:

– сохранение и совершенствование общего архитектурного облика городов;

– комплексная реконструкция и возрождение исторических центров городов и других районов исторической застройки;

– органичное включение объектов и элементов новой архитектуры в исторический контекст города;

– современное использование ценных исторических зданий и градостроительных систем прошлого.

Охрана культурно-исторического наследия это в первую очередь разумное использование памятников. Положительным примером следует считать их комплексную музеефикацию и последующую реставрацию для придания первоначального облика. Подобные ансамбли могли бы быть созданы и в других городах-курортах, имеющих особую историческую и мемориальную ценность. Проведена успешная музеефикация в 2009 г. так называемого особняка Гориной в г. Кисловодске, где бывал А.И. Солженицын (Об отнесении памятника истории и культуры регио-

нального значения «Особняк Гориной, где бывал А.И. Солженицын» (Ставропольский край, г. Кисловодск, переулок Бородинский, д. 3) к объектам культурного наследия федерального значения: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.05. 2009 г. № 678-р).

И, конечно же, необходим постоянный и всеобъемлющий мониторинг состояния историко-культурных и природных памятников, хода реализации программ и проектов их изучения, сохранения и использования. Для этого проводится оценка нормативно-правовых, методических и технологических механизмов мониторинга состояния памятников с точки зрения эффективности их использования в реальных условиях, а также с позиции полноты и достоверности получаемых результатов. По аналогии с «Красной книгой» редких и исчезающих видов растений и животных возможно составление «красных книг» памятников истории и культуры, объектов нематериального культурного наследия, особо охраняемых природных территорий и памятников природы, культуры и истории всемирного наследия, оказывающихся в опасности уничтожения вследствие природных, техногенных или социально-экономических катастроф.

Крайне ценно не просто проводить мероприятия по мониторингу состояния объектов наследия, но и интенсивно распространять соответствующую информацию. Доводить информацию до российской и мировой общественности с акцентом на наиболее острые проблемы и наиболее перспективные достижения в деле сохранения наследия по каждому региону и муниципальному образованию. Также важно проводить аналитическое сравнение состояния историко-культурного и природного наследия и уровня готовности и эффективности механизмов обеспечения его сохранности.

Литература

1. *Огаркова И.В.* Проблемы и перспективы развития туризма в СКФО // Актуальные проблемы СКФО в условиях формирования туристско-рекреационного кластера: материалы междунар. конф. Пятигорск: ФГАОУ ВПО «СКФУ» (филиал в г. Пятигорске), 2013. Т. 1. С. 108–114.

2. *Огаркова И.В.* Проблемы и перспективы развития туристско-рекреационного комплекса Кавказских Минеральных Вод // Современная наука и инновации. 2013. № 4. С. 7–13.

3. *Недумов С.И.* Лермонтовский Пятигорск. Пятигорск : Мужской характер, 2014. 448 с.

4. *Боглачев С.В., Кузнецов В.А., Маркелов Н.В.* Пятигорск в исторических очерках: история города Пятигорска с древнейших времен до 1917 года / под общ. ред. Н.В. Маркелова. Пятигорск : Снег, 2010. 288 с.

5. *Полякова О.А., Чегутаева Л.Ф.* Летопись города-курорта Пятигорск. Раздел 2. Ставрополь : Графа, 2013. 60 с.

6. *Федотов Ю.С.* Домик Лермонтова. Начало : документально-исторический очерк. Пятигорск, 2013. 267 с.

References

1. Ogarkova I.V. [Problems and prospects of tourism development in the North Caucasus Federal District]. *Aktual'nye problemy SKFO v usloviyakh formirovaniya turistsko-rekreatsionnogo klastera* [Actual problems of the North Caucasus Federal District in the context of the formation of a tourist-recreational cluster]. Proceedings of the international conf. Pyatigorsk: FGAOU VPO “SKFU” (filial v g. Pyatigorske), 2013, vol. 1, pp. 108-114.

2. Ogarkova I.V. Problemy i perspektivy razvitiya turistsko-rekreatsionnogo kompleksa Kavkazskikh Mineral'nykh Vod [Problems and Prospects of Development of the Tourist-recreational Complex of the Caucasian Mineral Waters]. *Sovremennaya nauka i innovatsii*. 2013, No. 4, pp. 7-13.

3. Nedumov S.I. *Lermontovskii Pyatigorsk* [Lermontov’s Pyatigorsk]. Pyatigorsk: Muzhskoi kharakter, 2014, 448 p.

4. Boglachev S.V., Kuznetsov V.A., Markelov N.V. *Pyatigorsk v istoricheskikh ocherkakh: istoriya goroda Pyatigorska s drevneishikh vremen do 1917 goda* [Pyatigorsk in historical essays: the history of the city of Pyatigorsk from the earliest times to 1917]. Ed. N.V. Markelov. Pyatigorsk: Sneg, 2010, 288 p.

5. Polyakova O.A., Chegutaeva L.F. *Letopis' goroda-kurorta Pyatigorsk* [Chronicle of the resort city of Pyatigorsk]. Section 2. Stavropol: Grafa, 2013, 60 p.

6. Fedotov Yu.S. *Domik Lermontova. Nachalo* [The house of Lermontov. The beginning]. Pyatigorsk, 2013, 267 p.

Поступила в редакцию / Received ***16 марта 2018 г. / March 16, 2018***

УДК 94(470+57) «17/1917» DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-60-64

К ИСТОРИИ ЦЕРКВЕЙ И КЛАДБИЩ ГОРОДА НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ

© 2018 г. С.С. Козлов [a]
[a] Ростовский областной музей краеведения, Ростов-на-Дону, Россия

TO THE HISTORY OF CHURCHES AND CEMETERIES OF THE CITY OF NAKHICHEVAN-ON-DON

S.S. Kozlov [a]
[a] Rostov Regional Museum of Local History, Rostov-on-Don, Russia

Козлов Сергей Сергеевич –
старший научный сотрудник,
Музей русско-армянской дружбы,
Ростовский областной музей краеведения,
ул. Большая Садовая, 79, г. Ростов-на-Дону,
344052, Россия.
E-mail: sid.220788@bk.ru

Sergey S. Kozlov -
Senior Researcher,
Museum of Russian-Armenian Friendship,
Rostov Regional Museum of Local History,
Bolshaya Sadovaya St., 79, Rostov-on-Don,
344052, Russia.
E-mail: sid.220788@bk.ru

Старая часть современного Ростова-на-Дону представляет собой основу культурно-исторического облика города и отражение его прошлого, являясь памятником истории. Сохранение культурно-исторического наследия актуально в связи с застройкой центральной части города. В том числе это важно и для той территории, которую занимала Нахичевань-на-Дону (ныне Пролетарский район), основанная армянскими переселенцами из Крымского ханства в 1779 г. (через 30 лет после основания Темерницкой таможни и через 18 лет после основания крепости св. Димитрия Ростовского (будущего г. Ростова-на-Дону)).

Мемориальные места и погребальные территории являются важной частью духовной жизни и исторической памяти жителей города. Исследуются кладбища и храмы старого г. Нахичевани-на-Дону: армянское кладбище и храм Сурб Карапет, а также православное кладбище и храм иконы «София – премудрость Божия». Раскрываются отношение к ним администрации и населения города, политика государства на различных исторических этапах.

Ключевые слова: *культурно-исторический облик, сохранение памятников истории и культуры, храмы и кладбища г. Нахичевань-на-Дону, история г. Нахичевань-на-Дону.*

The old part of the modern Rostov-on-Don, represents the cultural and historical appearance of the city and reflects its past, being a monument of history. The preservation of the cultural and historical heritage of the modern city is relevant in connection with the construction of its central part. We believe that it is vitally important for such a territory of modern Rostov-on-Don, as the area of the old city of Nakhichevan-on-Don (now Proletarsk district). It was founded by Armenian settlers from the Crimean Khanate in 1779 (30 years after the Temernik customs was founded and 18 years after the erection of the fortress of St. Demetrius of Rostov (the future city of Rostov-on-Don).

Memorial places and burial grounds, such as temples and cemeteries, are an important part of the spiritual life and historical memory of the inhabitants of the city. In Nakhichevan-on-Don by the beginning of the twentieth century there were two cemeteries: the Armenian Surb Karapet and the Orthodox. The article examines the cemeteries and temples of the old city of Nakhichevan-on-Don: the Armenian cemetery and the Surb Karapet temple, as well as the Orthodox cemetery and the temple of the icon "Sophia - the Wisdom of God". The attitude to them of the administration and the population of the city, the policy of the state at various historical stages are revealed.

Keywords: *cultural-historical appearance, preservation of historical and cultural monuments, temples and cemeteries in Nakhichevan-on-Don, the history of Nakhichevan-on-Don.*

Данная тема является актуальной и малоизученной проблемой, она связана с этноконфессиональными процессами и историей градостроительства на Дону, социальной политикой Российского государства в Северном Причерноморье, Приазовье и на Северном Кав-

казе. К ее разработке подтолкнул повышенный интерес посетителей «Музея русско-армянской дружбы» – отдела Ростовского областного музея краеведения – к памятникам истории, культуры и архитектуры старой Нахичевани (ныне Пролетарский район Ростова-на-Дону). В условиях активной застройки исторической части города многие памятники исчезают, разрушаются, меняют первоначальный облик. Это относится не только к архитектуре, но и погребальным территориям, храмовым комплексам. Проблема сохранения памятников истории и культуры в современном г. Ростове-на-Дону особенно актуальна, город теряет индивидуальность, изменяется планировка, «историческое лицо» размывается.

Храмы и кладбища всегда были и сегодня являются важной частью духовной и исторической памяти нашего народа. На примере кладбищ и храмов старого г. Нахичевани-на-Дону автор предлагает рассмотреть процесс сохранения и уничтожения памятников культурно-исторического наследия в различные эпохи.

Город Нор-Нахичеван (с 1838 г. – Нахичевань-на-Дону) был основан близ крепости св. Димитрия Ростовского в низовьях Дона армянами-переселенцами из Крыма по указу императрицы Екатерины II в 1779 г. и стал центром Ново-Нахичеванской армянской колонии. Поселившись здесь, армяне наряду с жилой и промышленной застройкой вели строительство храмов Армянской апостольской церкви.

В Нахичевани изначально было 6 церквей. Кафедральный собор Сурб Лусаворич (св. Григория Просветителя) располагался на центральной площади города. Церкви Сурб Теодорос (св. Тороса, или св. Федора), Сурб Аствацацин (Воскресенская церковь), Сурб Никогос (Никольская церковь), Сурб Амбарцум (Успенская церковь), Сурб Геворк (Георгиевская церковь) – все эти 5 храмов находились на окраинах города. Храмы были заложены в 1781–1783 гг., завершены и освящены соответственно в 1783–1787 гг. [1, с. 273–274]. Исключением стал храм Григория Просветителя, строительство которого завершилось гораздо позже (1783–1807 гг.).

В монографии В.Б. Бархударяна говорится, что «церковь св. Просветителя (Сурб Лусаворич) и другие строились в русско-византийском стиле» [2, с. 74]. Всего же в г. Нахичевани-на-Дону на 1904–1905 г. насчитывалось: православных церквей, соборов, монастырей и часовен – 1, единоверческих церквей и часовен – нет, раскольничьих – нет, армяно-григорианских церквей – 7, монастырей – 1, римско-католических церквей – нет, протестантских церквей – нет, еврейских синагог – нет, молитвенных школ – 1, магометанских мечетей – нет, калмыцких хурулов – нет [3]. Священнослужителей в Нахичевани насчитывалось 218 [2, с. 97].

Почти у всех церквей, кроме главного собора, были кладбища в своих оградах, а храмы св. Амбарцума и св. Тороса имели кладбища за чертой города, для бедных прихожан этих храмов [4, с. 72]. У храма св. Просветителя в своей ограде кладбища не было. Ему отвели место за пределами города, за 1-й Степной улицей в районе 10-й линии приблизительно в 1860-е гг. [1, с. 276]. Оно изначально не имело своей кладбищенской церкви, относилось к собору св. Лусоворича.

Нахичеванская купеческая вдова, дворянка Акулине Погосовна Аладжалова, умершая в 1871 г., в своем духовном завещании, утвержденном Таганрогским окружным судом 26 ноября 1871 г., дала следующие распоряжения: «…из сосредоточенного в банке всего капитала моего с наросшими процентами три части я определяю: А) на сооружение при Нахичеванском армянском соборном кладбище каменной церкви во имя Иоанна Крестителя и при ней деревянного наместнического дома, так же на устройство при этих зданиях колодца. Б) На постройку зданий же при кладбище нескольких деревянных домиков для жительства бедных беспричастных армянских семейств. Исполнение выше изложенной воли завещательницы возложенным этим же завещанием на душеприказчиков» [5, л. 1].

Душеприказчиками у А.П. Аладжаловой числились ее племянник, почетный гражданин г. Нахичевани-на-Дону И.Е. Хатранов, также гласные нахичеванской городской думы Христофор Титров и Николай Аджемов [5, л. 1]. 29 января 1875 г. городской голова Нахичевани-на-Дону отправил верховному патриарху и католикосу всех армян Кеворку IV прошение о дозволении строительства нового храма, на что получено согласие [5, л. 2]. Городская управа разработала проект строительства храма и отправила его в Екатеринославское губернское правление [5, л. 3].

Министерство внутренних дел 24 февраля приняло резолюцию № 143, в которой поручило губернскому архитектору Бродницкому прове-

сти осмотр грунта земли под строительство кладбищенской церкви. Одновременно оно указало губернскому правлению выделить причитавшиеся для его командировки средства по чину статского советника от Екатеринославля до Нахичевани по 1 руб. 20 коп. в сутки, считая за сутки каждые 50 верст и трое суток на исполнение задания [5, л. 4].

Начало строительства храма затянулось. Губернский архитектор не спешил с выездом в Нахичевань, в мае И.Е. Хатранов написал заявление в городскую управу Нахичевани о том, что у него уже готовы все строительные материалы, но он не может приступить к строительству церкви. Губернский архитектор не прибыл на освидетельствование грунта [5, л. 7]. Последовало еще одно обращение в губернское правление [5, л. 8], но архитектор так и не приехал. Тем не менее храм был заложен в 1875 г., строительство длилось 6 лет. 11 июня 1881 г. он был освящен. По мнению Е.А. Шахазиза, автором проекта являлся городской архитектор В.В. Сазонов, строительство возглавлял племянник А.П. Аладжаловой И.Е. Хатранов, он же был и автором эскизов. Впоследствии В.В. Сазонов и И.Е. Хатранов были похоронены у северо-восточного фасада храма [4, с. 72–73].

Объёмно-пространственная композиция церкви Сурб Карапет была построена на сочетании форм базиликального и крестово-купольного храмов [6, с. 102]. Возвышающиеся над первым ярусом центральные и поперечные нефы в трансепте завершаются двенадцатигранным барабаном с шатром [7, с. 90]. В оформлении фасадов прослеживаются традиционные армянские мотивы с резными каменными деталями. В едином стиле с фасадами был оформлен и интерьер церкви, также выполненный по эскизам И.Е. Хатранова и городского архитектора В.В. Сазонова, а иконостас из орехового дерева в «анийском стиле» – немецким мастером Кофтом. Стены храма и трапезной украшены орнаментальными плетеными рамками и медальонами, в которые помещены фрески. Центральные пилоны увенчаны орнаментальным карнизом. Главная икона храма «Богоматерь» установлена на ступенчатом подиуме за иконостасом.

Подлинные первоначальные фрески помещены в рамках и медальонах: «Георгий Победоносец», «Пантелеимон Целитель», «Святая Варвара-мученица», «Святой Степанос» и др. Они выполнены в академической манере и поражают своей лаконичностью, строгостью и благородством коричнево-оливкового колорита. Уникальная красота здания церкви Сурб Карапет определена необычной, взятой из древности декорировкой, основанной на контрасте белого камня (тонко профилированных тяг, аркад, хачкаров) и плоскостей красной кирпичной кладки. Е.А. Шахазиз считал эту церковь «единственной в России, построенной в древнеармянском стиле» [4, с. 72].

Одновременно с церковью на территории кладбища на средства А.П. Аладжаловой была построена богадельня [4, с. 72]. Она состояла из основного корпуса и пяти небольших, прямоугольных в плане, с выступами на торцах подсобных строений. Одноэтажное здание с подвалами сейчас используется как склад. Богадельня была рассчитана на обслуживание 60 одиноких бедных людей преклонного возраста. Жилые комнаты на несколько человек выходили в идущий параллельно главному фасаду длинный коридор. Конфигурация плана торцевых сторон несколько измельчена устройством небольших умывальных комнат и санитарных узлов, что, однако, не повлияло на стройность внешнего облика постройки.

По архитектурному убранству здание богадельни родственно жилым домам нахичеванцев конца XIX в. Оно расположено на территории, ранее отведенной Армянскому кладбищу, рядом с домом священника и входит в комплекс застройки подворья церкви Сурб Карапет. Начиная с советского времени, здание находится в оперативном управлении командования воинской части. В настоящий момент проходит процесс передачи его в ведение администрации кладбища, благодаря чему будет полностью восстановлен архитектурный комплекс, состоящий из храма Сурб Карапет и богадельни. Дом священника также входит в комплекс застройки подворья церкви Сурб Карапет. Он прямоугольной конфигурации в плане, одноэтажный, кирпичный, с многоскатной чердачной крышей, представляет интерес как элемент застройки подворья храмового комплекса церкви Сурб Карапет.

Кладбище имеет площадь 14 га, планировка – регулярная, в виде сетки пересекающихся аллей, разделяющих территорию на прямоугольные кварталы, объединяющие участки, принадлежащие отдельным семействам. С конца XIX в. их стали ограждать металлическими решетками, художественная форма которых менялась в зависимости от времени их сооружения. Церковь Сурб Карапет находится в юго-восточной части

кладбища как один из основных объектов комплекса. К храму ведут центральная продольная и поперечная аллеи – от южных и западных ворот, выходящих на 10-ю и 2-ю линии. Южный портал церкви, располагающейся у центральной аллеи кладбища, ныне является главным входом в храм. На армянском кладбище похоронены многие общественные деятели и деятели культуры г. Нахичевани и Ростова-на-Дону.

В Нахичевани-на-Дону, помимо армянского, было и православное кладбище. Находилось оно недалеко от армянского и имело свою церковь. Конечно, долгое время Нахичевань-на-Дону была городом с преимущественно армянским населением. Но начиная с 1860-х гг. в связи с постройкой завода «Аксай», мельницы братьев Парамоновых, шерстомоек и других промышленных заведений, начинается приток русского населения в город. Вскоре встал вопрос о постройке православного храма [1, с. 277]. Долго выбирали место строительства. В результате выбрали территорию западнее окраины города, напротив Георгиевской церкви, в створе улицы, позже получившей название 1-й Софиевской (ныне 1-я Майская улица). В 1863 г. была построена первая православная церковь Нахичевани, освященная в честь св. мученицы Софии (Софиевская). Главной храмовой иконой стала «София-Премудрость Божия» [8, с. 123].

Это был деревянный храм размером 17×10 саженей (36×21 м), на каменном цоколе, с шатровым завершением светового барабана и одноярусной звонницей высотой 15 м. Рядом с церковью в том же 1863 г. построили одноэтажное кирпичное здание православной церковно-приходской школы [8, с. 124]. Так как храм был маленький, а русское население росло, 29 октября 1900 г. на заседании попечительского совета Софиевской церкви пришли к заключению, что приходу требуются: 1) постройка более или менее обширного каменного, теплого храма; 2) постройка или по крайней мере расширение школы и 3) устройство богадельни для престарелых и увечных [9, л. 1, 2]. Необходимость эта объяснялась тем, что к началу XX в. численность русского населения г. Нахичевани-на-Дону выросла и превышала цифру в 10 000 человек, из-за чего и встал вопрос о строительстве более вместительного, отапливаемого каменного храма, увеличения помещения школы и организации богадельни. Позже для этих целей попечительский совет попросил выделить городскую землю к югу до 1-й Соборной улицы, общей площадью 2500 кв. саженей (5325 кв. м) [9, л. 1, 2]. Прошение это было отправлено в городскую думу 15 ноября. Попечительский совет церкви на случай, если городская дума не сможет выделить землю до 1-й Соборной, попросил выделить территорию на восток до 1-й Софиевской [9, л. 5].

На заседании, состоявшемся 5 марта 1901 г., городская управа принимает решение удовлетворить оба ходатайства попечительского совета Софиевской церкви и выделить землю в собственность храма в размере 40 саженей (85,2 м) в длину до 1-й Соборной и в ширину 20 саженей (42,6 м) до 1-й Софиевской улицы [9, л. 7]. 26 апреля городская управа поручила городскому архитектору Н.Н. Дурбаху просчитать и замерить выделяемую храму площадь. 15 мая Дурбах составил акт о выделении храму городской земли 40 саженей (85,2 м) с севера на юг и 20 саженей (42,6 м) с запада на восток, общей площадью в 800 саженей (3640 кв. м) [9, л. 10].

В 1904 г. был заложен монументальный пятиглавый Софиевский храм. Авторство проекта приписывают ростовскому архитектору В.В. Попову. Церковь освящена в 1912 г. [8, с. 124]. По ул. 1-й Степной к северо-западу от Софиевского храма находилось православное кладбище г. Нахичевани-на-Дону [1, с. 276]. Так как кладбище располагалось в отдалении от храма, при нем была деревянная часовня, построенная в 1863 г. и причисленная к Софиевскому храму [8, с. 124]. Часовня была освящена в честь святой царицы Александры. Каменное здание часовни, так же как и Софиевской церкви, построили в 1904 г. в стиле русского классицизма. В 1910 г. к ней была помещена шатровая звонница. На Софиевском кладбище изначально похоронили протоиерея Иоанна Домовского, позже после сноса кладбища его перезахоронили на армянском кладбище.

В 1955 г. северный фасад часовни преобразовали и в создавшемся левом пределе освятили престол во имя св. Александра Невского. Сама же Софиевская церковь просуществовала недолго. Еще в 1934 г. ее закрыли и стали разбирать. Когда часть стен была убрана, заложили взрывчатку, и храм был взорван [8, с. 124]. На месте, где располагалось подворье Софиевской церкви, сейчас находится детская больница № 1, естественнонаучный лицей № 11, в здании бывшей церковно-приходской школы расположен детский сад.

Итак, с течением времени и ростом Нахичевани в результате политики советского государства по

отношению к церкви в городе остались к настоящему времени одно армянское кладбище и армянский храм. К сожалению, многие старинные памятники и мемориальные места утрачены навсегда. Кладбище закрыто, разрешены подзахоронения к родственникам. За советские годы и новейшее время территория кладбища сократилась, здания дома священника и богадельни оказались на территории военной части, большинство склепов разрушены, от них остались лишь фундаменты.

Советское время не пощадило старые памятники, с них снимались мраморные плиты, обрамлявшие их ограждения и украшения. Только кладбищенский храм Сурб Карапет сохранился полностью, его внутреннюю роспись в наше время полностью восстановили мастера из Санкт-Петербурга. Как отмечалось выше, кладбище стало последним приютом для многих общественных, политических, культурных и научных деятелей Ростова и Нахичевани-на-Дону. Их имена и фамилии о многом могут сказать жителям города. Это первый историк Ростова-на-Дону и общественный деятель Г.Х.Чалхушьян, и городской архитектор Нахичевани Н.Н. Дурбах, и городской голова Ростова-на-Дону П.Ф. Горбачев, и известный фольклорист А.М. Листопадов. В целом же облик старого Армянского кладбища запущен и плачевен.

Православное кладбище, открытое во второй половине XIX в., к сожалению, не сохранилось, как и православный храм «Иконы св. Софии – Премудрости Божьей». В настоящее время уцелела только кладбищенская часовня с несколькими могилами русских купцов-нахичеванцев. На месте кладбища располагаются жилые кварталы частного сектора, отчасти стадион «Юность России» (бывш. «Трудовые резервы») и парк им. Октябрьской революции. Софиевский храм уничтожен, на его месте находятся естественно-научный лицей № 11 и детская городская больница № 1. Здание церковно-приходской школы сохранилось, но в нем располагается детский сад на территории парка им. Октябрьской революции. Эти памятники архитектуры навсегда утрачены для потомков.

Литература

1. *Келле-Шагинов И.М.* Моя единственная жизнь: дневники и воспоминания. Ростов н/Д. : Старые русские, 2015. 320 с.

2. *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / ред. С. Дароян, В. Хачатурян; пер. с арм. Н. Григорова. Ереван: Айастан, 1996. 528 с.

3. ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 85. Л. 1.

4. *Шахазиз Е.А.* Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана. Ростов н/Д. : Книга, 2005. 240 с.

5. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 124.

6. *Есаулов Г.В., Черницына В.А.* Архитектурная летопись Ростова-на-Дону. Ростов н/Д. : Малыш, 1999. 289 с.

7. *Халпахчьян О.Х.* Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван : Айастан, 1988. 166 с.

8. *Малаховский Е.И.* Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие. Ростов н/Д. : NB, 2006. 240 с.

9. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1022.

References

1. Kelle-Shaginov I.M. *Moya edinstvennaya zhizn': dnevniki i vospominaniya* [My Only Life: Diaries and Memoirs]. Rostov-on-Don: Starye russkie, 2015, 320 p.

2. Barkhudaryan V.B. *Istoriya armyanskoi kolonii Novaya Nakhichevan' (1779-1917)* [History of the Armenian Colony of New Nakhichevan (1779-1917)]. Ed. by S. Daroyan, V. Khachaturyan; tr. from Arm. by N. Grigorov. Yerevan: Ayastan, 1996, 528 p.

3. *GARO* [State Archives of the Rostov Region]. Fund 91. In. 4. File 85. L. 1.

4. Shakhaziz Ye.O. *Novyi Nakhichevan i novonakhichevantsy. Monastyr' Surb Khach Novogo Nakhichevana* [New Nakhichevan and Novonakhichevan. The Monastery of Surb Khach New Nakhichevan]. Rostov-on-Don: Kniga, 2005, 240 p.

5. *GARO* [State Archives of the Rostov Region]. Fund 91. In. 1. File 124.

6. Esaulov G.V., Chernitsyna V.A. *Arkhitekturnaya letopis' Rostova-na-Donu* [Architectural Chronicles of Rostov-on-Don]. Rostov-on-Don: Malysh, 1999, 289 p.

7. Khalpakhch'yan O.Kh. *Arkhitektura Nakhichevani-na-Donu* [The Architecture of the Nakhichevan-on-Don]. Yerevan: Ayastan, 1988, 166 p.

8. Malakhovskii Ye.I. *Khramy i kul'tovye sooruzheniya Rostova-na-Donu, utrachennye i sushchestvuyushchiye* [Churches and Religious Buildings of Rostov-on-Don, the Lost and the Existing]. Rostov-on-Don: NB, 2006, 240 p.

9. *GARO* [State Archives of the Rostov Region]. Fund 91. In. 1. File 1022.

Поступила в редакцию / Received ***6 марта 2018 г. / March 6, 2018***

УДК 94 (470+510) 1992/1996 + 008 (470+510) DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-65-68

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ В 1992–1996 ГОДАХ

© 2018 г. Лу Сяоин [a]

[a] *Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия*

CULTURAL EXCHANGE AND SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN 1992-1996

Lu Xiaoying [a]

[a] *South Ural State University, Chelyabinsk, Russia*

Лу Сяоин –
аспирант, кафедра отечественной и зарубежной истории,
Южно-Уральский государственный университет,
пр. Ленина, 76, г. Челябинск, 454080, Россия.
E-mail: yingemma@126.com

Lu Xiaoying -
Postgraduate, Department of Domestic and Foreign History,
South Ural State University,
Lenina Ave., 76, Chelyabinsk, 454080, Russia.
E-mail: yingemma@126.com

Рассматриваются история и развитие культурного обмена и научно-технического сотрудничества между Россией и Китаем в 1992–1996 гг. Анализируются причины восстановления культурных контактов между Россией и Китаем после длительного периода, начиная с 60-х гг. охлаждения и разногласий между компартиями этих стран. Констатируется, что распад СССР дал возможность «перезагрузить» экономические и культурные отношения двух государств. Подписание в 90-х гг. лидерами стран документов о сотрудничестве в сферах культуры, образования, науки этот процесс заметно ускорило. Произошло взаимное обогащение национальных культур. Кроме того, наладилось сотрудничество в экономической и торговой областях. Развитие российско-китайских культурных обменов укрепило доверие между народами и правительствами обеих стран, оказало положительное влияние на политические отношения, создало благоприятную обстановку и атмосферу для двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: *культура, обмен, научно-техническое сотрудничество, международное образование, Россия, Китай, межгосударственные отношения.*

The history and development of cultural exchange and scientific and technical cooperation between Russia and China in 1992-1996 are considered. The reasons for the restoration of cultural contacts between Russia and China are analyzed after a long period, beginning with the 1960s, of cooling and disagreements between the Communist Parties of these countries. It is stated that the disintegration of the USSR made it possible to "reset" the economic and cultural relations between the two states. Signing in the 90 years of the leaders of countries documents on cooperation in the spheres of culture, education, science, this process markedly accelerated. There was a mutual enrichment of national cultures. In addition, cooperation has been established in the economic and trade areas. The development of Russian-Chinese cultural exchanges has strengthened the trust between the peoples and governments of both countries, has had a positive impact on political relations, has created a favorable atmosphere and atmosphere for bilateral cooperation.

Keywords: *culture, exchange, scientific and technical cooperation, international education, Russia, China, interstate relations.*

Культурный обмен между Россией и Китаем имеет давнюю историю. Российско-китайские культурные отношения стали продолжением сотрудничества между двумя странами со времен Советского Союза и основания Нового Китая. В советско-китайском Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанном в феврале 1950 г., говорилось: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия, взаимных интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны – развивать и укреплять экономические и культурные связи между Советским Союзом и Китаем...» [1]. В соответствии с Договором в Китай выезжали советские специалисты по строитель-

ству, проводились частые обмены в областях науки и техники, образования, литературы, искусства, здравоохранения. Китайские студенты изучали в вузах Советского Союза передовые науки и технологии, приобретали культурные знания. «Учитесь у старшего брата Советского Союза»* – самый популярный лозунг в то время. В 1960-е гг., когда произошло ухудшение отношений между партиями наших стран, культурные обмены резко сократились, что привело к длительному перерыву. В 1980-е гг. с ослаблением напряженности и улучшением отношений культурный обмен между Советским Союзом и Китаем постепенно восстановился.

После распада СССР политические и экономические отношения между Россией и Китаем сохранились. Также осуществлялись культурный обмен и сотрудничество в области науки, техники и образования. Содержание их стало богаче и разнообразнее. В 1992 г. лидеры России и Китая подписали в Пекине ряд документов о сотрудничестве в сфере культуры, научного образования, науки и техники. Подписание этих соглашений дало положительный результат. Развитие сотрудничества в данных областях заметно ускорилось, обмен культурными группами значительно увеличился.

Во-первых, обе страны расширили обмены в области культуры и искусства. Российские артисты выступали в Китае, а китайские – в России. В 1992 г. знаменитый российский цирк «Звезда» гастролировал в Китае. В октябре 1993 г. китайский восточный ансамбль песни и танца выступал в России [2, с. 220]. В сентябре 1993 г. в Москве был подписан план о сотрудничестве между Министерствами культуры двух стран в 1994 и 1995 гг. [3]. Согласно этому плану, с весны 1994 г. Россия отправила в Китай национальный ансамбль песни и танца, джаз-оркестр, армейскую группу песни и танца. Эти творческие коллективы тепло приветствовались китайской аудиторией. В Россию отправился ансамбль песни и пляски Народно-освободительной армии Китая [4, с. 171]. Китайские отделы также организовали выставочный тур по кустарным промыслам в России. Выставки популярны у российского народа.

Во-вторых, расширилось научно-техническое сотрудничество в таких областях, как энергетика, машиностроение, аэрокосмическая промышленность, сельское хозяйство, транспорт, разработка и применение высоких технологий и т.д. Подписаны соглашение о мирном использовании и исследовании космического пространства, протокол аэрокосмического сотрудничества, соглашение о сотрудничестве в области информации и другие документы. Научно-исследовательские институты обеих стран активизировали свои обмены. В 1994 г. группа китайских ученых была приглашена Российской академией наук. В результате китайские ученые были избраны академиками Российской аэрокосмической академии [4, с. 171].

Обмены опытом проводятся среди ученых и специалистов в сфере социальных наук, экономики, истории и юриспруденции. Ряд китайских ведомств сотрудничают с Дальневосточным институтом России по использованию исторических архивов.

В-третьих, развивается сотрудничество среди отделов образования. В июне 1993 г. по приглашению Государственной комиссии по высшему образованию Россию посетила делегация во главе с зам. директора китайской образовательной комиссии [5, с. 442]. Обе стороны выразили желание о совместной деятельности в области образования и подписали протокол о российско-китайском сотрудничестве на 1993–1994 гг., что послужило укреплению общих интересов ученых обеих стран. Во время визита китайского премьер-министра Ли Пэна в Россию было подписано соглашение о взаимном признании дипломов и документов об образовании и ученых степенях [6].

С 1992 по 1996 г. российско-китайские культурные отношения развивались стремительными темпами. Тому способствовали быстрое восстановление культурного обмена между Россией и Китаем, использование прочной основы, заложенной еще до распада СССР, а также содействие правительств, геополитика, сходство и различия цивилизаций.

Первое место в этой цепочке безусловно принадлежит поддержке со стороны правительств наших стран. Переход советско-китайских отношений в российско-китайские не ослабил связи между странами. В различных областях они продолжали успешно развиваться и принесли замечательные результаты. С 1992 г. министры культуры России и Китая начали осуществлять взаимные визиты. В 1996 г. был создан механизм для регулярного совещания премьер-министров, а ежегодные переговоры включали прагматическое сотрудничество в об-

* 向苏联老大哥学习

ласти культуры. Участились высокоуровневые обмены между отделами культуры стран. В обменах участвовали эксперты, ученые, художники, что усиливало взаимодействие, взаимопонимание и доверие между народами обеих стран, закладывало прочную политическую основу для продолжения культурных обменов.

Важную роль в развитии российско-китайских отношений играет стабильная геополитическая обстановка, которая способствует внутреннему экономическому подъему стран, их мирному сосуществованию. С 1990-х гг. граница между Россией и Китаем остается безопасной и надежной. Страны-партнеры стали стратегическими тылами международной безопасности друг друга. Укрепление ее обеспечит успешное экономическое строительство и стратегическое партнерство на длительную перспективу. Нельзя не отметить, что российско-китайский культурный обмен ввел новый импульс в межгосударственные политические отношения.

И чтобы эти отношения продолжали успешно развиваться, нужно учитывать сходства и различия российской и китайской культур. В них есть много общих черт, но есть и много различий, которые формировались в ходе социально-исторического развития и в зависимости от геополитической среды. Эти сходства и различия и составляют предмет культурного обмена между Россией и Китаем. Восточнославянская нация России возникла в Европе, и ее культура является частью европейской культуры. Но расширение России на восток постепенно и превратило ее культуру в евразийскую, так как произошло слияние с традициями и культурами местных этносов [7].

Ханьская культура является основой азиатской, выросшей из конфуцианства, и обладает способностью поглощать внешнюю культуру. Из-за различия наших национальных культур сотрудничество и обмен в этой области становятся еще более интересными и привлекательными.

Культурные отношения являются неотъемлемой частью внешней политики страны. Они способствуют взаимопониманию людей разных национальностей, вероисповедания, социального положения, служат важной поддержкой дипломатии.

Итак, быстрое развитие российско-китайских культурных обменов укрепило доверие между народами и правительствами обеих стран, оказало положительное влияние на развитие политических отношений, создало благоприятную обстановку и атмосферу для двустороннего сотрудничества. Время, прошедшее с момента начала российско-китайского сотрудничества в 90-е гг., показало, что народы России и Китая многому научились друг у друга, произошло взаимное обогащение национальных культур.

Кроме того, развитие российско-китайских культурных обменов способствовало сотрудничеству в экономической и торговой сферах. На китайском языке есть поговорка: «культура создает сцену и экономика поет оперу»*. Смысл заключается в том, чтобы использовать влияние культуры для развития экономики. Культурный обмен между Россией и Китаем постоянно укрепляет их сотрудничество и взаимозависимость, что и привело к всестороннему развитию экономических отношений между странами.

В общем российско-китайские культурные обмены и научно-техническое сотрудничество имеют большое значение для стабилизации добрососедства и дружбы между Россией и Китаем.

Обе страны регулярно проводят международные культурные обмены в области искусства, науки, техники, образования, что расценивается как духовное богатство, которым щедро делятся наши народы друг с другом. Дружба не знает границ и способна защитить мир во всем мире. Благодаря совместным усилиям российско-китайское международное сотрудничество во всех сферах культуры, научных технологий и образования, безусловно, будет продолжать развиваться, будут проводиться новые культурные обмены и творческие коллективы еще ни один раз посетят дружественные им страны.

Литература

1. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. URL: https:// biography. wikireading.ru/106679 (дата обращения: 15.04.2018).

2. *Циян И.* Китайско-российские отношения в новом веке. Пекин: Шицие Чжиши Чубаньшэ, 2007. 367 с.

3. Вэньхуэй Бао. 1993. 27 сент.

4. *Лю Дэси, Сун Янь, Лю Сонбинь*. Китайско-российские отношения после распада СССР // Сулянь Цзети Хоудэ Чжонэ Гуаньси. Хэйлонциян: Хэйлонциян Циаоюй Чубаньшэ, 1996. 229 с.

5. *Рахманин О.Б.* К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. Обзор и анализ основных

* 文化搭台，经济唱戏

событий. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 512 с.

6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях (Москва, 26 июня 1995 года). URL: http:// nic.gov.ru/ ru/docs/foreign/confirmation/idokb_2577_225553-2 (дата обращения: 19.04.2018).

7. URL: http://rupoem.ru/tyutchev/umom-rossiyu-ne.aspx (дата обращения: 17.04.2018).

References

1. *Dogovor o druzhbe, soyuze i vzaimnoi pomoshchi mezhdu SSSR i KNR* [Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance between the USSR and the PRC]. Available at: https://biography.wikireading.ru/106679 (accessed 15.04.2018).

2. Tsiyan I. *Kitaisko-rossiiskie otnosheniya v novom veke* [Chinese-Russian Relations in the New Century]. Pekin: Shitsie Chzhishi Chuban'she, 2007, 367 p.

3. *Ven'khuei Bao*. 1993, Sept. 27.

4. Lyu Desi, Sun Yan', Lyu Sonbin'. [Chinese-Russian Relations after the Collapse of the USSR]. *Sulyan' Tszeti Khoude Chzhone Guan'si*. Kheilontsiyan: Kheilontsiyan Tsiaoyui Chuban'she, 1996, 229 p.

5. Rakhmanin O.B. *K istorii otnoshenii Rossii-SSSR s Kitaem v XX veke. Obzor i analiz osnovnykh sobytii* [To the History of Russia-USSR Relations with China in the Twentieth Century. Review and Analysis of Major Events]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2002, 512 p.

6. *Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii i Pravitel'stvom Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o vzaimnom priznanii dokumentov ob obrazovanii i uchenykh stepenyakh (Moskva, 26 iyunya 1995 goda)* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the Mutual Recognition of Documents on Education and Academic Degrees (Moscow, June 26, 1995)]. Available at: http://nic.gov.ru/ru/ docs/foreign/ confirmation/idokb_2577_225553-2 (accessed 19.04.2018).

7. Available at: http://rupoem.ru/tyutchev/umom-rossiyu-ne.aspx (accessed 17.04.2018).

Поступила в редакцию / Received ***22 апреля 2018 г. / April 22, 2018***

УДК 910 DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-69-75

ОПИСАНИЯ РОССИИ ИНОСТРАННЫМИ АВТОРАМИ XVII ВЕКА В СВЕТЕ ИДЕИ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

© 2018 г. Л.В. Мининкова [а]
[а] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

RUSSIAN DESCRIPTIONS OF FOREIGN AUTHORS OF THE 17th CENTURY IN THE LIGHT OF THE IDEA OF NATURAL-GEOGRAPHICAL DETERMINISM

L.V. Mininkova [а]
[а] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Мининкова Людмила Владимировна –
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: lvmininkova@sfedu.ru

Ludmila V. Mininkova -
Doctor of History, Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: lvmininkova@sfedu.ru

Идея тесной и неразрывной связи между природно-географическими условиями страны и ее общественно-политическим строем и характером народа возникла еще в древности. В раннее Новое время на такую связь указывал Ж. Боден. Его теория имела популярность в обществе, поскольку усваивалась очень легко. С ее помощью можно было объяснить особенности государственного и общественного строя, культуры и характера народа. В свете этой теории иностранцы в конце XVI – XVII вв. и давали описание России. Исходя из особенностей географического положения и природы страны среди ее особенностей они в первую очередь называли всеобщую несвободу, деспотический строй и тиранию, а также отсутствие собственности в европейском смысле. Этим они объясняли склонность населения к пьянству и отрицательные морально-нравственные его качества. Поэтому Россию не относили к европейским странам.

Ключевые слова: *природно-географический детерминизм, особенности России, сочинения иностранцев о России XVII в.*

The idea of a close and inextricable link between the natural and geographical conditions of the country and its socio-political system and the character of the people arose in ancient times. In the early modern times, such a connection was indicated by J. Boden. His theory was popular in society, as it was very easy to assimilate. With its help it was possible to explain the features of the state and social system, culture and character of the people. In the light of this theory, foreigners who wrote about Russia at the end of the 16th - 17th centuries gave a description of the country. From the peculiarities of the geographical position and the nature of the country, they derived such features of it as general lack of freedom, despotic order and tyranny, as well as the lack of property in the European sense. Taking into consideration above mentioned they explained the propensity of the population to drunkenness and negative moral and moral qualities. Therefore, they did not refer Russia to European countries.

Keywords: *natural-geographical determinism, features of Russia, works of foreigners about Russia in 17th century.*

Идея тесной и неразрывной взаимосвязи между социально-политическим строем страны, характером ее народа и ее природно-географическими условиями сформировалась в мировой культуре задолго до Нового времени. Как подчеркивали в последнее время И.М. Савельева и А.В. Полетаев, идею о влиянии географических условий на общество и его историю высказывали уже Геродот, Фукидид и Платон, а Аристотель в «Политике» описывал наиболее благоприятные природные условия для возникновения полиса. По их словам, историк XII в. Гервасий Тильберийский отмечал обусловленность типичных качеств у отдельных народов природной средой. Так, в силу природных условий своей страны римляне оказывались

мрачны, греки – переменчивы и ненадежны, африканцы – хитры и коварны, галлы – свирепы, а англичане и тевтоны – сильны и здоровы [1, с. 166–167].

В раннее Новое время идеи природно-географического детерминизма получили весьма широкое распространение. Выдающийся советский исследователь проблем исторической географии В.К. Яцунский подчеркивал, что мыслитель XVI в. Ж. Боден в труде «Метод легко познать историю» указывал на связь между природно-географическими условиями страны и характером народа, на различия между народами севера и юга Европы. Но при этом считал, что «влияние географической среды нельзя рассматривать как совершенно непреодолимое». В преодолении такого влияния он видел «проявление закона природы», возможное «при божественной помощи или путем длительного воспитания» [2, с. 138].

Не удивительно, что подобные идеи приобрели значительную популярность в раннее Новое время. При опоре на них можно было легко объяснять особенности страны, ее народа и культуры. Они вместе с тем выглядели как идеи, вполне созвучные рационалистическим тенденциям наступавшего нового времени и поддавались такой интерпретации, что вовсе не от бога, но от географии и природы страны зависело состояние общества и государства, характер и особенности народа. Такая объяснительная модель годилась для любой страны, но особенно для стран, находившихся за пределами романо-германского и западнославянского мира. К ним относилась и Россия, к которой в странах Западной Европы испытывали интерес. В.О. Ключевский отмечал, будто бы такой интерес вызывало то, что европейские путешественники «чувствовали в древнерусском обществе под его азиатской формой присутствие начал, родственных с теми, которыми жила Западная Европа» [3, с. 6]. В этой связи возникает вопрос, в какой степени они видели в России страну неевропейскую, азиатскую, и в самом ли деле они видели в ней какую-то общность с теми началами, которые существовали в западноевропейских странах?

Иностранные путешественники и наблюдатели еще со времени пребывания в стране венецианца А.Контарини при Иване III обращали внимание на самую тесную связь между географическим положением и природными условиями России, с одной стороны, и ее историей и разными сторонами культуры – с другой.

На ряд особенностей России указывал английский посол в Москве в 1588–1589 гг. Д. Флетчер. Он выделил прежде всего ее природные условия, в том числе размеры территории и климат. Размеры территории поражали европейцев. Но не было и столь слабо заселенной страны. На это указывал Флетчер: «Если бы все владения русского царя были обитаемы и заселены так, как заселены некоторые места, то едва ли бы мог он удержать их под своей властью» [4, с. 17]. Из природных условий для Флетчера примечательны были холода зимой, которым он давал очень выразительное описание. «От одного взгляда на зиму в России можно почувствовать холод» [4, с. 19].

От природы России Флетчер перешел к освещению особенностей ее государственного строя. Для него было очевидно, что его характер определяется территориальными особенностями страны. Но эту мысль он выразил невнятно. «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать, сколько возможно по положению своей страны» [4, с. 40], – писал он. Замечание справедливое, поскольку симпатии к турецким порядкам проявлялись еще в сочинениях И. Пересветова [5, с. 334]. Но турецкое правление считалось азиатским. Следовательно, для страны, находившейся в Европе и в Азии, образ правления, подобный турецкому, был не случаен. Отсюда прямая характеристика государственных порядков в России: «Правление у них чисто тираническое». Особенность тирании в России в том, что она направлена «к пользе и выгодам одного царя, и, сверх того, самым явным и варварским образом» [4, с. 40]. Это сказывается на положении всех слоев населения. Флетчер указывал на факт «угнетения дворянства и простого народа, без всякого притом соображения их различных отношений и степеней» [4, с. 40]. Он говорил о равенстве дворян и народа перед высшей властью. Но это равенство было в ничтожестве, что характерно для деспотического правления. Флетчер подчеркивал это, указывая на сходство России и Турции.

Особенностью России Флетчер также считал отношения собственности в стране. Он отмечал, что гарантий частной собственности не было. По его словам, «оба класса, дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу суть не что иное, как хранители царских доходов, потому что все нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки». Это «видно из

средств, употребляемых к обогащению его казны и способов взимания налогов» [4, с. 40]. Но такая система требовала, согласно Флетчеру, опору на военную силу внутри страны. Отсюда не случайно, что «ни дворянство, ни простой народ не имеют возможности отважиться на какое-нибудь нововведение до тех пор, пока войско будет единодушно и беспрекословно подчинено царю и настоящему порядку вещей». Чтобы обеспечить преданность войска, оно пользовалось данной от власти «полной свободой обижать и грабить простой народ по своему произволу» [4, с. 59].

Не имевшие никаких прав перед высшей властью бояре и дворяне, однако, имели все права по отношению к зависимым от них людям. Это четко фиксировал Флетчер. Он удивлялся, «до какого рабского состояния они унижены не только в отношении к царю, но и к боярам и вообще к дворянам». В европейских странах, по его словам, «нет слуги или раба, … который бы находился в большем рабстве, как здешний простой народ» [4, с. 73]. Служилым людям дозволялось очень многое. Флетчер замечал, как торговцы на рынках опасаются, что увидят в своей лавке в числе «посетителей когонибудь из царских дворян или какого сына боярского, и чтоб они не пришли со своими сообщниками и не взяли у них насильно весь товар».

Рабское положение народа прямо вело к появлению самых отрицательных качеств личности. Русские, писал Флетчер, это народ, «способный переносить всякие труды». Но в тех условиях, в которые он был поставлен, он «предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания». Он это объяснял тем, что «народ, будучи стеснен и лишаем всего, что приобретает, теряет всякую охоту к работе» [4, с. 75].

Таким образом, в сочинении Флетчера выстраивалась четкая логическая цепь, позволяющая ему ясно объяснить причины того положения России, в котором она находилась. Географическое положение и природные условия предопределяли существование деспотической власти царя. Это вызывало равенство всех подданных царя в ничтожестве перед ним, или полную власть царя над любым из подданных. Но для боярско-дворянской верхушки компенсацией за такое положение служит полная власть их над своими людьми и вообще право на произвол в отношении незнатных лиц. Отсюда нежелание народа работать, поскольку не было гарантий собственности. Но это служило причиной лени и пьянства народа, способного вообще-то к труду.

Еще более обстоятельное описание России давал ученый, голштинец А. Олеарий, описывавший свое путешествие 1636 г. в Московское государство через Нарву, Москву и Нижний Новгород, а далее вниз по Волге в Персию. Его подробное и тщательное описание России было первым со времени С. Герберштейна. Описывая Россию, ее природу, города и внутреннюю жизнь общества, ее государственный строй, Олеарий не давал прямого указания на существование связи между всеми этими элементами. Тем не менее из текста его описания такая связь вполне прослеживается. Основана она прежде всего на мысли о том, что все, что он видел в России и что он описывал, относилось к стране, совершенно необычной для европейцев. Необычность была в ее размерах, климате и реках, в обычаях населения и положении его по отношению к царской власти, в самом характере этой власти.

Он писал, что страна «имеет весьма большое протяжение», которое «на восток или утро доходит до большой реки Обь, протекающей через Ногайскую Татарию» [6, с.143]. Другая особенность страны – реки и «много больших и посвоему великолепных городов» [6, с. 144]. Но наиболее примечательным природным явлением России Олеарий считал зимний холод. Он отмечал, что в Московии «вообще воздух свежий и здоровый». Но при этом «во всей России» такие «сильные холода», что у жителей «отмерзают уши, носы, ноги и руки» [6, с. 152]. Таким образом, с географической точки зрения Россия отличалась от западноевропейских стран весьма серьезно. Эта пространственная и физико-географическая характеристика подготовила читателя к восприятию рассказа об особенностях государственного строя страны, положения населения и его культуры. Характеристики Олеария были весьма жесткими. Так, наблюдения за русскими «в отношении их душевных качеств, нравов и образа жизни» привели его к выводу, что «их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам». «Русские вовсе не любят свободных искусств и высоких наук и не имеют никакой охоты заниматься ими», и вообще «дают грубые и невежественные отзывы о высоких, им неизвестных, натуральных науках» [6, с. 168]. Однако он не отказывал русским в уме. Но умом они пользуются, «чтобы искать выгод и пользы и угождать страстям своим». И вообще

«они лукавы, упрямы, необузданны, недружелюбны, извращены, бесстыдны, склонны ко всякому дурному, пользуются силою вместо права, распростились со всеми добродетелями и скусили голову всякому стыду» [6, с. 170]. По причине «высокомерия», писал Олеарий, между знатными русскими возникали споры, известные как местнические. Спорящие при этом вовсю употребляли «гнусные слова», поскольку они «весьма бранчливый народ и наскакивают друг на друга с неистовыми и суровыми словами, точно псы» [6, с. 174]. Передавая слова одного датского дворянина, Олеарий писал, что русские «сняли с себя всякий стыд и всякое стеснение». Они, кроме того, пьянству «преданы более, чем какой-либо народ в мире». Пьянство распространено «во всех сословиях, как духовных, так и светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что, если на улице видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания, до того все это обыденно» [6, с. 178].

Из бытовых наблюдений рождались характеристики положения населения Московии по отношению к государству. Если «русские по природе жестокосердны», – писал он, – «и как бы рождены для рабства, их и приходится держать постоянно под жестоким и суровым ярмом», «прибегая к побоям и бичам». Но к этому они вполне «привыкли». Как бы подводя итог своим наблюдениям, Олеарий писал: «Рабами и крепостными являются все они». Они «проявляют свою рабскую душу, земно кланяются знатным людям». Но и русские «вельможи» также «обязаны проявлять свое рабство и ничтожество перед царем», например, «писать “Ивашка”, и не Иван, “Петрушка, твой холоп”». О рабстве вельмож в России, отмечал Олеарий, свидетельствуют «варварские наказания» [6, с. 181], которым они подвергаются. Привычные к рабству русские, по оценке Олеария, готовы были многое «перенести и перестрадать». Но если в этих страданиях «мера оказывается превзойденною», то «дело кончается опасным мятежом». Опасность при этом грозит не государю. Недовольство народа направлено «против низших властей, особенно если жители испытывают сильные притеснения со стороны своих сограждан и не находят у властей защиты» [6, с. 185].

По оценке известного советского историка М.А. Алпатова, труд Олеария «занимает выдающееся место среди современных ему сочинений иностранцев о России» [7, с. 99], и написан он ученым, обладавшим глубокими знаниями. По его оценке, Олеарий, однако, был не всегда объективен, а «предвзятость и необъективность» Олеария проявляется при утверждении им положения о рабстве русских. Как указывал М.А. Алпатов, для «“бунташного” XVII века утверждение Олеария звучало весьма неубедительно» [7, с. 106]. Но, как показывала история разных стран, рабство и бунты сочетались между собой.

Олеарий не выводил напрямую особенности положения населения России и ее государственного строя из географического положения и природных условий. Но общий вывод просматривался ясно: Россия – страна не европейская. Более определенно на связь между природой страны и характером народа указывал в 1674 г. пастор И.Ю. Марций из Мюльгаузена, автор первой диссертации о Степане Разине. Он писал: «Природа страны влияет на характер так, что народы проявляют самые несхожие наклонности, и все то, чем очень дорожат одни, может представляться другим вредным и неприятным» [8, с. 61]. Эту же мысль выражал побывавший в России в 1671–1673 гг. уроженец Курляндии Я. Рейтенфельс. По его словам, «некто остроумно заметил, … воздух, местность, вода и пища управляют, до известной степени, как жизнью человека, так и его действиями» [9, с. 379]. Рейтенфельс соглашался с этим замечанием. Вместе с тем между природными условиями страны и характером и положением народа он вводил промежуточный элемент, который позволял более конкретно объяснить связь между географией и положением русского общества. Таким элементом было пьянство русских. Рейтенфельс так подчеркивал эту связь: «Что касается всего более возвышенного, то они в этом и поныне оказываются тупыми и неспособными, и эта тупость поддерживается в них климатом и весьма грубым напитком – водкою, которой они постоянно напиваются» [9, с. 346]. Признаков отсутствия «более возвышенного», о чем говорил Рейтенфельс, было несколько. Это особенности политического строя, грубость нравов и отсутствие каких-либо прав перед носителем верховной власти.

Отдельные иностранные авторы могли не писать прямо о связи географического положения России и ее природных условий с ее особенностями, не относившимися к географии и к природе. Тем не менее они такой связи не отрицали. В своих же заявлениях о внутренней жиз-

ни страны и ее государственном строе они подчеркивали, что это иной мир по сравнению со странами Западной Европы. Прежде всего, это касалось царской власти и положения подданных. «Власть московского царя до того не стеснена никакими законами и до того самоуправна, что справедливо может считаться равною, если не превосходящей, царской власти древних ассирийцев и греков, современных турок, персов и татар» [9, с. 311], – писал Я. Рейтенфельс. Место, которое отводилось царю в государственной системе страны, было для Рейтенфельса тем, что делало ее принципиально непохожей на страны Европы. «Единственная цель, к которой единодушно стремится все русское государство, это – исключительно слава царя, выгода его и благосостояние, которое и достигается крайней суровостью и поддерживается строжайшими законами» [9, с. 312], – так он подытоживал свои наблюдения за отношением между царской властью и подданными, самой политикой государства. Ту же самую мысль подчеркивал А. Мейерберг, посланник в 1661–1663 гг. императора Священной Римской империи Леопольда I Габсбурга к царю Алексею Михайловичу. Он отмечал, что «Алексей без сомнения Государь, потому что повелевает всеми самовластно по древнему обычаю. Его воля – непреложный закон для всех подданных» [10, с. 121].

Несколько более пространно об этом говорил голландский парусный мастер Я. Стрейс, описавший события Разинского восстания. «Император, или царь, является неограниченным государем: он назначает и сменяет должностных лиц, никого не спрашивая и ни с кем не считаясь; по его указу чеканится монета, повышается или понижается ее ценность; он заключает мир, объявляет войну. Словом, он поступает так, как ему заблагорассудится» [11, с. 206], – писал он. Несколько иначе характеризовал царскую власть англичанин С. Коллинс, врач царя Алексея Михайловича. Он обращался к царю как «к великому императору, который не ограничен во власти», но «следует, однако же, мнениям совета и в государственных, и в частных делах» [12, с. 200]. Последнее замечание было результатом наблюдений придворной жизни.

Следствием такой системы власти было положение всех подданных царя, которое европейцы считали рабством. На эту тему высказывался Мейерберг. Говоря о царе, он отметил: «Как господин над рабами, он имеет надо всеми право живота и смерти по своему произволению» [10, с. 121]. Признаком несвободы было отсутствие закрепленных в законах прав собственности. Как отмечал Коллинс, царь «в некотором отношении властелин собственности каждого из своих подданных, и сын всегда должен просить о получении отеческого наследия» [12, с. 205]. Еще более определенно на этот счет высказывался Рейтенфельс. Он указывал, что «все его (царя) подданные открыто признают, что все они целиком и все их имущество принадлежит богу и царю». Этим определяется их поведение. Русские поэтому «прячут все, что у них есть дорогого и ценного, в сундуки или подземелья, дабы другие, увидев, не позавидовали бы, правитель не заподозрил бы, и дабы не привлечь на себя чьей-либо жадности или иную какую опасность». Но из такого стремления спрятать свои богатства вытекала причина того, что, как замечал Рейтенфельс, «Москва так до сих пор отвратительно дика и не отличается красотою своих зданий» [9, с. 312], а без права собственности, по его мнению, не может быть таких основ, которые способствовали подъему западноевропейских стран.

Не менее четко и выразительно он указывал на прямую связь между природой страны и всеобщим рабством населения – с одной стороны, и характером народа – с другой. По его словам, «можно приписывать душевные наклонности (русских) влиянию климата родины и постоянному рабскому состоянию». Результат такого влияния в том, что русские «являются грубыми и трусливыми», а «жестокость они почти не относят к числу пороков, но считают ее вполне дозволенною и необходимою». Они «сильно подчиняются … чувству страха, которое постоянно присуще им вследствие сурового закона о повиновении». Но при этом «они наружно показывают некоторую надменность, дабы скрыть внутренние душевные треволнения» [9, с. 345]. Он также выделял хитрость русских. У них «в большом ходу рабская уловка, и они умеют быстро, как никто другой, облекаться в лисью шкуру, когда львиная кожа оказывается не достигающей цели, придумывать обманы, обойти ласками, в торжественную присягу поместить нечто свое, лживое, и скрывать многое, то под личиною ненависти, то под личиною любви».

Интересное дополнение к этому давал Я. Стрейс. Он писал, что московиты «исключительные обманщики и предатели, жены часто доносят на своих мужей его величеству, если те держат их в большой строгости и подчинении,

обвиняя их в плутовстве, чтобы развестись с ними, вследствие чего мужья печальным образом попадают в ссылку в Сибирь» [11, с. 192].

Таким образом, в сочинениях европейских авторов о России складывалась очевидная логическая связь. Особенности природы страны, прежде всего ее холодный климат, предопределяли характер народа и такую существенную его черту, как пьянство, которую эти авторы оценивали негативно. В свою очередь эта черта предопределяла необходимость жесткой власти, сосредоточенной в руках царя, которая сравнивалась европейцами с властью владык древности или современных им восточных стран – Османской империи и Персии. Следствием этого стало такое положение населения, которое они оценивали как рабское, причем рабство поголовное. А уже это обстоятельство имело другие негативные последствия. С одной стороны, это те из них, которые можно свести к психологии личности и развитию в ней некоторых отрицательных черт. С другой – последствия, которые относятся к экономической стороне, когда при системе всеобщей несвободы фактически отсутствует право собственности, что сказывается на облике Москвы, замеченном Рейтенфельсом, и на общем отставании страны. Но прямую связь между всеобщей несвободой и отсталостью не усматривал и Петр I, делавший все, как ему казалось, необходимое для преодоления этой отсталости. И не заметно, что иностранные авторы видели в жизни России XVII в. какие-то общие черты с теми, которые составляли основы внутренней жизни в западноевропейских странах.

Литература

1. *Савельева И.М., Полетаев А.В*. История исторического знания. СПб. : Алетейя. Историческая книга, 2007. 523 с.

2. *Яцунский В.К.* Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 352 с.

3. *Ключевский В.О*. Сказание иностранцев о Московском государстве. М. : Прометей МГПИ им. В.И. Ленина, 1991. 334 с.

4. *Флетчер Д.* О государстве Русском. М. : Захаров, 2002. 169 с.

5. *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 498 с.

6. *Олеарий А*. Описание путешествия в Московию. Смоленск : Русич, 2003. 480 с.

7. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII – первая четверть XVIII века. М. : Наука, 1976. 455 с.

8. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Л. : Наука, 1975. 191 с.

9. *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. // Утверждение династии. Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс, Яков Рейтенфельс. М. : Фонд Сергея Дубова, Рита-Принт, 1997. С. 231–406.

10. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии. Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс, Яков Рейтенфельс. М. : Фонд Сергея Дубова, Рита-Принт, 1997. С. 43–184.

11. *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. Рязань : Александрия, 2006. 496 с.

12. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса // Утверждение династии. Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс, Яков Рейтенфельс. М. : Фонд Сергея Дубова, Рита-Принт, 1997. С. 185–230.

References

1. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Istoriya istoricheskogo znaniya* [History of Historical Knowledge]. Saint Petersburg: Aleteiya. Istoricheskaya kniga, 2007, 523 p.

2. Yatsunskii V.K. *Istoricheskaya geografiya. Istoriya ee vozniknoveniya i razvitiya v XIV–XVIII vekakh* [Historical Geography. The History of its Emergence and Development in the 14-18th Centuries]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955, 352 p.

3. Klyuchevskii V.O. *Skazanie inostrantsev o Moskovskom gosudarstve* [Legend of Foreigners about the Moscow State]. Moscow: Prometei MGPI im. V.I. Lenina, 1991, 334 p.

4. Fletcher D. *O gosudarstve Russkom* [About Russian State]. Moscow: Zakharov, 2002, 169 p.

5. Zimin A.A. *I.S. Peresvetov i ego sovremenniki. Ocherki po istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny XVI veka* [Peresvetov and His Contemporaries. Essays on the History of Russian Social and Political Thought in the middle of the 16th Century]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1958, 498 p.

6. Olearii A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Description of the Trip to Moscovia]. Smolensk: Rusich, 2003, 480 p.

7. Alpatov M.A. *Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa. XVII – pervaya chetvert' XVIII veka* [Russian Historical Thought and Western Europe. 17th - First Quarter of the 18th Century]. Moscow: Nauka, 1976, 455 p.

8. *Inostrannye izvestiya o vosstanii Stepana Razina. Materialy i issledovaniya* [Foreign Reports about the Uprising of Stepan Razin. Materials and Research]. Leningrad: Nauka, 1975, 191 p.

9. Reitenfel's Ya. [Legend to His Highness the Duke of Tuscan Kozma Third of Moscovia. Padua, 1680]. *Utverzhdenie dinastii. Andrei Rode, Avgustin Meierberg, Samuel' Kollins, Yakov Reitenfel's* [The Approval of the Dynasty. Andrey Rode, Augustin Meyerberg, Samuel Collins, Jacob Reitenfels]. Moscow: Fond Sergeya Dubova, Rita-Print, 1997, pp. 231-406.

10. [Travel to Moscovia of Baron Augustine Meyerberg]. *Utverzhdenie dinastii. Andrei Rode, Avgustin Meierberg, Samuel' Kollins, Yakov Reitenfel's* [The Approval of the Dynasty. Andrey Rode, Augustin Meyerberg, Samuel Collins, Jacob Reitenfels]. Moscow: Fond Sergeya Dubova, Rita-Print, 1997, pp. 43-184.

11. Streis Ya.Ya. *Tri puteshestviya* [Three Travels]. Ryazan: Aleksandriya, 2006, 496 p.

12. [The Current State of Russia, Set out in a Letter to a Friend Living in London. The Composition of Samuel Collins]. *Utverzhdenie dinastii. Andrei Rode, Avgustin Meierberg, Samuel' Kollins, Yakov Reitenfel's* [The Approval of the Dynasty. Andrey Rode, Augustin Meyerberg, Samuel Collins, Jacob Reitenfels]. Moscow: Fond Sergeya Dubova, Rita-Print, 1997, pp. 185-230.

Поступила в редакцию / Received ***5 апреля 2018 г. / April 5, 2018***

УДК 94 (415) DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-76-81

СЕМАНТИКА ИРЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

© 2018 г. А.В. Мирошников [а], И.Б. Шишкина [а]
[а] Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

SEMANTICS OF IRISH NATIONALISM

A.V. Miroshnikov [а], I.B. Shishkina [а]
[а] Voronezh State University, Voronezh, Russia

Мирошников Александр Викторович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории зарубежных стран
и востоковедения, исторический факультет,
Воронежский государственный университет,
Московский пр., 88, г. Воронеж, 394068, Россия.
E-mail: av_miroshnikov@mail.ru

Alexander V. Miroshnikov -
Doctor of History, Professor,
Head of Department of the Foreign Countries History
and Oriental Studies, History Faculty,
Voronezh State University,
Moskovskii Ave, 88, Voronezh, 394068, Russia.
E-mail: av_miroshnikov@mail.ru

Шишкина Ирина Борисовна –
преподаватель, кафедра истории зарубежных стран
и востоковедения, исторический факультет,
Воронежский государственный университет,
Московский пр., 88, г. Воронеж, 394068, Россия.
E-mail: shi-alte@mail.ru

Irina B. Shishkina -
Lecturer, Department of the Foreign Countries History
and Oriental Studies, History Faculty,
Voronezh State University,
Moskovskii Ave, 88, Voronezh, 394068, Russia.
E-mail: shi-alte@mail.ru

Анализируется семантическое содержание ирландского национализма, представленного в риторике и программных установках видных лидеров национального движения Роберта Эммета и Джона Редмонда. Немногим более столетия разделяют события национального движения, во главе которых стояли оба руководителя. Трансформация условий социально-экономического и политического характера и произошедшее за это время формирование стойкого политизированного массового общественного мнения и движения внесли коррективы в семантику национализма.

Рассматриваются вопросы адекватности тех устремлений и задач, которые выдвигались Эмметом и Редмондом, реальной ситуации в Ирландии. Анализ документов позволяет констатировать процесс адаптации терминологии целей национализма к конкретной исторической ситуации, что отличало период лидерства Редмонда от романтической эпохи рубежа XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: *семантика, национализм, Ирландия, Р. Эммет, аристократия, Волонтёры, революция, Дж. Редмонд, гомруль, Шинн Фейн.*

The article is devoted to the semantic content of Irish nationalism, presented in the rhetoric and program settings of the prominent leaders of the National movement Robert Emmett and John Redmond. A little more, than a century, divide the events of the National movement headed by both leaders from each other. The socio-economic and political conditions that occurred during this period, the formation of a stable politicized mass public opinion and movement, made adjustments to the semantics of nationalism.

The article examines the questions adequacy of the aspirations and aims that Emmett and Redmond put forward to real situation in Ireland. The analysis of documents allows us to state a process of adaptation of the goals of Nationalism terminology to the specific historical situation, that distinguish the period of Redmond's leadership from the romantic era of the turn of the 18-19th centuries.

Keywords: *semantics, nationalism, Ireland, R. Emmet, aristocracy, volunteers, revolution, J. Redmond, Home Rule, Sinn Fein.*

В современной исторической науке под семантикой следует понимать не её лингвистическую составляющую, а отношение между языковыми выражениями (терминологией), смысловым рядом и действительностью, реальной или воображаемой самими носителями тех или иных выражений. Иными словами, актуален вопрос, насколько терминология корреспонди-

рует изначальному смыслу и насколько достижима возможность воплощения указанных задач. Для выявления семантики ирландского национализма обратимся к риторике его лидеров на разных этапах движения.

Последний протуберанец раннего революционного направления рубежа дал о себе знать во время восстания Роберта Эммета в 1803 г.

Провал восстания «Объединённых ирландцев» в 1798 г., затем Уния 1800 г., уничтожившая самостоятельный Ирландский парламент, Дойл, фактически ликвидировали потенциал революции. Однако Р. Эммет и небольшая группа его последователей, ярых приверженцев «физической силы» всё же предприняли попытку восстания, во многом надеясь на помощь Франции.

Восстание потерпело крах. Кроме сугубо тактических ошибок республиканцев налицо явное несовпадение их задач и планов по освобождению Ирландии от метрополии с объективными условиями той поры.

В «Прокламации» Эммета перед восстанием приоритет идеального прочтения задач превалирует над анализом ситуации. Начинается документ пафосно: «Временное правительство к народу Ирландии» [1, с. 279].

Главнейшей целью восставших, пишет Эммет, является воссоздание независимой страны (*independent* country), а завоевание «вашей независимости» (your *independence*) находится в ваших собственных руках [1, с. 279].

Объёмный документ был не только обращением к сердцам ирландцев, но и весьма детальной программой проведения вооружённой борьбы. Эммет писал «мужчинам Ленстера» [1, с. 280], «мужчинам Манстера и Коннота» [1, с. 281] об их задачах. В конечном итоге «Прокламация» завершалась декларированием тех преобразований, ради которых и готовится восстание. [1, с. 283–286].

Суммарно это была программа установления светской, независимой республики, порывающей все связи с Англией, с предложениями нового государственного устройства всех уровней власти.

Выступая на суде, в своём последнем слове дворянин Эммет, человек входивший в элиту европейской аристократии, как и многие из его сословия на континенте, являясь апологетом идей Великой Французской революции, чётко транслировал свои республиканские и революционные воззрения [2, с. 286–290], а выражение *Independence* в своём исконном смысле соответствовало слову «независимость». В этой связке термин абсолютно отвечал задачам достижения полной свободы. Но, как и многие проторомантики той поры, Эммет преимущественно анализировал и представлял не реальный мир, а иллюзорный. Отголоски просветительской доктрины всесильного человеческого разума невольно создавали такой разрыв между благородной целью и условиями, в которых она должна была воплотиться.

Воображаемый Эмметом мир выглядел так. Он полагал, был уверен, что абсолютное большинство нации пропитано стремлением к независимости. Причём, по его убеждению, это означало бы полный разрыв с Великобританией.

Так ли было в действительности? Напомним, что с 1801 г. Ирландия стала неотъемлемой частью Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. Уния, однако, принесла части общества известные преференции.

Так североирландская буржуазия глубже инкорпорировалась в единый финансово-промышленный монолит британской экономики. Индустриальная революция бушевала в метрополии, и североирландские буржуа являли собой сегмент этого процесса.

Краткий, но эффективный период существования Дойла привёл к расцвету ирландской экономики, сделал Дублин вторым по численности населения городом на островах, таким образом стимулировав развитие среднего класса. Этот класс потерял не столь много от Унии, ибо был католическим по своей религии, а Дойл, как и Вестминстер, являлись протестантскими институтами. Для католиков что лондонская власть, что дублинская были одинаково недостижимыми. И католиков больше интересовало получение пассивного избирательного права. Ради такой цели проводят революции?

Эммет, как практически и все националисты Ирландии, являлся типичным горожанином и понимал сельское население так, как мог понимать аристократ и городской житель. Комплекс вины, которым страдали дворяне всей Европы под влиянием лозунга «Свобода, Равенство, Братство», наставлял аристократию на праведный путь искупления грехов их сословия перед нацией. Путь, который понимался ими с их точки зрения, что очевидно.

Разве угнетённое крестьянство не желает независимости Ирландии, полагал Эммет и его сподвижники? Желает, были они уверены!

Но крестьянская масса не была мономолекулярной. Сорокашиллинговые фригольдеры не только отличались лучшим экономическим положением, но и владели активным избирательным правом и влияли на выборы в Вестминстер. Такое положение в целом эту прослойку пейзанов устраивало.

Большую же часть крестьян-арендаторов волновали вопросы жизнеобеспечения, принятия новых земельных законов, проявлялось инстинктивное стремление к получению парцеллы. Деревня, безусловно, не являлась оплотом национализма. Но и в городе истинных приверженцев независимости было ограниченное число.

Полагаем, что иллюзорный мир Эммета был создан под впечатлениями о парижских событиях революционного времени, автоматически перенесённом на родину. Эммет напрасно рассчитывал и на помощь французского Консульства, несмотря на дружеские отношения с Наполеоном Бонапартом.

Таким образом, семантика раннего революционного ирландского национализма демонстрирует разрыв между конкретикой реальности и мифологем лидеров.

За прошедшее столетие, видевшее как примеры неудачных восстаний, так и кардинальные реформы, итоги которых тоже не корреспондировали с заявленными целями, семантически так же оформленными идеалистически, тем не менее разрыв между планами националистов и реальностью стал сокращаться. Иллюзорный мир лидеров национализма уходил в прошлое. Но не менее важную роль играла политизация масс, их уровень образованности, новые социальные условия. Среди наиболее ярких примеров такого осознания действительности, а соответственно и постановки реальных задач движения следует назвать Джона Редмонда. Его борьба за гомруль отличалась от прежних фантастических прожектов гомрулёров. В то же время «физическая сила» и её крайняя степень в виде терроризма ослабевает. Да, моральный авторитет Ирландского Республиканского Братства оставался высоким, и Братство не могло быть неучтённым в выработке концепций национализма, тем более, что и оно мигрировало от терроризма [3, p. 432, 475].

Новым показателем не только расширения границ национализма, но и индикатором включения в его орбиту практически всех социальных слоёв стало создание культурного направления в национальном движении, выраженного в Гэльской лиге и Гэльской атлетической ассоциации. Всплеск интереса к родному языку, культуре, литературе, национальным видам спорта был массовым [4]. Несмотря на то, что эти организации стояли вне политики, они внесли большой вклад в формирование самосознания ирландской нации. Они в некоторой степени придавали политическим течениям Ирландии легитимность, теперь движение за независимость (какую бы форму оно не принимало) выглядело не как простой сепаратизм части империи, а как стремление отдельной нации к самореализации.

В таких условиях проходило развитие идеологии Дж. Редмонда. Начиная в качестве сторонника Ч.Ст. Парнелла, Редмонд после его кончины возглавил Ирландскую парламентскую партию (ИПП). Новая партия начала последовательную агитацию за Гомруль. Это была свежая идея для истощённого безуспешными попытками восстаний и бунтов ирландского национализма – добиться самоуправления Ирландии, статуса доминиона легальным путём. Безопасный и кристально этичный способ, к которому, что не маловажно, население было готово: на заре XX в. под влиянием разнообразных обществ сложилось национальное самоощущение и представление о политике и политическом участии, доступном для широких слоев. В этой ситуации ИПП быстро набирает популярность и показывает стабильные результаты на выборах – при общем количестве депутатов от Ирландии 103–105 человек, в период с 1885 до 1918 г. количество депутатов от ИПП колеблется в пределах 69–85 человек [5, p. 573–591].

Примечательна риторика Дж. Редмонда: «Вот то, чего хочет Ирландия: контроля законодательных и исполнительных органов власти в том, что касается сугубо ирландских вопросов…», – провозглашает он. При этом он выступает за сохранение приоритета Британского парламента в решении общеимперских дел и ирландского представительства в нем для возможности выразить свое отношение по наиболее важным моментам. Так же он четко очерчивает ряд вопросов, которые должны решаться ирландским парламентом. Это проблемы земельного законодательства, местного налогообложения, рабочий вопрос, регуляция транспортной системы, обеспечение правопорядка, организация системы образования, вопросы производства. Как видим, это вполне конкретная и

корректная постановка целей, безусловно националистических, вновь направленных на достижение независимости, но здесь *независимость* понимается в большей степени как *автономия* без полного разрыва с метрополией.

Меняется и методология. Дж. Редмонд настаивает на необходимости использования сугубо политических методов для борьбы за независимость страны, отмечая, что только таким образом Ирландия сможет продемонстрировать свою национальную зрелость и готовность к автономии, что станет необходимым условием успеха гомруля [6, p. 128–129]. Здесь Дж. Редмонд становится голосом ИПП и формулирует ключевые идеи, которые на десятилетия закрепятся в сознании ирландцев и станут политической позицией широких слоёв населения Ирландии [7].

Однако, безусловно, Редмонд принадлежал к умеренному крылу националистов, а политический ландшафт Ирландии был намного разнообразнее. Так, с 1905 г. появляется новый игрок на политическом поле – Шинн Фейн. Это течение, еще не оформившееся в полноценную политическую партию, было в корне не согласно с риторикой Редмонда. Оно провозглашало нелегитимность органов власти Великобритании на территории Ирландии, отрицало необходимость представительства Ирландии в парламенте, говорило о создании новой, национальной вертикали власти, дублирующей органы королевской власти, ратовало за жесткий протекционизм в экономической сфере и подчеркивало необходимость сплочения нации, что должно стать главным фактором борьбы за независимость [8, p. 71–87]. Интересно, что это движение в первые годы быстро набирает популярность (так, в 1908 г. число местных отделений достигло 100), и несколько снижает позиции ИПП, в основном за счёт переноса акцента на экономическую политику и обращения к наиболее нетерпеливым приверженцам национализма. Тем не менее оно вскоре теряет популярность и перестаёт играть активную роль вплоть до Пасхального восстания, в котором будет обвинено, что обеспечит вторую жизнь движению [9].

Но, когда введение самоуправления видится уже неизбежным, Редмонд сталкивается с новым вызовом – образуется Ольстерская юнионистская партия, выступающая против идеи гомруля и в особенности против его распространения на северную часть острова. Тем не менее его риторика не претерпевает существенных изменений, Редмонд по-прежнему акцентирует своё внимание и внимание населения на проблеме принятия закона о предоставлении статуса доминиона. Проблему урегулирования отношений католического юга и протестантского севера он считает второстепенной, что, безусловно, являлось недооценкой серьёзности ситуации.

Конституционный кризис 1910 г. дал возможность ИПП воплотить главный пункт своей программы в жизнь. Дж. Редмонд продолжил продвигать идею гомруля, настаивая на том, что именно она отвечает интересам ирландского народа. Однако в 1913 г. проблема Ольстера резко обострилась – сформировались отряды Ольстерских волонтёров, провозгласивших своей целью предотвращение распространения гомруля на северную часть Ирландии [10]. Отсутствие реакции Великобритании, в том числе на вооружение Волонтёров, всколыхнуло общественное мнение Ирландии, и тогда Дж. Редмонд обращает внимание на эту проблему и пересматривает своё отношение к идее разделения страны, предлагая в свою очередь выведение Ольстера из-под действия ирландского самоуправления на 6 лет. Однако впоследствии он не раз заявлял, что конечной целью всех его стремлений является самоуправление для всей Ирландии без исключений. Но он подчеркивал, что нельзя допустить насильственного решения данного вопроса, и сохранение гражданского мира в стране является принципиальным условием [11, p. 46].

Ситуация в стране стремительно накалялась. Вскоре зазвучали призывы к симметричному ответу, и в ноябре 1913 г. на базе трёх организаций – Шинн Фейн, Гэльской лиги и Ирландского республиканского братства – образовался корпус Ирландских волонтёров, численность которого стремительно достигла почти 200 тысяч человек [3, p. 469]. Гомруль готовился к принятию, и Дж. Редмонд, заметив вооружение волонтёров и обратив внимание на рост милитаристских настроений в обществе, сделал попытку контролировать ситуацию, и ввел во Временный Комитет, орган управления Ирландских волонтеров, своих представителей [12, p. 20–23].

Первая мировая война осложнила ситуацию ещё сильнее, но Редмонд, оценив риски, внёс предложение возложить на Ирландских волонтеров обязанности по защите Ирландии в составе вооруженных сил Великобритании [13, col. 1828–1829]. Это было весьма прагматично с его сторо-

ны, переориентация военных формирований с борьбы с «внутренним врагом» на внешнего, да еще и в составе действующей армии могла разрядить обстановку в стране и стать страховкой для ИПП от несанкционированных действий, которые могли бы поставить под удар достигнутый прогресс. Однако Великобритания на такой шаг пойти не могла и не пошла. Тогда Редмонд переформулировал свою идею и стал активно призывать Ирландских волонтёров вступать в ряды британской армии, проявив тем самым зрелую гражданскую позицию и выразив уважение и благодарность по отношению к Великобритании. По его задумке это должно было также убедить ольстерцев, противников гомруля, в том, что его вступление в силу не станет катастрофой и что между жителями разных районов Ирландии нет и не может быть непреодолимой преграды, что взаимно комфортное единство страны вполне возможно [14, p. 176–177]. Безусловно, здесь в риторике Редмонда всё ещё виден флёр иллюзий в отношении истинной остроты конфликта и глубины противоречий Юга и Севера.

Помимо прочего, Редмонд рассчитывал на быстрое завершение войны. Она же затянулась, и ситуация начала меняться – еще вчера восторженно встречавшее победу в вопросе самоуправления ирландское общество теперь было обложено дополнительными налогами, недовольно затягиванием вступления гомруля в силу, наблюдало с ожесточением за агрессивной риторикой Ольстера, с возмущением – дискриминацией по отношению к военнослужащим ирландцам. Пасхальное восстание явилось взрывом недовольства, не поддержанным и пока ещё не разделяемым большей частью общества. Для Редмонда же, добившегося принятия гомруля, данное выступление стало громом среди ясного неба. Его политика мирного урегулирования конфликта с юнионистами теперь не могла увенчаться успехом – последние были уверены в вероломстве националистов, не гнушающихся сговором с врагом в лице Германии. Официальные комментарии он дал лишь 27 апреля, осудив восстание и обозначив реакцию отношения ирландцев к происходящему как отвращение и ужас. Не сразу он отреагировал и на казни восставших, в итоге осудив такое решение 6 мая [12, p. 37]. Редмонд попал в сложную ситуацию, видя и реальное массовое недовольство, и оставаясь верным приверженцем исключительно политических методов борьбы.

Оказавшись в сложном положении между ирландскими националистами, которые помешали его политике, и Лондоном, с которым также необходимо было поддерживать контакт и продолжать сотрудничество по вопросу реального вступления в силу гомруля, он попытался отреагировать с точно рассчитанным умеренным осуждением. Но страна уже была взбудоражена Пасхальным восстанием, а казни лидеров предопределили дальнейший взрыв радикализма, обесценивавшего в своей риторике достижения Редмонда. Впоследствии именно герои Пасхального восстания и войны за независимость останутся в памяти ирландского народа как люди, добившиеся независимости, личность же Редмонда несколько уйдёт на второй план, хотя основой для послевоенного мирного урегулирования по-прежнему станет именно гомруль, за который он последовательно боролся в течение трёх десятков лет. Редмонд же сосредоточится на обсуждении технических деталей и поправок к законопроекту, прагматично заканчивая дело всей своей жизни и в меньшей степени обращая внимание на происходящие в Ирландии процессы.

Семантика ирландского национализма прошла долгий путь адаптации программ и устремлений лидеров движения к реальным оценкам конкретной ситуации. Между тем достичь полного тождества в этом вряд ли возможно. События Пасхального восстания 1916 г., Гражданской войны 1922–1923 гг. показывают, что у значительной части националистического направления по-прежнему господствовали идеи достижения полной независимости страны, несомненно утопические, несмотря на всё благородство цели. Тем не менее романтизм Р. Эммета, являвшийся яркой иллюстрацией национализма начала XIX в., сменится более реалистичным, прагматичным и политически взвешенным подходом, представителем которого станет Дж. Редмонд, также без сомнения являвшийся ярким лидером национализма начала XX в.

Литература

1. Прокламация Роберта Эммета перед восстанием 1803 г. Robert Emmet's Proclamation, 1803 // Мирошников А.В. Три века Ирландии : в 3 кн. Книга 1 : 1603–1845. Воронеж : Истоки, 2008. 315 с.

2. Речь Роберта Эммета перед судом. Robert Emmet's Speech from the Dock // Мирошников А.В. Три века Ирландии : в 3 кн. Книга 1 : 1603–1845. Воронеж : Истоки, 2008. С. 286–290.

3. *Foster R. F.* Modern Ireland 1600–1972. London, 1989. 688 p.

4. *O'Riordan T.* Cultural Nationalism. URL: http://multitext.ucc.ie/d/Ireland_religion__culture_1870-1914#9CulturalNationalism (дата обращения: 22.01.2018).

5. *Craig F.W.S.* British parliamentary election results 1885–1918. London, 1974. 696 p.

6. The Irish demand as seen by John Redmond / Irish political documents 1869–1916. Dublin, 1989.

7. *Finnan J. P.* John Redmond and Irish Unity: 1912–1918. N.Y., 2004. 307 p.

8. *Henry R. M.* The evolution of Sinn Fein. Dublin, 1920. 318 p.

9. *O'Riordan T.* The First Sinn Fein Party. URL: http://multitext.ucc.ie/d/Ireland_politics__administration_1870-1914#12TheFirstSinnFeacuteinParty (дата обращения: 22.01.2018).

10. *O'Riordan T.* Militant Unionism. URL: http://multitext.ucc.ie/d/Ireland_politics__administration_1870-1914 (дата обращения: 22.01.2018).

11. *O'Connor Lysaght D.R.* The rhetoric of Redmondism 1914–1916 / History Ireland. Spring, 2003. P. 44–49.

12. *Lee J. J.* Ireland 1912–1985. Politics and society. Cambridge, 1989. 754 p.

13. Hansard's Parliamentary Debates. 1842. Vol. 65. 754 p.

14. Redmond's speech at Woodenbridge, Co. Wicklow / Irish political documents 1869–1916. Dublin, 1989.

References

1. [Robert Emmet's Proclamation, 1803]. Miroshnikov A.V. *Tri veka Irlandii* [Three Ages of Ireland]: In 3 books. Book 1. 1603-1845. Voronezh: Istoki, 2008, 315 p.

2. [Robert Emmet's Speech from the Dock]. Miroshnikov A.V. *Tri veka Irlandii* [Three Ages of Ireland]: In 3 books. Book 1. 1603-1845. Voronezh: Istoki, 2008, pp. 286-290.

3. Foster R.F. *Modern Ireland 1600-1972*. London, 1989, 688 p.

4. O'Riordan T. *Cultural Nationalism*. Available at: http://multitext.ucc.ie/d/Ireland_religion__culture_1870-1914#9CulturalNationalism (accessed 22.01.2018).

5. Craig F.W.S. *British parliamentary election results 1885-1918*. London, 1974, 696 p.

6. The Irish demand as seen by John Redmond. *Irish political documents 1869-1916*. Dublin, 1989.

7. Finnan J. P. *John Redmond and Irish Unity: 1912-1918.* New York, 2004, 307 p.

8. Henry R. M. *The evolution of Sinn Fein*. Dublin, 1920, 318 p.

9. O'Riordan T. *The First Sinn Fein Party*. Available at: http://multitext.ucc.ie/d/Ireland_politics__ administration_1870-1914#12TheFirstSinnFeacuteinParty (accessed 22.01.2018).

10. O'Riordan T. *Militant Unionism*. Available at: http://multitext.ucc.ie/d/Ireland_politics__administration_1870-1914 (accessed 22.01.2018).

11. O'Connor Lysaght D.R. The rhetoric of Redmondism 1914-16. *History Ireland*. Spring, 2003, pp. 44-49.

12. Lee J. J. *Ireland 1912-1985. Politics and society*. Cambridge, 1989, 754 p.

13. *Hansard's Parliamentary Debates*. 1842, vol. 65, 754 p.

14. Redmond's speech at Woodenbridge, Co. Wicklow. *Irish political documents 1869-1916*. Dublin, 1989.

Поступила в редакцию / Received ***13 февраля 2018 г. / February 13, 2018***

УДК 94 (470.3) DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-82-87

Н.М. КАРАМЗИН О ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ[1]

© 2018 г. А.И. Нарежный [a, b]
[a] *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,*
[b] *Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия*

N.M. KARAMZIN ON THE POLISH QUESTION

A.I. Narezhny [a, b]
[a] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,*
[b] *Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

Нарежный Анатолий Иванович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории средних веков и нового времени,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия;
ведущий научный сотрудник,
лаборатория истории и этнографии,
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия
E-mail: ain@sfedu.ru

Anatoly I. Narezhny -
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia;
Leading Researcher,
Laboratory of History and Ethnography,
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Chekhova St., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: ain@sfedu.ru

Анализируются подходы к решению польского вопроса в Российской империи первым российским историографом Николаем Михайловичем Карамзиным. Обращение к данной проблеме связанно с отсутствием подробной разработки ее в отечественной историографии. С другой стороны, будучи откровенным апологетом самодержавия, Н.М. Карамзин обосновал принципиальные подходы по вопросам польских разделов и формирования политики России в отношении Царства Польского как составной части империи. Отмечается, что исходной методологической основой концепции Н.М. Карамзина выступает положение о том, что расширение территориальных рамок России стало следствием завоевательной политики ее правителей. Подобный подход к определению места Польши в составе Российской империи будет присутствовать во всех работах историка, затрагивающих данную проблему (Историческое похвальное слово Екатерине II, О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении, Мнение русского гражданина, История государства Российского). Более того, приводимые Н.М. Карамзиным доводы станут в дальнейшем основой для многочисленных работ представителей русской общественной мысли, в которых будет содержаться обоснование курса российской власти по вовлечению национальных окраин, не только Царства Польского, в общеимперское пространство.

Ключевые слова: *польский вопрос, Н.М. Карамзин, Российская империя, Екатерина II, концепция, Александр I, Польша, присоединение, государство.*

The article analyzes Nikolai Mikhailovich Karamzin's approaches to solving the Polish problem in the Russian Empire. The appeal to this problem is connected with the lack of detailed elaboration of this issue in the Russian historiography. On the other side, N.M. Karamzin substantiated the principal approaches to the issues of the Polish sections and the formation of Russia's policy towards the Kingdom of Poland as an integral part of the empire. The author of the article notes that the initial methodological basis of the concept of N.M. Karamzin argues that the expansion of the territorial framework of Russia was the result of the aggressive policy of its rulers. Such an approach to the definition of the place of Poland in the Russian Empire will be presented in all the works of the historian touching upon this problem. (Historical laudatory statement to Catherine II, On ancient and new Russia in its political and civil attitude, Opinion of a Russian citizen, History of the Russian State). Moreover, N.M. Karamzin's arguments would

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

later become the basis for numerous works of representatives of Russian social thought, which would contain the rationale for the course of the Russian authorities to involve the national suburbs, not only the Kingdom of Poland, in the imperial space.

Keywords: *Polish question, N.M. Karamzin, Russian Empire, Catherine II, conception, Alexander I, Poland, accession, state.*

Одним из наиболее актуальных и болезненных вопросов для русского общества после завершения Отечественной войны 1812 г. стала польская проблема. Политика Александра I, трактуемая некоторыми историками как стремление «загладить обиды» полякам [1, с. 92], вызывала непонимание и неудовольствие у представителей разных общественных групп и течений, начиная с будущих декабристов и заканчивая откровенными апологетами самодержавия, в ряду которых выделялся первый российский историограф Николай Михайлович Карамзин.

Взгляды и оценки Н.М. Карамзина по различным аспектам российской истории получили достаточно широкое освещение в историографии. Без их упоминания не обходится ни одна работа по истории русской общественной мысли первой половины XIX в. В перечне широкого круга вопросов, занимавших официального российского историографа, значатся и проблемы Польши, начиная с истории русско-польских отношений периода Киевской Руси и заканчивая проблемами культурного взаимодействия народов к началу XIX в. Основываясь на положениях «Истории государства Российского», других научных и публицистических работах Н.М. Карамзина современными учеными предпринимаются попытки представить его взгляды по польскому вопросу в виде целостной концепции, оказавшей в дальнейшем влияние на позицию власти и представителей общественного мнения [2–6].

Вместе с тем достижение заявленной цели пока не осуществлено. Исследователи отмечают в частности, что ранняя история русско-польских отношений излагается Н.М. Карамзиным зачастую бесстрастно, автор нередко уклоняется от определенных оценок событий, связанных с территориальными приобретениями и потерями государств, а также фактов политического и военного вмешательства сторон в решение важнейших вопросов государственной жизни [4]. Нуждаются в дальнейшем осмыслении взгляды Н.М. Карамзина в начале XIX в., когда им были обоснованы принципиальные подходы по вопросам польских разделов и формирования политики России в отношении Царства Польского как составной части империи.

Исходной методологической основой концепции Н.М. Карамзина выступает положение о том, что расширение территориальных рамок России стало следствием завоевательной политики ее правителей. Эту точку зрения он представил уже в первом томе «Истории государства Российского», указав, что «завоевания Олеговы, Святославовы, Владимировы распространили ее владения от Новгорода и Киева к Западу до моря Бальтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к Югу до порогов Днепровских и Киммерийского Боспора; к Северу и Востоку граничила она с Финляндией и с Чудскими народами». В результате, фиксирует он, «в самый первый век бытия своего Россия превосходила обширностию едва ли не все тогдашние Государства Европейские» [7, с. 163].

Дальнейшее осмысление этого явления российской истории совершается автором в работе «Историческое похвальное слово Екатерине II», написанной в 1802 г. Своеобразный характер документа не помешал историку тем не менее сформулировать несколько содержательных замечаний. Признавая тот факт, что «Екатерина Завоевательница стоит на ряду с первыми Героями вселенной» [8, с. 173], ученый вновь обращается к вопросу о роли завоеваний в истории, теперь уже в общетеоретическом и гуманитарно-нравственном смыслах. Н.М. Карамзин при этом учитывает сложившуюся к началу XIX в. практику критических оценок данного направления тогдашней мировой политики, тот факт, что против «славолюбия завоевателей» выступают «Поэзия, Красноречие и мнимая Философия», которые «часто укоряют» их бесчисленными жертвами «сей грозной страсти» [8, с. 162].

Себя самого Карамзин относит к тем, кто, как и подобает истинным философам, «различает, судит и не всегда осуждает». Объяснение подобной позиции содержится в его заявлении о необходимости учитывать реалии жизни, состоящие в том, что идея всемирного согласия и братства есть всего лишь «прелестная мечта» людей, но правило Государей, подчеркивает

историк, «не есть правило частных людей», а состоит в обеспечении внешней безопасности народов. При этом важнейшим гарантом безопасности народа он называет государственное могущество страны. «Слабый народ трепещет; сильный, под эгидой величия, свободно наслаждается политическим бытием». Эта истина, по мнению Карамзина, «рождает правила для Монархов» [8, с. 162].

При этом ученый противопоставляет «кровожадных Аттил, которые хотели побеждать единственно для славы побед», и Героев, «которые разили врагов отечества и победами запечатлели его благоденствие». Петр I и Екатерина II безусловно заслужили место в ряду Героев, поскольку они добивались приобретений не ради собственной славы, «но единственно для пользы России, для ее могущества и внешней безопасности, без которой всякое внутреннее благо ненадежно» [8, с. 162]. Перечисляя многочисленные войны и сражения русских царей, Н.М. Карамзин называет среди внешнеполитических соперников России и Польшу, с тем, однако, отличием, что захватное право по отношению к этой некогда мощной Республике он оправдывает и тем, что еще недавно «наглая и злобная Польша терзала наше отечество», а также «пользуясь его изнеможением, хищною рукою хватала в свое подданство целые Княжества Российские». Ученый вспоминает при этом и польские «цепи» древнего Владимира и времена, когда «Москва цветущая лежала у ног гордого вождя Сарматского» [8, с. 166].

Обретение Россией могущества способствовало тому, что «враги ее, в их чреду, упали на колена пред нею, и возвратили похищенное». Именно в данном контексте Карамзин рассматривает последующие отношения Российской империи с Польшей, подчеркивая, что в условиях, когда «слабый дух ветхой Республики не мог управлять ее пространством», Екатерина II «взяла в Польше только древнее наше достояние». По его оценке, это подтвердил первый раздел Польши, в результате которого «Полоцк и Могилев возвратились в недра своего отечества, подобно детям, которые долго быв в горестном отсутствии, с радостию возвращаются в недра счастливого родительского семейства» [8, с. 166].

Дальнейшие проблемы Польши Н.М. Карамзин усматривает в том, что «остатки сей Республики волновались и кипели злобой на Россию…собирали войско и не скрывали своих опасных для нашей Империи умыслов. Но благоразумные требовали заступления Монархини» [8, с. 170]. Новое вмешательство России историк объясняет внутренними беспорядками в Польше, в результате которых оказались под угрозой прежние договоренности сторон. После этого, полагает автор, Польша «могла бы еще успокоиться под эгидою Российскою», однако новый мятеж приводит к тому, что Польши, как государства, не стало, «но ее мятежные и несчастные жители, утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державою трех союзных Государств». Таким образом, падение Польши представляется Н.М. Карамзину закономерным финалом страны, которая «была всегда игралищем гордых вельмож, феатром их своевольства и народного унижения». Признает историк и тот факт, что в результате разделов Россия не только вернула свое, но и «богатейшие страны ее (Польши) достались на часть России» [8, с. 170]. Наконец, еще одним следствием уничтожения Республики Н.М. Карамзин называет возвращение независимости Курляндии, которая после этого «хотела славы принадлежать Екатерине» [8, с. 171].

Эта позиция историка остается неизменной и в последующие годы. В известной «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзин вновь сформулирует тезис о России как стране «основанной единовластием на завоеваниях» [9, с. 280]. Обращаясь к эпохе Екатерины II, Карамзин ограничится замечанием, что в Польше Екатерина II «взяла свое» в контексте утверждения, что «ее победы утвердили внешнюю безопасность Государства» [9, с. 299].

Более подробно историк исследует отношение русских царей к Польше в документе, известном как «Письмо русского гражданина к Александру I»[1]. Здесь представлена, как можно понять, оценка историком разговора с Александром I о будущем Польши, который состоялся в 1819 г. в условиях воссоздания польского государства на основании решений Венского конгресса. Царство Польское получило особый статус и особую форму правления в составе России, а его элита настаивала на возвращении территорий, утраченных в ходе разделов XVIII в. Мысли русского царя «восстановить Польшу в

[1] Под таким названием текст в рукописной копии обнаружен нами в РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 66. В литературе чаще используется другое название «Мнение русского гражданина». Для удобства цитирования будем использовать данное название.

ее целостности» [10, с. 363] глубоко обеспокоили Н.М. Карамзина.

По его мнению, такая постановка проблемы означала возможность и необходимость пересмотра территориальных разделов Польши, активным участником которых была и Россия. Но не только. Историк задается вопросом, согласятся ли последовать этому примеру Австрия и Пруссия, также участвовавшие в дележе польской территории? Далее он напоминает монарху, что часть земель, доставшихся России была ей возвращена и представляет собой «утвержденную собственность России еще до Вашего царствования» [10, с. 364]. Это замечание историка, выделявшего в составе земель, отошедших России, «возвращенную часть», позволяет предположить, что он понимал уязвимость позиции монархии в вопросе разделов Польши. Косвенным подтверждением этому служит тот факт, что Карамзин допускает возможность упреков в адрес императрицы в том, что она «беззаконно разделила Польшу», но, судя по всему, он считает, что эти действия принадлежат прошлому, которое по многим причинам восстановить невозможно.

В итоге, обращается историк к царю, «Вы поступили бы еще беззаконнее, если бы вздумали загладить ее несправедливость разделом самой России». Во-первых, поясняет он, «мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо есть составлены из завоеваний». Во-вторых, начало процесса возврата ранее завоеванных земель может сделать его необратимым, и способен поставить под сомнение территориальную целостность всего государства. В частности, предостерегает Н.М. Карамзин, в дальнейшем «у Вас потребуют и Киева, и Чернигова и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве». В-третьих, историк напоминает, что «до сих пор нашим Государственным правилом было: ни пяди ни врагу, ни другу» и нарушать его не следует [10, с. 364].

Наконец, весьма негативными представляются Карамзину и политические последствия возврата Польше территорий, полученных в результате ее разделов, поскольку, утверждает он, полагаясь на свое знание русских, «мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к Царю; остыли бы душою и к Отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола; ослабели бы не только уменьшением Государства, но и духом; унизились бы пред другими и пред собой» [10, с. 365]. Одним словом, заключает историк, «восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровью землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу» [10, с. 365].

Такова была позиция историка по важнейшей проблеме политики России в начале XIX в. Она была доведена до сведения Александра I, который, впрочем, ее вряд ли воспринял. Во всяком случае, так считал сам Н.М. Карамзин. Шесть лет спустя, 18 декабря 1825 г., Карамзин напишет дополнение к своему письму, в котором заметит, что его общение с Александром I в период с 1819 по 1825 г., проявленные при этом государем «милость и доверенность остались бесплодны для любезного отечества. Правда, Россия удержала свои польские области; но более счастливые обстоятельства, нежели мои слезные убеждения, спасли Александра от дела равно бедственного и несправедливого: по крайней мере так сказал Он мне в ноябре 1824 года» [11, с. 368].

Столь критичная оценка знаменитым историком степени своего влияния на формирование взглядов Александра I в отношении разделов Польши не привела к корректировке его собственной позиции. Добавим к этому, что она нашла своих сторонников и получила распространение как в дореволюционной отечественной, так и в советской историографии. Справедливости ради, отметим, что с ней конкурировала оценка, представленная не менее известным Б.Н. Чичериным, который написал в своих воспоминаниях о разделах Польши, что «Россия поступила с нею с возмутительной несправедливостью. Отнять у людей самое дорогое, что есть на свете, – отечество, всегда составляет преступление против высших нравственных требований, вытекающих из святыни человеческого духа и одинаково обязательных для отдельных лиц и народов». Ссылка на историю, «которая будто бы произнесла свой приговор», воспринималась ученым «не более, как пустозвонная фраза, которою прикрывается внутренняя неправда». Понятен отсюда итоговый вывод Чичерина о том, что «дележ был актом насилия, который тем менее может быть оправдан, что он был совершен не в пылу борьбы, а обдуманно и хладнокровно, пользуясь слабостью соседа» [1, с. 92, 93].

Другой составляющей польского вопроса была проблема статуса и методов управления приобретенными территориями. Здесь позиция

Н.М. Карамзина базировалась на безусловной поддержке политики Екатерины II. По его мнению, «Екатерина, подобно Божеству, согласила все словом Своим; отдаленные берега Ледовитого моря представляют тот же государственный порядок, которому на берегах величественной Волги или Невы удивляемся; народы столь различные правятся единым уставом; части, столь несходные, всеобщим “Учреждением” Монархини приведены в целое, и бесчисленные страны Российские составили разные семейства единого отечества! Сия мысль восхищает дух мой!» [8, с. 195].

Таким образом, идеальная модель управления страной представляется историку на основе единого законодательства. Применительно к территории бывшей Польши такой подход означал осуществление курса на интеграцию их в состав Российской империи. Отказавшись поддержать возможное расширение Польши путем включения в ее состав западных губерний, Н.М. Карамзин одновременно высказался и против существующего особого статуса Царства Польского в составе империи, заявляя, что «поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного державного народа, для нас опаснее Поляков-Россиян». Отметим, что эта позиция была представлена ученым в ситуации, когда решения Павла I фактически перечеркнули все сделанное Екатериной II в данном направлении. Скептически настроен Карамзин и в отношении возможности установления союзных отношений с будущей Польшей, полагая, что при любых уступках со стороны России, «никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России…», уже хотя бы потому, что «независимость есть главный закон гражданских обществ» [10, с. 365].

Итак, Н.М. Карамзин и после встречи с Александром I не отказался от критического восприятия его политики в отношении Польши. Его возражения, включающие и теоретические рассуждения о закономерностях формирования территориальных рамок европейских государств, и соображения геополитического характера, и доводы в пользу сохранения политической стабильности государства станут в дальнейшем основой многочисленных работ с обоснованием курса российской власти по вовлечению национальных окраин в общеимперское пространство.

Литература

1. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929. 279 с.

2. *Аржакова Л.М*. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. 343 с.

3. *Жуковская Т.Н.* Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг. // Памяти Ю.Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб. : Серебряный век, 2000. С. 612–629.

4. *Кручковский Т.Т.* Российско-польское соперничество в период Киевской Руси (X – XI века) в оценке Н.М. Карамзина // Вестник Полесского гос. ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. 2012. № 1. С. 32–38.

5. *Пислегин Н.В.* Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в. URL: http://www.rummuseum.ru/portal/node/2371 (дата обращения: 12.02.2018).

6. *Портнов А.В*. Польша приобретенная, но не обретенная // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). С. 308–327.

7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М. : Наука, 1989. Т. 1. 643 с.

8. *Карамзин Н.М*. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н.М. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 158–218.

9. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 279–348.

10. *Карамзин Н.М*. Мнение русского гражданина // Карамзин Н.М. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 363–366.

11. *Карамзин Н.М*. Новое прибавление // Карамзин Н.М. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 368.

References

1. Chicherin B.N. *Vospominaniya Borisa Nikolaevicha Chicherina. Moskovskii universitet* [Memories of Boris Nikolayevich Chicherin. University of Moscow]. Moscow: Izd. M. i S. Sabashnikovykh, 1929, 279 p.

2. Arzhakova L.M. *Rossiiskaya istoricheskaya polonistika i pol'skii vopros v XIX veke* [Russian Historical Polonics and the Polish Question in the 19th Centu-

ry]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2010, 343 p.

3. Zhukovskaya T.N. [The Polish Question and Russian Society in 1815-1825]. *Pamyati Yu.D. Margolisa: Pis'ma, dokumenty, nauchnye raboty, vospominaniya* [In memory of Yu.D. Margolis: Letters, documents, scientific works, memoirs]. Saint Petersburg: Serebryanyi vek, 2000, pp. 612-629.

4. Kruchkovskii T.T. Rossiisko-pol'skoe sopernichestvo v period Kievskoi Rusi (X – XI veka) v otsenke N.M. Karamzina [Russian-Polish Rivalry in the Period of Kievan Rus (10-11th century) in the Evaluation of N.M. Karamzin]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*, 2012, No. 1, pp. 32-38.

5. Pislegin N.V. *Pol'skii vopros v obshchestvennoi mysli Rossii 10–60-kh gg. XIX v*. [The Polish Question in the Public Thought of Russia in 10-60s 19th century]. Available at: http://www.rummuseum.ru/portal/node/2371 (accessed 12.02.2018).

6. Portnov A.V. Pol'sha priobretennaya, no ne obretennaya [Poland Acquired, but not Found]. *Otechestvennyye zapiski*, 2012, No 5 (50), pp. 308-327.

7. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of Russian State]. Moscow: Nauka, 1989, vol. 1. 643 p.

8. Karamzin N.M. [Historical Laudatory Word to Catherine II]. Karamzin N.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 158-218.

9. Karamzin N.M. [About Ancient and New Russia in its Political and Civilian Sense]. Karamzin N.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 279-348.

10. Karamzin N.M. [The Opinion of the Russian Citizen]. Karamzin N.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 363-366.

11. Karamzin N.M. [A New Addition]. Karamzin N.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 368.

Поступила в редакцию / Received ***22 апреля 2018 г. / April 22, 2018***

УДК 94(470) DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-88-95

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА: ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ «ВЫЗОВОВ»[1]

© 2018 г. Д.В. Сень [a]
[a] *Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия*

CRIMEAN KHANATE IN THE LATE 17th - THE BEGINNING OF THE 18th CENTURY: FOREIGN AND DOMESTIC POLICY UNDER THE NEW HISTORICAL “CHALLENGES”

D.V. Sen’ [a]
[a] *Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Elista, Russia*

Сень Дмитрий Владимирович –
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Калмыцкий научный центр РАН,
ул. им. И.К. Илишкина, 8, г. Элиста, 358000, Россия.
E-mail: dsen1974@mail.ru

Dmitriy V. Sen’ -
Doctor of History,
Leading Researcher,
Kalmyk Scientific Center,Russian Academy of Sciences,
Im. I.K. Ilishkina St., 8, Elista, 358000, Russia.
E-mail: dsen1974@mail.ru

Исследуется политика правящих Гиреев в связи с изменением международных отношений, существенно ухудшивших положение Крымского ханства на рубеже XVII–XVIII вв. Анализируется значение нового «пограничного порядка» в трансформации набеговой системы Крымского ханства, вызвавшего недовольство со стороны многочисленных подданных крымских ханов. Новые международные договоры (Бахчисарайский, Карловицкий и Константинопольский) привели не только к эволюции русско-турецких, русско-крымских и крымско-турецких отношений. Они вызвали новое явление в политической и даже в повседневной жизни населения Крымского ханства – опасения и страхи за свою судьбу и за будущее страны. Анализируются формы и содержание подобных негативных реакций со стороны подданных крымских ханов, которые были вынуждены лавировать в новых условиях. Сделан вывод о стремлении Гиреев минимизировать потери от ухудшившейся для ханства международной обстановки, об их попытках найти новые способы выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: *Крымское ханство, международные отношения, набеги, Османская империя, Россия, договоры, границы.*

This article is devoted to the policy of the ruling Giray Dynasty in connection with the change of international relations, which made matters of the Crimean khanate significantly worse at the turn of 17-18th centuries. This is a study of the role and importance of the new “border order” in the transformation of the Crimean khanate's raid system, which caused discontent on the part of numerous subjects of the Crimean khans. New treaties (Bakhchisarai, Karlovic and Constantinople) led not only to the evolution of Russian-Turkish, Russian-Crimean and Crimean-Turkish relations. They caused a new phenomenon in the political and even daily life of the population of the Crimean khanate - the fears for their own destiny and for the future of the country. Forms and contents of such negative reactions from the subjects of the Crimean khans who were forced to maneuver in new conditions are analyzed. It is concluded that the Gireys sought to minimize the losses for the khanate from the deteriorating international situation, and also they attempted to find new ways to overcome this situation.

Keywords: *Crimean Khanate, international relations, raids, Ottoman Empire, Russia, treaties, borders.*

[1] Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (номер гос. регистрации в ЕГИСУ НИОКР АААА-А17-117030910096-7).

Заявленная тема относится к числу актуальных и недостаточно разработанных в науке, несмотря на прочные историографические традиции по изучению крымско-османских и русско-крымских отношений.

Во-первых, тема статьи определена нами как *самостоятельная* в научно-исследовательском плане, поскольку история Крымского ханства рассматриваемого периода – одна из наименее изученных в исторической науке. Отмечая несомненное значение трудов по близкой тематике/хронологии (В.А. Артамонов, В.Е. Возгрин, В.В. Грибовский, Н. Кроликовска, С.Ф. Орешкова, А.А. Новосельский, Ю.В. Приймак, Г.А. Санин, О.Г. Санин, В.Д. Смирнов, Б.Н. Флоря, С.Ф. Фаизов), можно констатировать, что получение дополнительного научного знания возможно путем обращения к новым тематическим сюжетам, ранее остававшимся на периферии исследовательских интересов ученых нескольких поколений. В частности, речь идет об эволюции набеговой системы Крымского ханства, чутко реагировавшей на изменения в сфере международной политики того периода; о массовых настроениях на территории ханства в связи с завоеваниями России на Юге и новыми договорами между Россией и Османской империей; об иных формах и способах «лавирования» крымских ханов между этими государствами в борьбе за свою независимость и за свои *собственные* интересы.

Предлагаемый нами подход позволяет выйти за границы традиционных исследовательских сюжетов, например, о защите Россией южных границ от набегов кочевников и экспансии Османской империи [1, с. 3] или о том, что «татарская масса» могла жить только за счет «чужих народов, за счет грабежа…» [2, с. 276]. Необходимость уточнения или даже возможного отказа от столь жесткой исследовательской оптики, не учитывающей динамики наблюдаемых явлений, разной мотивации организаторов/участников внешней политики Крымского ханства (в том числе реализуемой через набеговую систему), вполне очевидна. Здесь же вспомним о едва ли не тотальном влиянии, оказанном на отечественную литературу о Крымском ханстве 2-томником выдающегося российского востоковеда В.Д. Смирнова [3, с. 288]. И.В. Зайцев справедливо указывает, что усвоенный В.Д. Смирновым и его российскими последователями пренебрежительный тон в отношении политического устройства Крыма «имеет своим источником османский взгляд на крымских татар» [4, с. 289]. Так, В.Д. Смирнов категорично отозвался о перспективах существования Крымского ханства в XVIII в., полагая, что «буйно прожитые их предками два века пропали даром для внутреннего развития и для упрочения международного положения их государства» [3, с. 8]. Разделяя мнение И.В. Зайцева, добавим, что наряду с «османоцентричным» взглядом на крымскую историю, В.Д. Смирнов демонстрирует ориентацию на культуртрегерскую миссию России в деле воспитания «диких татар»[1]. Полагаем, что скептическое отношение В.Д. Смирнова к якобы «предопределенной» судьбе Крыма в XVIII в. отрицательно сегодня сказывается на историографическом осмыслении имеющихся в науке трудов по истории Крымского ханства XVII–XVIII вв.

Во-вторых, до сих пор, насколько известно, отсутствует устоявшаяся (не обязательно – единственная) «сквозная» периодизация исторического прошлого Крымского ханства XV–XVIII вв., рубежные основания внутри которой получили бы специальное научное обоснование. Моделируя будущую академическую дискуссию о периодизации истории Крыма, предлагаем рассмотреть события конца XVII – начала XVIII в. как часть более заметного периода, охватывающего 1681–1700 гг. Перед нами – переломный этап в истории Крымского ханства (от Бахчисарайского договора до Константинопольского договора), в ходе которого существенно ухудшилось его международное положение, когда ханство не по своей воле оказалось включено в процессы создания, демаркации и поддержания новых границ так называемого «европейского типа». Кроме того, именно тогда принципиально изменился характер русско-крымских отношений, обострились крымско-османские отношения и пр. Наконец, впервые в истории ханства стала прослеживаться такая тенденция: события выделенного нами периода (верхняя граница которого в ходе дальнейших изысканий, вероятно, переместится в начало XVIII в.) осознаются современниками как *время перемен*, эмоционально переживавшееся как элитами, так и обычными подданными Гиреев, а не только самими правящими крымскими ханами, о чем ученые пишут чаще всего.

[1] Перспективно в будущем исследовать, как деятельность и взгляды В.Д. Смирнова соотносились с развитием в России научных представлений о Востоке и интеллектуальными (академическими) практиками колониального господства (ориентализма).

В-третьих, предложенный нами подход позволяет говорить о наличии у Крымского ханства *собственных* политических интересов, о в*и*дении им собственных внешнеполитических перспектив и о новых тенденциях (в связи с ослаблением Османской империи на рубеже XVII – начала XVIII в.) в борьбе за свою самостоятельность. Г.А. Санин так высказался об этой проблеме в 1993 г.: «Вопрос о борьбе Крымского ханства за государственную самостоятельность в XVII в. практически не исследован, имеются только случайные упоминания в сопутствующих работах» [5, с. 224]. К сожалению, за последние годы ситуация изменилась не сильно, несмотря на появление трудов сразу нескольких российских и украинских авторов (В.А. Артамонов, В.Е. Возгрин, Ю.В. Приймак, В.В. Станиславский [6–10]). При этом целесообразно говорить об органической связи данного вопроса с другим, близким ему по проблематике – об эволюции крымско-османских отношений указанного периода [11]. Их актуально исследовать именно в контексте новых международных отношений и так называемого «нового пограничного порядка» между Россией и Османской империей по итогам войны 1686–1700 гг. На взаимоотношения Крыма и Османской империи оказывали влияние и другие участники тогдашнего политического процесса: Речь Посполитая предложила Крыму в 1684 г. даже отделиться от Османской империи [12, с. 65].

Перспективно уделить внимание исследовательскому направлению, связанному с историей борьбы крымских ханов за возвращение к status quo в отношениях с Портой и с Россией, с поиском правящими Гиреями новых возможностей ослабить вмешательство Стамбула в дела ханства. Так, хан Девлет-Гирей II, реалистично оценивая перспективы крымско-османских отношений, неслучайно оказался способен на «странные» и провокационные для России и для Османской империи действия. В начале XVIII в. он несколько раз инициировал переговоры о переходе Крыма в российское подданство. Даже если признать подобные действия своеобразной дипломатической игрой хана с Россией, то в пространстве современной дискуссии вновь необходимо обратиться к убедительной версии В.А. Артамонова о том, что Девлет-Гирей II «видимо, пытался втянуть Россию в переговоры и вернуть русско-крымские отношения к состоянию 1681 г.» [6, с.278–279], т.е. до заключения *невыгодного* для Крыма Бахчисарайского мирного договора.

Проанализированный нами исторический материал (позволивший сформулировать и выдвинуть рабочую гипотезу) свидетельствует о регулярном и закономерном *несовпадении* внешнеполитических интересов Стамбула и Бахчисарая на рубеже XVII–XVIII вв. Целесообразно выявить и сравнить различные *реакции* со стороны населения Крымского ханства на международные договоры, заключенные с участием России и Османской империи, наносившие удары по вековой, социально мотивированной и системно организованной набеговой системе Крымского ханства. При этом важно учитывать, что в последней четверти XVII – начале XVIII в. кризисные настроения охватили разные группы населения Крымского ханства и Османской империи не только по отношению к России, но и по отношению *друг к другу*. Во многом это было связано с «малодушной» реакцией Стамбула на неоднократные просьбы крымцев об их защите в связи с военными успехами России в низовьях Днепра и в Северо-Восточном Приазовье в середине – второй половине 1690-х гг.

Наконец, вышесказанное позволяет системно оценить масштабы трансформаций, произошедших в Крымском ханстве в описываемый период, избегая схематичных оценочных суждений о нем, как о государстве, «застрявшем в средневековье из-за паразитического существования за счет работорговли» [13, с. 294]. В процессе реализации предлагаемого нами подхода появятся новые возможности для изучения политической и социальной истории Крымского ханства на ином исследовательском уровне, для чего, впрочем, понадобится определенный консенсус в российском научном сообществе. К сожалению, достижение подобного консенсуса не представляется достижимым в среднесрочной перспективе. Одно из косвенных тому подтверждений – однотипная по сути реакция российских историков на исследования В.Е. Возгрина о крымских татарах и Крымском ханстве. Между тем этот историк пытается говорить не только о планах России завоевать Крым, но также о *разном* отношении населения Крымского ханства и его правителей к происходившему в сфере международных отношений того времени, в том числе серьезно опасаясь приближения России к границам ханства. Взвешенную позицию занял В.В. Станиславский, проанализировавший так называемые «Московские статьи» 1689 и 1691 гг. [14, с. 340–356]. Историк полагает, что, хотя у Москвы и не было в конце

XVII в. стратегической программы по захвату Крыма, но возможность утверждения на полуострове рассматривалась российскими элитами в зависимости от конкретной ситуации.

Событиям последней четверти XVII – начала XVIII в. принадлежит особое место в истории крымско-османских, русско-крымских отношений и собственно – в истории Крымского ханства, по-новому реагировавшего на «непривычные» для себя исторические вызовы. Прежде всего речь идет о формировании в Северном Причерноморье и в Северном Приазовье новых границ европейского типа, на «выдавливание» ханства со стороны Османов из европейской политики, на увеличение (впервые в истории ханства!) подданных Гиреев за счет разных групп казаков и пр. Крымские ханы пытались тогда не просто уклоняться от исполнения султанской воли или от выражения покорности падишаху. Напротив, сильная Османская империя (даже в смысле противодействия российской экспансии) тоже внушала ханам ряд опасений. Так, хан Девлет-Гирей II опасался, «когда б они (турки-османы. – *Д.С.*) силны были против царского Величества, тогда могут их, как хана, так и мурз, давити и голов снимати, как они чинят» [15, л. 5 об.– 6].

По аналогии с мыслью А.А. Новосельского о причинах «живучести» Крымского ханства заметим, что в описываемое время их можно связать не с выгодной для него международной обстановкой [16, с. 421], как раньше, а с попытками Гиреев оперативно и «пластично» отреагировать на ее ухудшение, чтобы минимизировать возможные негативные последствия и даже их упредить.

Поэтому мнение В.Д. Смирнова о «политической бестактности» потомков хана Селим-Гирея I (ум. 1704 г.), приближавших «конец самостоятельного существования Крымского ханства» [17, с.494], о связи последнего периода его правления (1702–1704 гг.) с предыдущими веками в истории Крыма, которые якобы прошли «даром», предстает малодоказательным и категоричным. Ханы оказались способны на заключение новых политических альянсов – со шведами, с Запорожской Сечью [7, 9, 10], пересматривая свои отношения с «традиционными» политическими партнерами/противниками. Так, между Крымом и Сечью постепенно берет верх новая тенденция, которая была ощутимой, но все еще второстепенной для XVII в. – тенденция развития мирных взаимоотношений, объединения перед угрозой со стороны более сильного внешнего врага [10, с. 5].

После завоевания Россией Азова в 1696 г. посланцы крымского хана инициировали переговорный процесс с российской администрацией Азова, например, по вопросам пограничного сотрудничества, рассмотрения спорных ситуаций и пр. Пристального внимания заслуживают контакты властей российского Азова с представителями ханской власти (калгой Шахбас-Гиреем, нурадынами Гази-Гиреем, Каплан-Гиреем, султаном Бахты-Гиреем), активно участвовавшими в жизни многочисленных групп ногайского населения Кубани, и с местными элитами (Сартлан-мурза, Аллават-мурза, Кубек-ага и пр.) [18, л. 2–16; 19, л. 15–17]. Другое дело, что подданные Гиреев, например ногайцы, активно сопротивлялись реализации российско-османских механизмов контроля над степным порубежьем, стремясь различными путями либо нарушать новые границы, либо вовсе противодействовать их устроению (демаркации и пр.).

Недовольство в Крыму султанской властью и страхи крымцев и ногайцев за свою дальнейшую судьбу усилились в связи с утратой турками-османами Азова, когда Россия вплотную приблизилась к границам ханства. Завоевав устье Дона в 1696 г., «Россия расколола территорию ханства и изолировала Кубанскую орду и Западную Черкесию от его остальных причерноморских владений» [20, с. 71]. Успешная борьба России с Османской империей и завоевание Азова позволили ей к концу XVII в. существенно закрепиться в Северо-Восточном Причерноморье, прервав сообщение по суше между Крымом и восточными кочевниками. Усилившись в регионе, Россия поставила под свой контроль «коммуникации, обеспечивавшие опасные для россиян прямые контакты Порты и Крыма с калмыками, тюркским населением Поволжья и Степного Предкавказья» [8, с. 55].

По образному выражению В.А. Артамонова, «в начале XVIII в. ногайцы буквально метались в поисках нового протектора» [6, с. 271], подобное поведение которых (точнее, разных ногайских орд в составе Крымского ханства) уместно связать с изменившимся международным положением Крымского ханства, в том числе вызванным итогами русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Еще во время первого Азовского похода хан Селим-Гирей I высказывал в письме к турецкому султану озабоченность в связи с возможным падением Азова, описывая *страх и смятение*, охватившие его подданных [17, с. 459–460]. Другое его заявление Порте об

опасности, грозившей Азову, было услышано турками-османами [17, с. 464]; крымцы и ногайцы активно помогали осажденному гарнизону Азова, однако в сложившихся обстоятельствах исход осады стал закономерным. Азов был взят российскими войсками 19 июля 1696 г.; фактически ликвидировался Азовский санджак Османской империи и создавались условия для вхождения Северо-Восточного Приазовья в состав России. Падение Азова было воспринято кубанскими ногайцами болезненно и даже панически – в том же 1696 г. многие из них откочевали с семьями в Крым и в Черкесию, где даже зимовали [21, л. 3, 4, 8; 22, л. 13, 18].

Складывается впечатление, что с падением Азова ногайцы (и не только они!) утратили важный жизненный ориентир. Указанное событие повлекло за собой среди прочих интересное явление – обращения кубанских ногайцев к российским властям за подданством. Они говорили, что «куды прислонитца неведомо, к Белому царю или к турскому». Примечательно, что ногайцы других орд, например, Буджакской, несколько раз на рубеже XVII–XVIII вв. обращались к России с просьбами о подданстве, но безуспешно. Кубанские ногайцы, по-видимому, действовали под влиянием не только «азовского синдрома», но и позиции самой России, призывавшей Кубанскую орду сменить подданство до заключения мира в 1700 г. По царскому указу на Кубань из Войска Донского был отправлен казак М. Мажаров «с товарыщи» призывать «ногайские орды» «под выскодержавную… руку». Переговоры по ряду причин затянулись, что отразилось в переписке Войска Донского и азовского воеводы П.Г. Львова [23, л. 2 а – 8].

Нам недостаточно известно о реакциях Стамбула и Бахчисарая на утрату османского Азова, об ответных мероприятиях османских и крымских властей, дальнейшем влиянии закончившейся русско-турецкой войны на обстановку в Крыму, Северо-Восточном Приазовье и на Кубани, входившей в состав Крымского ханства [24, с. 153–168]. Между тем Османская империя, действуя при поддержке Крымского ханства, не собиралась в одночасье отказываться от присутствия в регионе. И до сих пор недостаточно изучены вопросы военно-политического противостояния / взаимодействия Российского государства, Крымского ханства и Османской империи конца XVII – начала XVIII в., например, в Северо-Восточном Приазовье и на Северном Кавказе. Наконец, речь идет об изучении реакций со стороны подданных Гиреев и Османов (в последнем случае – о Кафинском эялете) на взятие российскими войсками Азова в 1696 г., после чего их жизнь (торговля, набеги и торговля рабами, в том числе проведение «окупных» операций, кочевание, связи с метропольными территориями и пр.) существенно изменилась. Любопытно, что Азов продолжал оставаться для кочевников достаточно статусным местом. Он «снова» становится важным пунктом проведения «окупных» (выкупных) операций с рабами и их «розмена», что было известно на Кубани даже невольникам, которых привозили в Азов от ногайцев, например, с кубанскими «торговыми людьми», развивавшими торговые связи через Азов, и другими способами.

Негативные настроения действительно охватили разные группы населения Крымского ханства и пограничных с ним владений Османской империи. Крымский хронист Сейид-Мухаммед Риза подметил, что с того времени (после заключения Карловацкого договора и поездки Е. Украинцева в Стамбул, как излагает события В.Д. Смирнов) «обитатели Крыма стали поглядывать через двери страха и ожиданий на события времени» [17, с. 473]. Османский хронист Фындыклылы указывал, что через несколько лет после заключения в 1700 г. мира между Россией и Османской империей, татары «проели то, что было в их руках, и теперь обеднели. А так как московский царь вопреки договору овладел крепостью Азовом, *то настали последние времена»* (курсив наш. – *Д.С.*) [17, с. 481–482]. Подтверждение таким суждениям находим в разных документальных источниках описываемого времени. Так, выходец с Кубани волошенин В. Николаев, допрошенный в Азове в октябре 1700 г., показал, что после заключения в 1700 г. Константинопольского мира он слышал от кубанских татар, что «…их татарские обызы (абызы/хафизы. – *Д.С.*) по чтению книг своих розмышляют, *что де у них и Крыму не быт, потому что пришло де последнее время* (курсив наш. – *Д.С.*), и живут де они кубанцы от ево, великого государя, ратных людей в великом опасении…» [25, л. 11]. По словам крымского татарина Кара-Али (1696 г.), хан Селим-Гирей I оказался способен на провокационную риторику в отношении Стамбула, предполагая, что султан Мустафа II может не прислать войска в Крым для будущего отвоевания Азова: «А будет салтан… войска к ним… ныне не пришлет, и он де, хан, роспустит вес Крым, кто куды хощет, да и сам де хан Крым хощет покинут» [26, л. 17].

Собственно обеспокоенность крымцев стала заметной еще раньше – во второй половине 1680-х гг., связанных со строительством российских укреплений в низовьях Днепра, с Крымскими походами 1687 и 1689 гг. Оговоримся, что ничего подобного (по крайней мере по отношению к масштабу переживаний и страхов) население Крыма, судя по всему, не испытывало ранее 1680-х гг. Известно об опасениях хана Девлет-Гирея II за судьбу ханства, озаботившегося отправкой письма султану Мустафе II с просьбой о присылке из Стамбула ответственного лица для проверки ситуации на месте – в связи с действиями России. Однако, несмотря на приезд в Крым османского чиновника Кеблели-аги, Девлет-Гирею II не удалось добиться желаемого [27, с. 718–720].

В.Е. Возгрин пишет о *тревоге* крымского хана Девлет-Гирея II за обороноспособность крымско-татарского государства в связи с заключением Константинопольского мирного договора [7, с. 98]. Опасения этого хана усилились также в связи с другими активными мероприятиями России, хотя говорить о захвате Крыма как о достижимой тогда цели российской внешней политики скорее всего не приходится. Тревожное ожидание опасностей в связи с будущим державы Гиреев[1] отныне *постоянно* сопровождает жизнь, поведение и рассуждения самых разных крымских подданных, массовые настроения которых (в том числе отрефлексированные современниками – хронистами и пр.) еще не подвергались сравнительному изучению. Параллельно происходило сжатие «коридора возможностей» для успешной реализации ханами набеговой системы и внешней политики на рубеже XVII–XVIII вв. Ногайцы негативно отреагировали на заключение Константинопольского договора, возобновив под началом мятежного Гази-Гирея грабительские набеги на жителей польских владений, «*пряча добычу в укромные места* (курсив наш. – *Д.С.*), на случай если бы от них стали требовать возврата ее» [17, с. 474]. Ханы пытались лавировать, активно борясь не только за будущее своего государства, но также за контроль над набеговой системой, без поддержания которой, впрочем, их власть теряла огромную ресурсную базу. Вот почему обостренно воспринимавшееся крымскими ханами описываемого времени (например, Селим-Гиреем I или Девлет-Гиреем II, шаблонно именуемого О.Г. Саниным «заядлым врагом России») сложившуюся обстановку малопродуктивно объяснять с позиций якобы «особой» и «традиционной» агрессивности Крыма в отношении России.

Рассмотренный материал позволяет наметить пути для дальнейшего изучения темы, связанной с историей Крымского ханства конца XVII – начала XVIII в., представленной на фоне международной политики и существенной трансформации внутренней жизни в ханстве. Новые явления в русско-османских отношениях едва ли не впервые (после 1681 г.) системно повлияли на жизнь различных категорий ханских подданных, прежде всего кочевников. Новые границы, новая для крымских татар и ногайцев пограничная ситуация, новый этап в истории крымско-османских и русско-крымских отношений системно отразились на внешней и внутренней политике Крымского ханства, породив среди населения опасения за дальнейшую судьбу юрта. С этой точки зрения тезис о непрекращающейся набеговой агрессии Крыма против России нуждается в корректировке. Сделан вывод о стремлении правящих Гиреев минимизировать потери от ухудшившейся для ханства международной обстановки, об их попытках наладить активный и новый политический диалог с самыми различными государствами и сообществами.

Литература

1. *Санин О.Г.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в. : дис. … канд. ист. наук. М., 1996. 454 с.

2. *Санин О.Г.* Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 275–279.

3. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты : в 2 т. / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 2: Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России. 314 с.

4. *Зайцев И.В.* Крымское ханство: вассалитет или независимость // Османский мир и османистика : сб. ст. к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой. М. : ИВ РАН, 2011. С.288–296.

[1] Интересно провести параллели с аналогичными настроениями (пророчества и пр.), которые, по некоторым данным, возникли среди казанских татар перед падением ханства в 1552 г. Имело ли место подобное явление в истории других ханств? Благодарю за ценное наблюдение д.и.н. В.В. Трепавлова. Вероятно, в будущем имеет смысл изучить в компаративном отношении схожие проявления массовой психологии в тюрко-татарских государствах на переломных этапах их истории XVI–XVIII вв., включая события и периоды всевозможных столкновений ханств с Россией.

5. *Санин Г.А.* Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3.

6. *Артамонов В.А*. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. М. : Наука, 2001. Вып. 10. С. 269–286.

7. *Возгрин В.Е.* Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и турецким султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты : сб. ст. СПб. : МАЭ РАН, 2010. С. 97–117.

8. *Приймак Ю.В*. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир : Полипринт, 2011. 359 с.

9. *Станіславський В.В*. Політичні відносини Запорозької Січі и Кримського ханства напередодні Полтавської битви // Українській історичній журнал. 1998. № 1. С. 76–86.

10. *Станіславський В.В.* Запорозька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок XVIII ст.) // Українській історичній журнал. 1995. № 6. С. 3–21.

11. *Сень Д.В.* Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2016. № 3. С. 54–59.

12. *Артамонов В.А*. Очаги военной силы украинского народа в конце XVI – начале XVIII в. // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2003. М. : Наука, 2003. С. 59–66.

13. *Артамонов В.А.* [Рец.]. Османы в Европе. Начало отката. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1998. 288 с. // Славяне и их соседи. М. : Наука, 2001. Вып. 10. С. 291–295.

14. *Станіславський В.* Маловідомі документи щодо планів південної політики Російської держави у другій половині 80-х рр. XVII ст. // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. Вип. 7. Київ, 2007. С. 340–356.

15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 4. 1712 г. Д. 1.

16. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.

17. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты: в 2 т. / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М. : Рубежи XXI, 2005. Т. 1 : Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. 541 с.

18. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243.

19. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244.

20. *Артамонов В.А.* О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М. : Ин-т истории СССР, 1985. С. 71–88.

21. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5.

22. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15.

23. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9.

24. *Аваков П.А., Сень Д.В.* После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале расспросных речей) // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918. М.; СПб. : Нестор-История, 2016. С. 153–168.

25. ГАВО. Ф. И-5. Оп.1. Д.237.

26. ГАВО. Ф. И-5. Оп.2. Д.27.

27. *Возгрин В.Е.* История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4 т. 3-е изд. Симферополь : Тезис, 2013. Т. 1. 872 с.

References

1. Sanin O.G. *Otnosheniya Rossii i Ukrainy s Krymskim khanstvom v pervoi chetverti XVIII v.* : dis. … kand. ist. nauk [Relations between Russia and Ukraine with the Crimean Khanate in the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, 1996, 454 p.

2. Sanin O.G. [Anti-sultan Struggle in the Crimea in the Beginning of the 18th Century and its Influence on Russian-Crimean Relations]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria]. Simferopol, 1993, Iss. 3, pp. 275-279.

3. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty* [The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Ports]: In 2 vol. Ed. by S.F. Oreshkova. Vol. 2. The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porte in the 18th Century before its Annexation to Russia. Moscow: Rubezhi XXI, 2005, 314 p.

4. Zaitsev I.V. [Crimean Khanate: Vassalage or Independence]. *Osmanskii mir i osmanistika* [Ottoman World and Ottoman Studies]. Collection of articles on the 100th anniversary of A.S. Tveritinova. Moscow: IV RAN, 2011, pp. 288-296.

5. Sanin G.A. [Some Problems of the History of the Crimean Khanate in the 17th Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria]. Simferopol, 1993, Iss. 3.

6. Artamonov V.A. [Negotiations on the Transition of the Crimean Khanate to Russian Citizenship under the Rulling of Peter the Great]. *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and their neighbors]. Moscow: Nauka, 2001, Iss. 10, pp. 269-286.

7. Vozgrin V.E. [Political Relations of Charles XII with the Crimean Khans and the Turkish Sultan during the Northern War]. *Skandinavskie chteniya 2008 goda: etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian readings - 2008: ethnographic and cultural-historical aspects]. Collection of articles. Saint Petersburg: MAE RAN, 2010, pp. 97-117.

8. Priimak Yu.V. *Severo-Vostochnoe Prichernomor'e vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh protsessakh formirovaniya yuzhnykh granits Rossii (konets XVII – pervaya tret' XIX v.)* [North-Eastern Black Sea Region in the Internal and External Political Processes of the Formation of the Southern Borders of Russia (the End of the 17th - the First Third of the 19th Century)]. Armavir: Poliprint, 2011, 359 p.

9. Stanislavs'kii V.V. Politichni vidnosini Zaporoz'koï Sichi i Krims'kogo khanstva naperedodni Poltavs'koi bitvy [Political Relations of the Zaporozhian Sich and the Crimean Khanate on the Eve of the Poltava Battle]. *Ukrai'ns'kii istorychnyi zhurnal.* 1998, No. 1, pp. 76-86.

10. Stanislavs'kii V.V. Zaporozhska Sich u politichnikh vidnosinakh z Krims'kim khanstvom (pochatok XVIII st.) [Zaporozhian Sich in Political Relations with the Crimean Khanate (beginning of the 18th century)]. *Ukrai'ns'kii istorychnii zhurnal*. 1995, No. 6, pp. 3-21.

11. Sen' D.V. Mezhdunarodnoe polozhenie Osmanskoi imperii i evolyutsiya krymsko-osmanskikh otnoshenii na rubezhe XVII–XVIII vv. [The International Situation of the Ottoman Empire and the Evolution of the Crimean-Ottoman Relations at the Turn of the 17-18th Centuries]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki.* 2016, No. 3, pp. 54-59.

12. Artamonov V.A. [Locus of Military Power of the Ukrainian People in the Late 16th – Early 18th Century]. *Belorussiya i Ukraina: Istoriya i kul'tura* [Belarus and Ukraine: History and Culture]. Yearbook 2003. Moscow: Nauka, 2003, pp. 59-66.

13. Artamonov V.A. [Ottomans in Europe. The Beginning of a Rollback. The Ottoman Empire and the Countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe in the 17th Century: The Main Trends of Political Relations. Moscow, 1998. 288 p.]. *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and their neighbors]. Moscow: Nauka, 2001, Iss. 10, pp. 291-295.

14. Stanislavs'kii V. [Little-known Documents on the Plans of the Southern Policy of the Russian State in the Second Half of the 80's. 17th Century]. *Ukraïns'ka kozats'ka derzhava: vitoki ta shlyakhi istorichnogo rozvitku* [Ukrainian Cossack state: origins and ways of historical development]. Iss. 7. Kiev, 2007, pp. 340-356.

15. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Acts]. Fund 123. In. 4. 1712 year. File 1.

16. Novosel'skii A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka* [The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Middle of the 17th Century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948, 448 p.

17. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty* [The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Ports]: In 2 vol. Ed. by S.F. Oreshkova. Moscow: Rubezhi XXI, 2005. Vol. 1. Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porte Prior to the Beginning of the 18th Century. 541 p.

18. *GAVO* [State Archives of the Voronezh Region]. Fund I-5. In. 2. File 243.

19. *GAVO* [State Archives of the Voronezh Region]. Fund I.5. In. 2. File 244.

20. Artamonov V.A. [On the Russian-Crimean Relations of the Late 17th - Early 18th Century]. *Obshchestvenno-politicheskoe razvitie feodal'noi Rossii* [Social and Political Development of Feudal Russia]. Moscow: In-t istorii SSSR, 1985, pp.71-88.

21. *GAVO* [State Archives of the Voronezh Region]. Fund I-5. In. 1. File 5.

22. *GAVO* [State Archives of the Voronezh Region]. Fund I-5. In. 1. File 15.

23. *GAVO* [State Archives of the Voronezh Region]. Fund I-5. In. 1. File 9.

24. Avakov P.A., Sen' D.V. [After the Capture of Azov: the Russian-Ottoman Borderlands and its Population in 1696-1697 (on the Material of Interrogatory Speeches)]. *Vzaimodeistviya i konflikty na konfessional'no i etnicheski smeshannykh territoriyakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy, 1517–1918* [Interactions and Conflicts on Confessional and Ethnically Mixed Territories of Central and Eastern Europe, 1517-1918]. Moscow; Saint Petersburg, 2016, pp. 153-168.

25. *GAVO* [State Archives of the Voronezh Region]. Fund I-5. In. 1. File 237.

26. *GAVO* [State Archives of the Voronezh Region]. Fund I-5. In. 2. File 27.

27. Vozgrin V.E. *Istoriya krymskikh tatar: ocherki etnicheskoi istorii korennogo naroda Kryma* [The History of the Crimean Tatars: Essays of the Ethnic History of the Indigenous People of Crimea]: In 4 vol. Simferopol: Tezis, 2013, vol. 1, 872 p.

Поступила в редакцию / Received ***27 апреля 2018 г. / April 27, 2018***

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ
HISTORY AND MODERN GEOPOLITICS OF RUSSIA

УДК 327 DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-96-107

ПРИКЛАДНАЯ ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

© 2018 г. С.А. Кислицын [a]
[a] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Ростов-на-Дону, Россия

APPLIED GEOPOLITICS OF RUSSIA: HISTORY OF FORMATION AND THE CURRENT STATE

S.A. Kislitsyn [a]
[a] South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Кислицын Сергей Алексеевич –
доктор исторических наук,
профессор, факультет политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы,
ул. Пушкинская, 70/54, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Sergey A. Kislitsyn -
Doctor of History, Professor,
Faculty of Political Science,
South-Russian Institute of Management,
Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration,
Pushkinskaya St., 70/54, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Анализируется история формирования прикладной геополитики, которая, в отличие от классической, использует ряд более конкретных понятий: «национальный менталитет», «электоральная география», «локальные цивилизации». Констатируется, что в дореволюционной России смысл прикладной геополитики заключался не в отпочковании от классической геополитики, практически не развивавшейся, а в фиксировании актуальных проблем этнотерриториального характера.

Большевистские лидеры, находясь в эмиграции и позднее встав во главе СССР, фактически предложили идеологический (марксистский) вариант прикладной геополитики. Программа Коминтерна выдвигала геополитический курс на мировую революцию, которая реализовалась в основном в Азии, в первую очередь в Китае. После Великой Октябрьской революции 1917 г. «старая» российская геополитика «эмигрировала» за границу и развивалась в направлении евразийских исследований вплоть до Второй мировой войны. Сталинская модель геополитики в середине XX в. стала средоточием двух традиционных русских геополитических концепций: имперской и панславистской. Показано, что на всех этапах истории СССР теория и практика советской прикладной геополитики объективно корреспондировалась с евразийскими идеями. Объективное положение СССР в качестве «хартленда» обусловило мейнстрим, который объективно осуществлял СССР – «государство-континент», государство, являвшееся по своей сути Российской евразийской цивилизацией. Лидеры диссидентского движения позднего СССР четко зафиксировали идеологический вариант прикладной геополитики СССР. Вывод: после краха деидеологизированной прикладной геополитики в период «перестройки» стало ясно, что существует более глубокое геополитическое противостояние двух типов цивилизаций, которое сильнее, чем идеологическое противостояние капитализма и социализма. В связи с украинским и крымским кризисами 2014 г. прикладная геополитика получила новый мощный импульс развития.

Ключевые слова: *геополитика, прикладная геополитика, идеологизация геополитики, империя, российская евразийская цивилизация.*

The history of the formation of applied geopolitics is analyzed, which, unlike the classical one, uses a number of more specific concepts: "national mentality", "electoral geography", "local civilizations". It is stated that in pre-revolutionary Russia, the meaning of applied geopolitics was not in leaving the classical geopolitics, which was practically not developed, but in fixing topical problems of an ethno-territorial nature.

Bolshevik leaders, being in emigration and later becoming the head of the USSR, in fact proposed an ideological (Marxist) version of applied geopolitics. The program of the Comintern put forward a geopolitical course for the world revolution, which was realized mainly in Asia, primarily in China. After the Great October Revolution of 1917, the "old" Russian geopolitics "emigrated" abroad and developed in the direction of Eurasian studies until the Second World War. Stalin's model of geopolitics in the middle of the twentieth century became the focus of two traditional Russian geopolitical concepts: imperial and Pan-Slavic. It is shown that at all stages of Soviet history the theory and practice of Soviet applied geopolitics objectively corresponded with Eurasian ideas. The objective position of the USSR as a "hartland" determined the mainstream, which was objectively implemented by the USSR - the "state-continent", a state that was in essence Russian Eurasian civilization.The leaders of the dissident movement clearly documented the ideological version of the applied geopolitics of the USSR. Conclusion: after the collapse of de-ideologized applied geopolitics during the period of "perestroika" it became clear that there is a deeper geopolitical confrontation between the two types of civilizations, which is stronger than the ideological opposition between capitalism and socialism. In connection with the Ukrainian and Crimean crises of 2014, applied geopolitics received a new powerful impetus for development.

Keywords: *geopolitics, applied geopolitics, ideologization of geopolitics, empire, Russian Eurasian civilization*.

Фундаментальная геополитика, систематизированная и обогащенная концептуальным и терминологическим аппаратом, окончательно признана в статусе «вненациональной» и в качестве почти академической отрасли научного знания. О геополитических интересах государств писали М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Дейч, Х. Ортега-и-Гассет, К. Шмидт, Ф. Моро-Дефарж, Д. Тоал. Большое влияние на понимание геополитических интересов стран и цивилизаций оказали П. Бурдье, Э. Гидденс, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Э. Тоффлер и др. Если классическая «сильная» геополитика строит свои теории на помещении любого рассматриваемого события в глобальный межконтинентальный геополитический контекст, вплоть до планетарного, то «слабая», т. е. прикладная, – стремится ограничиться узкой зоной рассмотрения, компенсируя отсутствие обобщений изучением нюансов данной ситуации [1]. Прикладная геополитика не чуждается классических геополитических понятий «суши и моря», но активно использует ряд таких более конкретных понятий, как «национальный менталитет», «электоральная география», «локальные цивилизации» [2].

Концепция собственно прикладной геополитики была предложена А. Зигфридом, осуществившим в начале XX в. разработку определения зависимости политических симпатий и антипатий населения от места проживания. Рациональное зерно данной идеи было развито И. Лакостом, М. Коренманном, П.-М. де ля Горсом. Так называемая «слабая геополитика» сосредоточивала свое внимание на локальных процессах, на выяснении позиций региональных политических акторов и их соответствии региональному политическому менталитету и цивилизационным характеристикам, на географической фиксации регионов социального неравенства, пространственном рассмотрении проблем экологии; на изучении экономических процессов, протекающих в региональном пространстве; на выяснении влияния межэтнического конфликта на настроения общества; на критическом анализе внешнеполитических действий крупных держав в отношении средних и малых государств.

В России прикладная геополитика имеет свою историю, смысл которой заключался не в отпочковании от классической геополитики, которая здесь практически не развивалась, а в фиксировании актуальных проблем этнотерриториального характера. Еще до оформления традиционной западной геополитики в России велись геополитические по своей сути споры. Можно вспомнить «Русскую Правду» декабриста П. Пестеля с перечнем земель, которые еще должна вобрать Россия, чтобы полноценно осуществиться как империя, или многолетнюю тяжбу западников и славянофилов о генезисе и судьбах русской нации. В. Семенов-Тян-Шанский сформулировал концепцию «территориального могущества». И.Е. Вандам, Д.А. Милютин тяготели к прикладному типу исследования геополитики.

В самом начале XX в. В.И. Ленин и другие большевики, находясь в дореволюционной эмиграции, фактически предложили свой прикладной – идеологический (марксистский) – вариант геополитики. Лидер большевизма соединил этот геополитический лозунг с задачами социализма в России, Германии и Австро-Венгрии [3]. На основании теории империализма как кануна революции и возможности прорыва цепи империа-

лизма в «слабом звене» В.И. Ленин осуществил стратегический план-прогноз: он привел партию «нового типа» в течение 1917 г. к власти и начал процесс построения социализма в такой отсталой стране, как Россия.

После свершения Октябрьской революции 1917 г. большевизм стал развивать идеологическую прикладную геополитику, если не по названию, то по смыслу. В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, И.В. Сталин, безусловно, мыслили (в том числе) геополитически, более того, их концепция «мировой коммунистической революции», «перманентной революции», «строительства социализма в одной отдельно взятой стране» имели прикладной геополитический контекст. После антикайзеровской ноябрьской революции в Германии В.И. Ленин продолжал стратегию мировой революции, для чего им был создан в 1919 г. Коммунистический Интернационал – всемирная коммунистическая партия, состоявшая из секций – национальных компартий. Поскольку европейская комреволюция 1919 г. была разгромлена, В.И. Ленин был поставлен перед необходимостью разработки новой стратегии революционного процесса, создать которую он не успел по причине болезни и смерти.

Л.Д. Троцкий разработал теорию «перманентной революции», в соответствии с которой революции не в самых передовых странах, например в России, призваны решать задачи капиталистического развития, построения демократии, т. е. буржуазные по содержанию. В XX в., когда на историческую арену вышел многочисленный пролетариат, они приобретают перманентный характер и в конце концов перерастают в социалистические, цель которых – установление диктатуры пролетариата. Л.Д. Троцкий всегда выступал за ускорение революционного процесса в Европе и Азии и подготовил в 1919 г. секретный Меморандум о её продвижении на «пробуждающийся Восток» с помощью Красной Армии. Уход с политической арены Л.Д. Троцкого и его сторонников с их экстремистскими взглядами на мировой революционный процесс не остановил в ВКП(б) процесс нарастания радикализма в революционной геополитике. Однако существует точка зрения, что если бы Л.Д. Троцкий одержал победу над И.В. Сталиным, то Коминтерн поглотил бы все финансовые и материальные ресурсы советской России, а все ее людские ресурсы Л.Д. Троцкий бросил бы на «красный поход» на Запад и Восток, т. е. на мировую революцию, что немедленно вызвало бы мировую войну [4].

Бухаринская программа Коминтерна 1928 г. в частности выделила четыре типа обществ, в которых разными темпами должен был разворачиваться мировой революционный процесс: 1) высокоразвитые или передовые капиталистические общества; 2) со средним уровнем развития капитализма; 3) отсталые, полуколониальные и колониальные; 4) очень отсталые, примитивные общества. Одной из центральных революционно-геополитических проблем была гражданская война в отсталом полуколониальном Китае, начавшаяся в 1926 г. И.В. Сталин считал, что в такой стране развитие производительных сил нуждается в национальной революции. Азия под напором Коминтерна в конечном счете пробудилась, что привело после гражданских войн в Китае и разгрома японских интервентов к победе в 1949 г. при прямой поддержке СССР Китайской Народной республики.

Один из авторов Программы Коминтерна Н.И. Бухарин пытался предложить обновленную тактику Коминтерна, используя элементы концепции «организованного капитализма» Р. Гильфердинга, которая была положена в основу решений Брюссельского конгресса II Интернационала (1928). Н.И. Бухарин отмечал, что если ограничиваться только рамками государственной организации, т.е. рамками капиталистического отечества, то можно видеть, что он уничтожает анархию современного способа производства. Однако Н.И. Бухарин, как и положено большевику, не видел перспектив такого мирового «организованного капитализма» [5]. В своих докладах на VI конгрессе Коминтерна он подчеркивал особое значение международных условий для свершения мировой революции. Эти условия либо способствуют революции, либо решительно ее затрудняют. В первом случае он призывал к революционной войне, т. е. к экспорту революции в Европу, во втором случае – к ожиданию пролетариатом новой империалистический войны, без которой пролетариат обречен на поражение. Отсюда два лозунга Бухарина: 1. Фиксировать внимание пролетариата на грядущей войне. 2. Форсировать процесс созревания пролетариата [6, с. 17]. Пролетариат должен быть готовым к моменту, когда огромные расходы вызовут такие затраты, такие колоссальные войны и революции, что начнется классовая борьба катастрофического характера, в результате которой погибнет капитализм [6, с. 137]. На X пленуме исполкома Коминтерна за

эти суждения Н.И. Бухарина обвинили в «историческом фатализме», лишающем партии «боевой революционной тактики» [7, с. 420]. Как член Политсекретарита Коминтерна и фактически его руководитель Н.И. Бухарин опирался в своей работе на деятелей зарубежных компартий, оказавшихся в Советском Союзе, например, Эмбер-Дро, Герхардта, Эверта, Мейера, которые подверглись обвинению в соглашательстве с социал-демократией. И.В. Сталин назвал концепцию Н.И. Бухарина «теоретической базой правого уклона в международном коммунистическом движении». Оценивая сейчас позиции Н.И. Бухарина, можно увидеть в них направление, получившее в последующем название геоэкономики.

В результате жестокого кадрового террора 1937–1938 гг. многие секции Коминтерна оказались ликвидированы, арестованы и расстреляны руководители германской, венгерской, болгарской, греческой, финской, иранской компартий. Все закончилось роспуском Коминтерна в 1943 г. в целях доказательства отказа сталинского руководства СССР от планов по геополитической экспансии СССР и установлению коммунистических режимов на территории европейских стран. На практике Исполком Коминтерна не был полностью ликвидирован, а вошел на правах Отдела в аппарат ЦК ВКП(б) [8]. Однако в его политике появились новые нюансы.

После 1917 г. российская геополитика «эмигрировала» за границу и развивалась вплоть до Второй мировой войны. В ней наиболее заметным было направление евразийских исследований. Лидер евразийцев Трубецкой считал, что Россия является наследницей не Киевской Руси, а Монгольской монархии, евразийство образует обновлённую антитезу западничеству, а большевики «держат историческую правду», так как они подсознательно реализуют евразийский проект сопротивления Западу в содружестве с азиатскими народами. Идеологи евразийства П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский обосновывали развитие русского мира как результата русско-азиатской интеграции на основе евразийских цивилизационных историко-географических связей. В отличие от современных западных глобалистских подходов евразийская интеграция предполагает не стирание и переплавку народов, национальностей, культур и даже полов, а сохранение, приумножение, совместное мирное сосуществование народов на основе конструктивного партнерского диалога. Савицкий развил данную концепцию понятием «месторазвития», аналога понятия «жизненного пространства», и понятием «идеократии», означающего подчиненность человеческой жизни высшим смысловым идеям. Идеи евразийства были близки эмигрантским ученым Н.А. Бердяеву, И.А. Ильину, Ф.А. Степуну и особенно Н.В. Устрялову, который обосновал концепции «русского империализма», «смены вех» и «национал-большевизма».

И.В. Сталин изначально был идеологическим геополитиком, но постепенно его взгляды приобретали все более «имперский» и евразийский характер. Он первоначально выступал за сохранение России как унитарного многосоставного государства, в которое на правах автономий должны войти Украина, Белоруссия и Закавказская Федерация в составе Азербайджана, Грузии и Армении. В ходе дискуссии победила точка зрения В.И. Ленина о необходимости создания федеративного Союза равноправных советских республик, что и было закреплено в Конституции СССР 1924 г. Но И.В. Сталин устранил в Конституции 1936 г. статью о создании в будущем «Мирового Союза советских социалистических республик». Сталинская внешняя политика основывалась на концепции территориального расширения социалистического лагеря во главе с СССР как основе его государственной безопасности. После Второй мировой войны вдоль западной границы СССР был создан ряд союзнических режимов в государствах-сателитах Восточной Европы, выполнявших роль буфера безопасности между СССР и странами НАТО. Ранее И.В.Сталин присоединил к СССР прибалтийские государства, Бессарабию, Северную Буковину, Западную Украину и Западную Белоруссию. В конце Второй мировой войны к СССР были присоединены Восточная Пруссия, небольшая часть Северной Финляндии, Закарпатье, Южный Сахалин и Курильские острова. Но Сталин не стал присоединять «народно-революционные» государства Монголию, Гилян, отказался от вовлечения в свою сферу влияния китайского Восточного Туркестана, Маньчжурии, Северного Ирана. Сталин имел в виду создание в Южной Европе нового (малого) СССР в составе Болгарии, Югославии, Албании и, возможно, Румынии и Греции. На ночных «ужинах» своего окружения И.В. Сталин заявлял о геополитической преемственности СССР и Российской империи и сожалел, что не вернул в состав российского государства Финляндию и Польшу. В целом сталинская геополитика в конце 1940-х – начале 1950-х гг. приняла откровенно имперский геополитический

характер. На Западе И.В. Сталина не без оснований называли «красным монархом».

Лидер КПРФ Г.А. Зюганов пишет: «Сталинская модель российской геополитики в её полном развитии к середине XX века явилась долгожданным синтезом двух традиционных русских геополитических концепций: имперской – с её идеей государственной самодостаточности и панславистской – с её идеей славянского Большого пространства. Так политика форсированной индустриализации была призвана не просто обеспечить подъём экономики, но создать именно самодостаточную, независимую от внешней конъюнктуры хозяйственную систему страны. О том, что это была осознанная политика советского руководства, можно судить хотя бы по содержанию тоста И.В.Сталина, произнесённого им 7 ноября 1937 г. в узком кругу в доме К.Е. Ворошилова. Судя по дневниковой записи Г. Димитрова, И.В. Сталин сказал, что русские цари “сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое целое не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех великих народов, составляющих это государство”» [9].

Можно вспомнить и внутреннюю геополитику Сталина на Северном Кавказе. Здесь в 1920–1930-е гг. шло непрекращающееся со своими подъемами и спадами военно-политическое противостояние большой части горского крестьянского и казачьего населения и государственной советской власти. Предложенный сталинизмом вариант советской социалистической модернизации России и всего СССР был воспринят только меньшинством местного населения, что обусловило применение насилия и произвола по отношению к остальной традиционалистской и патриархальной части северокавказского социума. И хотя советская власть много сделала для развития Северо-Кавказского региона, его индустрии и культуры, она не смогла полностью преодолеть сопротивление горцев и подавить повстанческие движения до начала Великой Отечественной войны. У каждой стороны была своя правда: власть стремилась разгромить вооруженную оппозицию, угрожавшую сталинскому политическому режиму, а повстанцы пытались отстоять свой замкнутый патриархальный мир, свою религию, свои вековые обычаи и военно-демократические традиции, в целом свою горскую субцивилизацию [10]. По мнению М.А. Мунтяна, Г.А. Зюганов также ничего не пишет о грубейшем геополитическом просчете Сталина в 1941 г., когда он не понял приоритетного геополитического замысла А. Гитлера по захвату именно славянских территорий для обеспечения жизненного пространства немцев. В целом, говоря о сталинской модели русской геополитики, Г.А. Зюганов встал на позиции признания «внутренней» геополитики [11].

Хотя классовые идеологические основы Советского государства игнорировали геополитику как легитимную отрасль научного знания в области мироориентирования политических элит, тем не менее в закрытых НИИ Советской Армии и особенно Военно-Морского Флота существовали центры по изучению геополитики Запада, прежде всего США. Функции геополитики выполняли несколько дисциплин: военно-политическая стратегия, теория международного права и международных отношений, география, этнография и др. В СССР была издана классическая геополитическая книга «Влияние морской мощи на историю» американского адмирала А. Мэхэна. В русле идей этой работы советский главком ВМФ адмирал С.Г. Горшков издал свою типично геополитическую книгу «Морская мощь государства». Теоретическими проблемами геополитики в СССР занимался академик Д.М. Гвишиани, который в 1965–1985 гг. был заместителем председателя Госкомитета Совета министров СССР по науке и технике, директором института системного анализа. Широко был известен академик А.Л. Нарочницкий, автор трудов по международным отношениям, в том числе по истории геополитики [12]. Однако они не смогли предложить советской науке научно обоснованную новую отрасль знания – легитимную фундаментальную геополитику.

В советское время были созданы знаменитые, долго игнорировавшиеся официальной наукой труды Л.Н. Гумилёва, которые вышли за границы заявленной им теории этногенеза и стали одним из фундаментов именно прикладной геополитики. Причем Л.Н. Гумилёв переписывался с Савицким и разделял идеалы евразийства [13]. Его геополитика ставит в центр внимания динамику развития географического имманентного пространства Земли во времени, наполненном событиями и образующего энергонасыщенное единое пространство природы, человека и общества. Он предложил в качестве конечного вывода концепцию созидательной или разрушительной пассионарности как «главного двигателя» геополитиче-

ской трансформации мирового имманентного порядка. При этом Л.Н. Гумилев показал сугубо положительную, евразийскую «комплементарность» народов Древней Руси и Великой Степи, отношение к соседним народам как к равным. Такое «евразийство» Гумилева базируется на представлениях о России как особом «континенте Евразии» – между Европой и Азией. Зб. Бжезинский правильно признал, что «евразийству был придан академический лоск много и часто цитируемым Львом Гумилевым, историком, географом и этнографом, который в своих трудах подвел мощную базу под утверждение, что Евразия является естественным географическим окружением для особого русского этноса, следствием исторического симбиоза русского и нерусских народов – обитателей степей, который в результате привел к возникновению уникальной евразийской культурной и духовной самобытности» [14].

На всех этапах истории СССР теория и практика советской прикладной геополитики объективно корреспондировалась с евразийскими идеями Н. Трубецкого и П. Савицкого. Объективно СССР, оставаясь географическим центром Евразии, пытался сократить охватывающую Евразию зону англо-американского доминирования и получить доступ к мировому океану, где доминировал флот США. В реализации этой геополитики СССР рассчитывал на поддержку национально-освободительного и революционного движений на Кубе, во Вьетнаме, Сирии, Ливии, Никарагуа, Чили, Анголе, Мозамбике, Эфиопии и других странах.

Сложный в геополитическом плане период в истории СССР был связан с правлением Н.С. Хрущева. После смерти И.В. Сталина основой геополитической доктрины нового руководства стала концепция «мирного сосуществования» капиталистической и социалистической систем, которая воспринималась как продолжение политической, экономической и идеологической борьбы в каждом регионе планеты. Н.С. Хрущев не имел представления о геополитических закономерностях развития мировой цивилизации, и его прикладная геополитика носила предельно примитивный, можно сказать, «шапкозакидательский» характер. Он ввел войска в восставшую Венгрию, разрушил отношения с Китаем, установил ракеты на Кубе, хотел отдать половину Курильских островов Японии, перевел Крым в административное подчинение Украине, что имело негативные последствия для России после распада СССР….

Мейнстрим советской внешней политики заключался в том, что она в принципе постоянно следовала евразийскому руслу, не совсем понимая это. Объективное положение СССР в качестве «хартленда» обусловило те его шаги, которые было обязано объективно делать государство-континент, государство, являвшееся по своей сути Российской евразийской цивилизацией**.** Можно уверенно предположить, что евразийская геополитика де-факто всегда существовала в Советском Союзе, несмотря на отсутствие официальных концепций в этом направлении. Подобно тому, как известный герой Фонвизина не знал, что пишет прозой, советские вожди в своем большинстве не знали, что они последовательно реализуют классическую евразийскую геополитику [15]. Об этом свидетельствует так называемая «доктрина Брежнева», в соответствии с которой СССР не мог допустить формирования в соседних странах прозападных режимов, что повлекло ввод войск в Чехословакию и Афганистан. Как выразился Л.И. Брежнев в беседе с генсеком КПЧ А. Дубчеком, «держим, что имеем». Контекст очевиден – и на большее не претендуем! В книге президента Болгарии Ж. Желева «В большой политике» описано, как Болгарская коммунистическая партия без широкой огласки, на пленумах ЦК партии в 1963 г. и в 1974 г. обсуждала поэтапное вхождение своей страны в Советский Союз. Но советские лидеры, сначала Н.С. Хрущев, затем Л.И. Брежнев отказались от внешне заманчивой геополитической акции присоединения к СССР Болгарии в качестве 16-й республики. Все коммунистические правители после Л.И. Брежнева также не имели собственных инновационных геополитических идей и просто стремились сохранить влияние СССР в мире. Наиболее продвинут в геополитическом, естественно, в прикладном отношении был Ю.В. Андропов, но судьба не оставила ему времени для формирования собственной геополитической стратегии. Но зато свои геополитические «стратегии» предложили его заклятые противники – диссиденты.

Диссидент А. Амальрик в 1969 г. написал эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», в котором сформулировал концепцию будущего СССР с двух позиций. Во-первых, он рассматривает протестное движение, подрывающее основы власти, во-вторых, анализирует внешнеполитические факторы. А. Амальрик считает, что внешняя политика СССР носит идеологический характер, хотя «марксистская доктри-

на» слишком часто кроилась и перекраивалась для текущих нужд, чтобы стать живой идеологией. «СССР, следуя сталинской политике территориальной экспансии и усиления напряжения, максимально расширил сферу своего влияния и тем самым создал для себя потенциальную угрозу. Поскольку существующее сейчас положение в Европе поддерживается только постоянным давлением Советского Союза, то можно полагать, что как только это давление ослабеет или вообще сойдет на нет, в Центральной и Восточной Европе произойдут значительные изменения. По-видимому, воссоединение Германии совпадет с процессом “десоветизации” восточноевропейских стран и значительно ускорит этот процесс» [16]. Не трудно увидеть, что А. Амальрик не только дал оценку идеологической политике СССР, но даже сделал правильный геополитический прогноз.

Идеологическая геополитика СССР подверглась в 1974 г. разоблачительной критике писателем-диссидентом А.И. Солженицыным. В «Письме вождям Советского Союза» он выступил против двух опасностей: войны с Китаем и общей с Западной цивилизацией гибели «в тесноте и смраде изгаженной Земли». Он призвал власти отказаться от идеологии при проведении внешней и внутренней политики. «Не должны мы руководствоваться соображениями политического гигантизма, не должны замышлять о судьбах других полушарий ... Руководить нашей страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождения женщины от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправления школы, детского воспитания, спасения почвы, вод, всей русской природы, восстановления здоровых городов, освоения Северо-Востока, и никакого Космоса, и никаких всемирно-исторических завоеваний и придуманных интернациональных задач» [17]. Не во всём можно согласиться с писателем, но общая оценка идеологической геополитики вполне адекватна.

Геополитические идеи о будущем России и кризисе идеологической геополитики КПСС присутствовали в творчестве А.Д. Сахарова. Он один из инициаторов заключения в 1963 г. Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. В статье «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» он обосновал необходимость конвергенции социалистической и капиталистической систем как основы прогресса и сохранения мира на планете. Особое значение имеет статья «Что должны сделать США и СССР, чтобы сохранить мир», написанная академиком для американского издания Parade (1981). А.Д. Сахаров пишет, что есть серьезнейшие факторы, которые, неконтролируемо взаимодействуя, объективно толкают руководителей ряда государств на опасные действия, а весь мир подводят все ближе к грани катастрофы. Это – экспансия, борьба за расширение сферы влияния – иногда из-за ошибочного понимания обеспечения безопасности (и СССР, и США), главное же – из-за фальшивого и опасного мессианства (СССР). «Правительство СССР должно осознать, что любые попытки изменения сложившегося в мире равновесия, какими бы соображениями они ни прикрывались, – недопустимы. Более того, где-то, где “схвачено лишнее”, необходимо отступить. … партийная власть продолжает традиционную русскую геополитику, но уже во всем мире». Академик А.Д. Сахаров предвидел опасность международного терроризма, и указывал, что «с точки зрения политических последствий – это почти всегда “игра в чужие карты”, и, в конечном счете – чистое разрушение, чистый убыток для судеб людей всего мира, в том числе и для тех, чьи интересы якобы защищаются. Я всегда стоял на этой точке зрения, выступая против терроризма всех направлений, какими бы целями и мотивами ни руководствовались его участники» [18]. Не забывал академик и евразийские идеи, в частности в период перестройки подготовил проект конституции Евразийского союза.

Что великим диссидентам смогли противопоставить советские интеллектуалы? Одним из виднейших официальных теоретиков советской прикладной геополитики был Е.М. Примаков, который входил в группу партийных интеллектуалов (Н.И. Иноземцев, А.Н. Яковлев, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, Г.Х. Шахназаров, Ф.М. Бурлацкий, О.Г. Богомолов, А.С. Черняев – всего около 20 человек). Е.М. Примаков организовал так называемые «ситуационные анализы» – мозговые атаки, проводившиеся лучшими специалистами по разным направлениям внешней политики, руководил исследованиями по направлению «Восток – рубеж 80-х гг.». Его концепция национальных интересов строилась на двух основных положениях: интеграция стран на постсоветском пространстве под руководством Москвы и сдерживание однополярных амбиций США в коалиции с другими государствами. Россию он видел как Евразийский полюс силы, объединяющий в

сфере своего влияния всё постсоветское пространство, успешно извлекавший геополитические выгоды из противоречий между Востоком и Западом. Надо сказать, что евразийские идеи были поддержаны в Европе так называемыми «новыми правыми». В работе Ж. Триара «Евросоветская империя от Владивостока до Дублина» была изложена концепция континентального «большого пространства», включающего Западную, Центральную Европу и Евразию.

Политическая элита эпохи М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, некритически восприняв идею конвергенции Запада и Востока, фактически отказалась не только от социалистического пути развития, но и от целостности евразийской российской цивилизации. В это время отечественная геополитика фактически свелась к сотрудничеству с геополитическими оппонентами – ведущими странами Запада [19]. Сначала влияние СССР – «Большой России» или «советской империи» начало ослабевать в странах Африки, Латинской Америки, Дальнего Востока. Затем произошел отказ КПСС от сотрудничества с коммунистическими партиями Западной Европы, в которых «еврокоммунисты» осуществили переориентацию левых партий от социализма на собственно европейские геополитические реалии. Совершая крупные внешнеполитические просчеты и углубляя внутренний кризис, руководство КПСС потеряло авторитет как в коммунистическом движении, так и на международной арене. Коммунистическая идеологизированная прикладная геополитика явно исчерпала себя и нуждалась в пересмотре.

Пришедший к власти новый генсек КПСС М.С. Горбачев (1984 г.) провозгласил доктрины «нового политического мышления», создания «общеевропейского дома», отказа от «доктрины Брежнева» и полного ухода из Восточной Европы на основе концепции «невмешательства». Геополитика М.С. Горбачева небезосновательно характеризуется в целом ряде научных трудов как некомпетентная или даже «предательская».

А.Г. Дугин вспоминает, как ему объяснял Г.Х. Шахназаров сущность просчета горбачевцев. «Вы знаете, дело в том, что наш анализ перестройки в 80-е годы опирался исключительно на идеологические принципы. Мы искренне верили, что, если снять остроту идеологического противостояния капитализма и социализма, мы минимализируем опасность противостояния двух блоков, снизим возможность и вероятность ядерного конфликта и сделаем благо человечеству. При этом мы были убеждены, что Запад примет наше предложение, исходя из таких же интересов. Чего мы не учитывали, так это того, о чём Вы пишете. То, что существует более глубокое противостояние – геополитическое противостояние двух типов цивилизаций: талассократии и теллурократии, которое глубже, чем идеологическое противостояние капитализма и социализма. Вот этого мы не учли» [20]. Горбачевцы плохо усвоили экспансионистский тезис Г. МакКиндера (1901) «кто *владеет Восточной Европой, тот владеет* Евразией и всем миром», но при этом они забыли гораздо более глубокое предостережение В.И.Ленина о том, что агрессивный и циничный империализм не подлежит перевоспитанию по причине имманентной экспансионистской сущности.

А.Г. Дугин пишет, что Россия не может выбирать между атлантизмом и евразийством, так как она имманентно есть евразийская сила. Этот характер и предопределяет угол рассмотрения ее внутренних геополитических проблем. Определение «русский» имеет для него не этнический, а сугубо геополитический смысл, подчеркивающий связь региона с центральной «континентальной осью» – Москвой [20].

Концепция современной прикладной геополитики в основном избегает мировоззренческих обобщений и футурологических разработок и является по характеру политологически-социологической. Мы солидарны с мнением, что прикладная геополитика предлагает конкретную геостратегию, готовящую принципиальные рекомендации относительно линии поведения государства или политических субъектов в конкретных сферах жизни общества. Она позволяет применить геополитические инструменты и технологии к микропроблемам регионального уровня без основополагающих, но устаревших в современную информационную эпоху принципов борьбы «Суши» и «Моря» и т.п. Пример такого продуктивного анализа дал В. Коровин в книге, где были проанализированы прикладные аспекты геополитики России [21].

Новая геополитическая ситуация была освещена и проанализирована в трудах К. Сорокина, А. Дугина, К. Гаджиева, В. Колосова, М. Мунтяна, В. Дахина, В. Горшенина, Н. Нарочницкой, Ф. Георгиева, И. Яжборовской, А. Воскресенского, Т. Ильшева, Н. Мироненко, Б. Исаева, К. Сивкова, Г.К. Нурышева, В. Дергачева, В.Л Цимбурского, Л.Г. Ивашова, Л.П. Решетникова, Н. Нартова, Н. Старикова и др. Проблемы

геополитических интересов рассматриваются в работах Т.А. Алексеевой, В.В. Желтова, В.В. Ильина, Б.Г. Капустина, А.А. Кара-Мурзы, С.Г. Кара-Мурзы, А.С. Панарина, И.К. Пантина, А.С. Рябова, А.В. Рубцова, А.И. Соловьева, Д.Н. Замятина, В.А. Колосова, В.А. Шаповалова, В.М. Юрченко, Ю.Г. Запрудского, В.Н. Коновалова. Немалое значение в осмыслении роли геополитики имеют работы К.С. Гаджиева, анализирующего место России в новом миропорядке, в процессах на Кавказе. Значительный вектор научного поиска – анализ политико-культурных особенностей идентификационного выбора, представленный в работах Л.М. Дробижевой, В.В. Лапкина, О.Ю. Малиновой, В.И. Пантина, О.В. Поповой, И.С. Семененко, В.А. Тишкова, Л.А. Фадеевой, А.П. Цыганкова. Примечательны докторские диссертации по геоэтнополитике В.А. Семенова и П.В. Чернова, учебное пособие В.В. Жириновского по геэтнополитологиии. Проблемы евразийской интеграции в связи с образованием Евразийского союза находятся в центре внимания многих исследователей [22]. Заметным явлением стала геоэкономика, которой вслед за И. Валлерстайном занимается А.И. Неклесса. Прикладная геополитика продуктивно развивается в рамках исторической политологии [23] и политической регионалистики [24] на основе активного использования проблемно-хронологического подхода [25], широкого комплекса геополитических понятий, таких как геополитическая эпоха, национальные интересы, идея и идеология, геостратегия, политические системы и режимы, политические элиты и лидеры, этнополитические конфликты, локальные цивилизации, электоральная география [23].

Геоэтнополитическое направление получило в недавнем прошлом, как это не удивительно, практическое развитие в Украине, где обосновали концепцию особой роли географических условий для жизнедеятельности и политической активности этнонациональных общностей и групп, а также концепцию структурной уравновешенности геоэтнополитических процессов как определяющего фактора бесконфликтного развития. Украинскими авторами поставлена проблема моделирования основных соотношений и связей в территориально-этнополитической системе путем последовательного анализа этнонациональных параметров структуры территориального устройства государства. Однако эти исследователи не смогли сделать логичные выводы и сформулировать предложения формирования федерации регионов с серьезными отличиями по этногеографическим критериям.

В первую очередь это относится к проблеме Крыма. Украинские авторы закрыли глаза на историческую принадлежность Крыма к России и к русскому миру. Они не смогли понять, что Крым и особенно Севастополь являются опорными пунктами российской цивилизации и государственности. Отказ националистической элиты Украины, вставшей под знамена национал-фашистской бандеровщины, использовать во внутренней и внешней политике весь реальный спектр исторических политико-географических и складывающихся новых геополитических факторов, создал условия для новых гражданских конфликтов.

В связи с украинским и крымским кризисами 2014–2017 гг. прикладная геополитика получила мощный импульс развития. Российские и украинские исследователи, как это ни странно, сошлись в том, что в основе современной политической системы на Украине находятся не только классические политические институты, но прежде всего специфическая цивилизационно-геополитическая идентичность. Различия в позициях заключаются в моральной оценке процесса смены вектора развития этой идентичности – с российско-евразийского на западно-европейский [26].

Таким образом, в рамках отечественной политической практики шло латентное развитие прикладной геополитики в течение дореволюционного времени и всего советского периода, включая русскую эмиграцию. Полученный опыт в сочетании с заимствованными современными западными геополитическими теориями позволяет сегодня предметно и конкретно осуществлять прикладной макро- и микросистемный анализ, может позволить учесть прошлые просчеты и эффективнее укреплять стратегические позиции и геополитические преимущества России.

Литература и примечания

1. *Дугин А.Г.* Геополитика. М., 2012. URL: http://katehon.com/node/17214#entity-56 (дата обращения: 25.02.2018).

2. См.: *Кислицын С.А., Петрова С.В., Репинская О.В.* Проблемы прикладной геополитики Евразии / под. общ. ред. С.А. Кислицына. М. : ЛЕНАНД, 2016. 416 с.

3. *Бауман Г.Г.* Статья Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы. 80 лет спустя» // Из полити-

ческой истории Нидерландов: статьи, воспоминания, письма. М. : URSS, 2016. С. 160–188.

4. *Ополев В.Г.* История советско-китайских отношений. URL: http://tank.uw.ru/books/opolev/soviet-chinese-history-27/ (дата обращения: 02.02.2018).

5. *Садовников (Федотов) Г.П.* Социалистическая альтернатива Марксу. Жизнь богаче догм. URL: http://www.eifgaz.ru/sadovnikov30-11.htm (дата обращения: 02.02.2018).

6. Коммунистический Интернационал. VI Конгресс. Стенографический отчет. Вып. 1. М.; Л. : ГИЗ, 1929. 633 с.

7. Коммунистический Интернационал. Исполком. Пленум X. Стенографический отчет. М. : ГИЗ, 1929. 470 с.

8. Руководителями отдела в сталинский период были известные деятели Г.М. Димитров, М.А. Суслов. В дальнейшем – Б.Н. Пономарев, А.Ф. Добрынин, В.М. Фалин. После Венгерского восстания 1956 г. связь с правящими компартиями была поручена «Отделу по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран» во главе с Ю.В. Андроповым.

9. *Зюганов Г.А.* География Победы. М. : Партийная печать КПРФ, 1997. 304 с.

10. *Кислицын С.А., Магомадов С.С.* Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе. Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2011. 355 с.

11. *Мунтян М.А.* Геополитика и геополитическое мышление (история и современность) : курс лекций. М. : Финансовый контроль, 2002. 178 с.

12. Кстати, его дочь Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук, профессор, известный ученый, общественно-политический деятель, православный идеолог, крупный специалист по современной геополитике и общим проблемам международных отношений.

13. В.Ю. Ермолаев считает, что по своим философским взглядам, подходу к историческому материалу, методам работы с этим материалом они не являлись единомышленниками, хотя и симпатизировали одной и той же историко-географической концепции, касающейся Евразии. Минимально повлияв на теорию этногенеза Л.Н. Гумилева в содержательном и методологическом смысле, «евразийство» П.Н. Савицкого оказало огромное, системообразующее влияние на мироощущение и ценностные установки самого Л.Н. Гумилева. *Ермолаев В.Ю.* Был ли Л.Н. Гумилев учеником П.А. Савицкого? (по материалам писем Л.Н. Гумилева. 1956–1961) // Вестн. Пермского ун-та. 2013. История. Вып. 1 (21). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/byl-li-l-n-gumilev-uchenikom-p-n-savitskogo-po-materialam-pisem-l-n-gumileva-1956-1961 (дата обращения: 20.02.2018).

14. *Лавров С.Б.* Евразийство: современность концепции // Москва Соборная. 1999. № 10. URL: http://gumilevica.kulichki.net/LSB/lsb2004.htm (дата обращения: 20.02.2018).

15. А.Г. Дугин доказывает, что в России и СССР действовал некий секретный малочисленный «орден Евразии», который противостоял «ордену Атлантистов». Вся политическая история СССР и РФ рассматривается через призму борьбы тайных членов этих оккультных организаций – высших руководителей страны. Поскольку в статье отсутствует доказательная база, то приводимые автором «факты» не вовлечены в научный оборот. См.: *Дугин А.Г.* Конспирология. Великая война континентов. URL: http://arcto.ru/article/ 64 (дата обращения: 17.02.2018).

16. *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Библиотека «Вѣхи». 2004. URL: http://www.vehi.net/politika/amalrik.html (дата обращения: 20.02.2018).

17. *Солженицын А.И.* Письмо вождям Советского Союза. Париж : YMCA-PRESS, 1974. URL: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_letter.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 20.02.2018).

18. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_42.html (дата обращения: 20.02.2018).

19. *Сивков К.В.* Геополитика СССР и России. URL: http://akademiagp.ru/ (дата обращения: 20.02.2018).

20. URL: http://poznavatelnoe.tv/dugin_geopolitika_razvala_ussr (дата обращения: 20.02.2018).

21. *Коровин В.М.* Накануне империи. Прикладная геополитика и сетевые войны. М. : Алгоритм, 2015. 272 с.

22. *Мансуров Т.* Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. К 20-летию евразийского проекта. 1994–2011. М. : Реал-Пресс, 2011. 320 с.

23. Российская историческая политология / отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. 608 с.

24. *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. М. : ГУ ВШЭ, 2006. 792 с.

25. *Стариков Н.В.* Традиционализм и реформизм в советском политическом пространстве. Формы и функции.1953–1991. Ростов н/Д. : ЮФУ, 2016. 187 с.

26. *Кислицын С.А.* Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и Крыма в период борьбы за реинтеграцию Крымской Автономной республики в Российскую Федерацию // Власть. 2016. № 8. С. 48–54.

References

1. Dugin A.G. *Geopolitika* [Geopolitics]. Moscow, 2012. Available at: http:// katehon.com/node/17214#entity-56 (accessed 25.02.2018).

2. See in: Kislitsyn S.A., Petrova S.V., Repinskaya O.V. *Problemy prikladnoi geopolitiki Evrazii* [Problems of applied geopolitics of Eurasia]. Ed. by S.A. Kislitsyn. Moscow: LENAND, 2016, 416 p.

3. Bauman G.G. [Lenin's Article "On the Slogan of the United States of Europe. 80 years Later"]. *Iz politicheskoi istorii Niderlandov: stat'i, vospominaniya, pis'ma* [From the Political History of the Netherlands: Articles, Memoirs, Letters]. Moscow: URSS, 2016, pp. 160-188.

4. Opolev V.G. *Istoriya sovetsko-kitaiskikh otnoshenii* [History of Soviet-Chinese Relations]. Available at: http://tank.uw.ru/books/opolev/soviet-chinese-history-27/ (accessed 02.02.2018).

5. Sadovnikov (Fedotov) G.P. *Sotsialisticheskaya al'ternativa Marksu. Zhizn' bogache dogm* [Socialist Alternative to Marx. Life is Richer than Dogmas]. Available at: http://www.eifgaz.ru/sadovnikov30-11.htm (accessed 02.02.2018).

6. *Kommunisticheskii Internatsional. VI Kongress.* [The Communist International. 6th Congress]. Verbatim Report. Issue 1. Moscow; Leningrad: GIZ, 1929, 633 p.

7. *Kommunisticheskii Internatsional. Ispolkom. Plenum X.* [The Communist International. Executive Committee. Plenum 10th]. Verbatim Report. Moscow: GIZ, 1929, 470 p.

8. Leaders of the department in the Stalin period were well-known figures of G.M. Dimitrov, M.A. Suslov. In the future - B.N. Ponomarev, A.F. Dobrynin, V.M. Falin. After the Hungarian uprising in 1956, communication with the ruling communist parties was entrusted to the "Department for Relations with the Communist and Workers' Parties of the Socialist Countries", headed by Yu.V. Andropov.

9. Zyuganov G.A. *Geografiya Pobedy* [Geography of Victory]. Moscow: Partiinaya pechat' KPRF, 1997, 304 p.

10. Kislitsyn S.A., Magomadov S.S. *Politicheskaya vlast' i povstancheskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze* [Political Power and the Rebel Movement in the North Caucasus]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKAGS, 2011. 355 p.

11. Muntyan M.A. *Geopolitika i geopoliticheskoe myshlenie (istoriya i sovremennost')* [Geopolitics and Geopolitical Thinking (history and modernity)]. Course of lectures. Moscow: Finansovyi kontrol', 2002, 178 p.

12. By the way, his daughter N.A. Narochnitskaya is a doctor of historical sciences, a professor, a well-known scientist, public figure, an Orthodox ideologist, a major specialist in modern geopolitics and general problems of international relations.

13. V.Yu. Ermolaev believes that according to his philosophical views, the approach to historical material, the methods of working with this material, they were not like-minded people, although they sympathized with the same historical and geographical concept relating to Eurasia. Minimally affecting the theory of ethnogenesis, L.N. Gumilev in a meaningful and methodological sense, "Eurasianism" P.N. Savitsky had a huge, system-forming influence on the attitude and values of L.N. Gumilev. Ermolaev V.Yu. Byl li L.N. Gumilev uchenikom P.A. Savitskogo? (po materialam pisem L.N. Gumileva. 1956–1961) [Was L.N. Gumilev is a apprentice of P.A. Savitsky? (based on the letters of L.N. Gumilev. 1956-1961)]. *Vestn. Permskogo un-ta. Istoriya.* 2013, Iss. 1 (21). Available at: http:// cyberleninka.ru/article/n/byl-li-l-n-gumilev-uchenikom-p-n-savitskogo-po-materialam-pisem-l-n-gumileva-1956-1961 (accessed 20.02.2018).

14. Lavrov C.B. Evraziistvo: sovremennost' kontseptsii [Eurasianism: Modernity of the Concept]. *Moskva Sobornaya.* 1999, No. 10. Available at: http:// gumilevica. kulichki.net/LSB/lsb2004.htm (accessed 20.02.2018).

15. A.G. Dugin proves that in Russia and the USSR there was a secret "Order of Eurasia", which opposed the "Order of the Atlantists". The entire political history of the USSR and the Russian Federation is viewed through the prism of the struggle of the secret members of these occult organizations, the highest leaders of the country. Since there is no evidentiary basis in the article, the "facts" cited by the author are not involved in scientific circulation. See: Dugin A.G. *Konspirologiya. Velikaya voina kontinentov* [Conspiracy. The Great War of the Continents]. Available at: http://arcto.ru/article/64 (accessed 17.02.2018).

16. Amal'rik A. Prosushchestvuet li Sovetskii Soyuz do 1984 goda? [Will the Soviet Union exist before 1984?]. *Biblioteka "Vekhi"*. 2004. Available at: http:// www. vehi.net/politika/amalrik.html (accessed 20.02.2018).

17. Solzhenitsyn A.I. *Pis'mo vozhdyam Sovetskogo Soyuza* [Letter to the Leaders of the Soviet Union]. Paris: YMCA-PRESS, 1974. Available at: http:// www.lib.ru/ PROZA/SOLZHENICYN/s_letter.txt_with-big-pictures. html (accessed 20.02.2018).

18. Available at: http://www.sakharov-archive.ru/ Raboty/Rabot_42.html (accessed 20.02.2018).

19. Sivkov K.V. *Geopolitika SSSR i Rossii* [Geopolitics of the USSR and Russia]. Available at: http://akademiagp.ru/ (accessed 20.02.2018).

20. Available at: http:// poznavatelnoe.tv/dugin_ geopolitika_razvala_ussr (accessed 20.02.2018).

21. Korovin V.M. *Nakanune imperii. Prikladnaya geopolitika i setevye voiny* [On the Eve of the Empire. Applied Geopolitics and Network Wars]. Moscow: Algoritm, 2015, 272 p.

22. Mansurov T. *Evraziiskii proekt Nursultana Nazarbaeva, voploshchennyi v zhizn'. K 20-letiyu evraziiskogo proekta. 1994–2011* [Eurasian project of Nursultan Nazarbayev, embodied in life. To the 20th anniversary of the Eurasian project. 1994-2011]. Moscow: Real-Press, 2011, 320 p.

23. *Rossiiskaya istoricheskaya politologiya* [Russian Historical Political Science]. Ed. by S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don: Feniks, 1998, 608 p.

24. Turovskii R.F. *Politicheskaya regionalistika* [Political Regionalism]. Moscow: GU VShE, 2006, 792 p.

25. Starikov N.V. *Traditsionalizm i reformizm v sovetskom politicheskom prostranstve. Formy i funktsii.1953–1991* [Traditionalism and Reformism in the Soviet Political Space. Forms and Functions. 1953-1991]. Rostov-on-Don: YuFU, 2016, 187 p.

26. Kislitsyn S.A. Politicheskoe znachenie deyatel'nosti grazhdanskogo obshchestva Sevastopolya i Kryma v period bor'by za reintegratsiyu Krymskoi Avtonomnoi respubliki v Rossiiskuyu Federatsiyu [Political Significance of the Civil Society of Sevastopol and Crimea in the Period of Struggle for the Reintegration of the Crimean Autonomous Republic into the Russian Federation]. *Vlast'*. 2016, No. 8, pp. 48-54.

Поступила в редакцию / Received ***5 апреля 2018 г. / April 5, 2018***

УДК 327 DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-108-116

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ[1]

© 2018 г. Д.И. Узнародов [a], И.М. Узнародов [b]
[a] Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия,
[b] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

POLITICS OF THE EUROPEAN UNION IN THE BLACK SEA REGION IN THE CONTEXT OF RELATIONS WITH RUSSIA

D.I. Uznarodov [a], I.M. Uznarodov [b]
[a] Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia,
[b] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Узнародов Дмитрий Игоревич –
кандидат политических наук, научный сотрудник, лаборатория казачества,
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Dmitry I. Uznarodov -
Candidate of Political Sciences, Researcher,
Laboratory of Studying of Cossacks,
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Узнародов Игорь Миронович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой экономики, политики и глобализации,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: iguz2010@yandex.ru

Igor M. Uznarodov -
Doctor of History, Professor,
Head of the Department of World Economics, Politics and Globalization,
Rostov State University of Economics,
Bolshaya Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: iguz2010@yandex.ru

Рассматривается политика Европейского Союза в Черноморском регионе в XXI в. как часть его общей политики на постсоветском пространстве и анализируется на примере её основных составляющих – Европейской политики соседства, Восточного партнёрства, а также с учётом политики на Южном Кавказе. Определяются причины ухудшения отношений между Россией и Евросоюзом в связи с политикой последнего в Черноморском регионе. Обращается внимание на то, что это произошло после активизации политики ЕС на постсоветском пространстве и неизбежно вступало в противоречие с приоритетами внешней политики Российской Федерации. Несмотря на проведение достаточно активной политики, Евросоюзу не удалось вовлечь в свою орбиту все государства региона. И сегодня ЕС продолжает борьбу за стратегическое влияние в регионе. Поэтому сохраняются серьёзные противоречия между Россией и Евросоюзом, в связи с чем не стоит ожидать улучшения отношений между ними в ближайшем будущем.

Ключевые слова: *Европейский Союз, Россия, Черноморский регион.*

The article considers the policy of the European Union in the Black sea region in the 21th century as a part of the general policy of the EU in the post-Soviet space. The policy in the region is analyzed by the example of its main components - the European neighborhood policy, the Eastern partnership, as well as taking into account the policy in the South Caucasus. The article also discusses reasons for the deterioration of relations between Russia and European Union in connection with the policy of the EU in the Black sea region. Attention is drawn to the fact that it happened after the activation of the EU policy in the post-Soviet space, what inevitably came into conflict with foreign policy priorities of Russian Federation. It is concluded that in spite of a fairly active policy in the region, the European Union failed to involve in its orbit all states of the region. It is noted that today the EU continues to struggle for strategic

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г., № государственной регистрации проекта 01201354248.

influence in the region. Therefore, there remain serious contradictions between Russia and the European Union, and therefore we should not expect the improving relations between them in the near future.

Keywords: *European Union, Russia, the Black Sea region.*

Отношения Европейского Союза и России имеют особо важное значение для европейского континента в XXI в. Даже с учётом их существенного ухудшения и введённых обоюдных санкций ЕС остаётся на первом месте в качестве торгового партнёра России и инвестора в российскую экономику. Россия же по-прежнему является третьим по значению торгово-экономическим партнёром ЕС. Что касается политического диалога, то он также сохраняет свою актуальность в плане ответа на вызовы XXI в., включая решение проблем европейской безопасности и международного терроризма.

В то же время ухудшение двусторонних отношений имеет многофакторный характер и связано это не только с кризисом на Украине. В частности, свой вклад в такое развитие ситуации внесли новые внешнеполитические задачи ЕС на востоке Европы и в Черноморском регионе, решение которых серьёзно затронуло жизненные интересы России. Цель статьи – рассмотреть, как политика ЕС в Черноморском регионе в XXI в. повлияла на отношения с Россией.

В 1990-е гг. ЕС проявил повышенное внимание к Черноморскому региону, которое объяснялось его географическим расположением на пути к ресурсам энергоносителей государств Каспийского региона, Центральной Азии и Ирана. Тогда же было положено начало проектам создания транспортного коридора из Европы в Центральную Азию, появились планы строительства нефте- и газопроводов [1, с. 375–379]. Однако до крупных экономических проектов дело не дошло, а черноморское направление международной политики ещё не стало в то время достаточно значимым для Брюсселя.

В те же годы весьма успешно развивались отношения России и ЕС. Важнейшим результатом стало подписание Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве (СПС) в 1994 г. В дальнейшем, несмотря на имевшиеся проблемы, возникла идея стратегического партнёрства и создания четырёх общих пространств углублённого сотрудничества [2]. Конечно, взаимодействие Евросоюза с Россией предполагало, что её интересы на постсоветском пространстве будут учитываться.

После дезинтеграции СССР постсоветское пространство приобрело особую важность для новой России. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» (1993) в качестве приоритета рассматривалось формирование принципиально новых, равноправных и взаимовыгодных отношений России с участниками СНГ и другими государствами ближнего зарубежья. Это считалось одним из основных направлений внешнеполитической деятельности и важнейшим условием нормального развития России [3, с. 19–50]. Данный подход основывался на существовании советского военно-стратегического и социально-экономического пространства, хозяйственных взаимоотношениях и связях между регионами. В результате дезинтеграции значительное число российских граждан оказалось за пределами своей страны, а многие предприятия России сохранили партнёров, которые теперь представляли новые независимые государства.

В документе также подчёркивалось, что некоторые соседние государства пытаются использовать распад СССР для укрепления своих позиций, для подготовки планов формирования неких общностей под национальным или религиозным знаменем. Соответственно возникала угроза безопасности России, её экономическим интересам, а также интересам россиян, проживавших в бывших советских республиках [3, с. 26–27].

В 2000 г. в связи с избранием В.В. Путина Президентом Российской Федерации была принята новая «Концепция внешней политики Российской Федерации», в которой в числе приоритетов сразу после подтверждения важности развития добрососедских отношений и стратегического партнёрства со всеми государствами-участниками СНГ, говорилось об отношениях с европейскими государствами как традиционном приоритетном направлении внешней политики России, подчёркивалось ключевое значение отношений с ЕС. В последнем видели одного из важнейших политических и экономических партнёров, с которым Россия планировала интенсивное, устойчивое и долгосрочное сотрудничество, лишенное конъюнктурных колебаний [3, с. 109–121].

В сентябре 2001 г., выступая в Берлине перед депутатами бундестага, В.В. Путин подтвердил, что европейское направление не случайно поставлено на второе место в ряду приоритетов

российской внешней политики. Он отметил, что Европа сможет надолго укрепить репутацию мощного и самостоятельного центра мировой политики, если объединит свои людские, территориальные и природные ресурсы с экономическим, культурным и оборонным потенциалом России. Депутаты встретили его слова аплодисментами [4, с. 454].

В мае 2003 г. была одобрена идея создания четырёх общих пространств углубленного сотрудничества Евросоюза и России, а через два года согласованы «дорожные карты», предполагавшие создание общих пространств экономики, свободы, безопасности и правосудия, внешней безопасности, науки, образования и культуры. Так была заложена основа для стратегического партнёрства [5].

Однако примерно в то же время начинается торможение в развитии политического и стратегического взаимодействия России и ЕС. Последний оказался перед выбором: или углублять сотрудничество с нашей страной, создавать к взаимной выгоде общие европейские пространства, или отдать предпочтение экономической и политической экспансии в бывшие советские республики и бывшие социалистические государства (путем их приёма в ЕС). Выбор сделали в пользу второго варианта, хотя он явно не учитывал ни экономических, ни геополитических интересов России. Представляется, что не последнюю роль в этом решении сыграла позиция руководства США, которое не пожелало принять независимый курс нашей страны на международной арене [6, с. 237–238].

В 2003 г. Евросоюз обнародовал Европейскую стратегию безопасности, содержавшую существенные изменения в международной деятельности ЕС в связи с его предстоящим расширением. В Стратегии говорилось о том, что, объединяя 25 государств с населением более 450 млн человек, производящих четверть мирового национального продукта, ЕС неизбежно становится глобальным игроком, и соответственно должен быть готов разделить ответственность за безопасность в мире и его лучшее будущее.

В документе обращалось внимание на то, что расширение ЕС, намечавшееся на 2004 г., приближает объединение к кризисным регионам. Поэтому одной из основных задач становилось создание к востоку от Евросоюза и вдоль его границ в Средиземноморье кольца хорошо управляемых стран, с которыми он мог бы поддерживать отношения тесного сотрудничества [7, с. 29–36]. Соответственно предполагалось изменить и политику в отношении государств Черноморского региона.

К сожалению, после расширения ЕС его отношения с Россией вступили в стадию застоя. К тому же, по мнению Н.П. Шмелёва и В.П. Фёдорова, Евросоюз разделил страны на своих и чужих, и Россия оказалась во второй группе [8, с. 42]. Данное обстоятельство соответствовало происходившим на международной арене изменениям.

В интервью итальянскому научно-политическому журналу «Лимес» известный ученый и эксперт в области международных отношений С.А. Караганов отметил, что в условиях уходящей однополярной системы в мире, Запад был готов удержать свои рушившиеся позиции любой ценой. В России первого десятилетия XXI в. стало ясно, что договориться по-хорошему о прекращении неовеймарской экспансии западных союзов на территории, считавшиеся в Москве жизненно важными с точки зрения безопасности, не удастся. Поэтому Россия подготовилась – провела успешную военную реформу и на словах, и делами заявила, что порядков, установленных Западом в 1990-х гг., она не потерпит [9].

Сразу после расширения Евросоюз разработал и одобрил в мае 2004 г. новую стратегию, получившую название «Европейская политика соседства» (ЕПС) [10], которая предусматривала взаимодействие со странами-соседями с целью создания зоны безопасности и благосостояния на границах ЕС, а также повышение значимости роли Союза в урегулировании региональных конфликтов. Предполагалась финансовая поддержка ЕПС с целью развития рыночной экономики и создания привлекательного для европейских инвесторов бизнес-климата. В сферу действия новой политики включались Белоруссия, Молдавия, Украина, Азербайджан, Армения, Грузия, а Болгария, Румыния и Турция считались кандидатами на вступление в Союз.

После вступления в ЕС Болгарии и Румынии в январе 2007 г. политика Союза в Черноморском регионе начала приобретать новые очертания, о чём в первую очередь свидетельствовал документ Европейской Комиссии под названием «Черноморская синергия». Он дополнял ЕПС, но его содержание во многом повторяло программу деятельности Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Новым было заявленное намерение выстраивать

особые отношения с Арменией, Азербайджаном и Грузией [11].

Синергетический подход новой стратегии состоял в том, что включал в себя три основных направления: 1) отношения с Турецкой республикой как кандидатом на вступление в ЕС; 2) отношения со странами постсоветского пространства, в частности с Азербайджаном, Арменией, Грузией, Молдавией и Украиной; 3) политика, направленная на установление стратегического партнерства с Россией [12]. Фактически в рамках синергетического подхода существовало и четвертое звено стран (Болгария, Греция, Румыния), основная задача которых как членов ЕС состояла в активной помощи в воплощении в жизнь заложенных в рамках выработанной стратегии инициатив.

Что касается направления Черноморской синергии, затрагивающего отношения ЕС и Турции, то его особая значимость была связана с наступившим в 2007 г. определенным периодом «охлаждения» в турецко-европейских отношениях. Германия и Франция выступили против вступления Турции в ЕС. В январе 2007 г. Николя Саркози в статусе кандидата в президенты заявил: «У Европы есть определенные границы, и далеко не все страны могут стать ее полноправными членами, это касается и Турции, которой нет места в Евросоюзе; безграничное расширение ЕС может привести к разрушению европейского политического союза» [13]. В качестве альтернативы был предложен вариант так называемого «привилегированного партнерства», не устроивший турецкие власти. Также можно было наблюдать снижение процента турецких граждан, поддерживающих курс на присоединение к ЕС с 75 до 20 % в период с 2007 по 2015 г. [14]. В январе 2015 г. представители турецкой политической элиты, в частности президент страны Реджеп Тайип Эрдоган, вице-премьер Бюлент Арындж, а также министр по делам ЕС Волкан Бозкыр заявили об отсутствии у Турецкой республики интереса к вопросу вступления в ЕС. Критике подвергся и формат переговоров, предлагаемый ЕС [14]. Крайне важный аспект состоит в том, что ЕС является крупнейшим торговым партнером Турции, а европейские инвестиции занимают более 70 % от всего объема прямых иностранных инвестиций в турецкую экономику. Объем двусторонней торговли составляет более 120 мрлд евро в год, а в случае присоединения Турции к Союзу может увеличиться еще больше [15].

Одними из традиционных «камней преткновения» в отношениях ЕС и Турции являются вопросы признания геноцида армян в Османской империи в 1915 г., а также вопрос Северного Кипра, на территории которого с 1974 г. находятся турецкие военные формирования. Следует отметить, что, несмотря на наличие двух вышеназванных проблемных для переговорного процесса вопросов, существуют вопросы более глубинного и сложного характера, оказывающие непосредственное влияние на перспективу вступления Турецкой республики в ЕС. Прежде всего речь идет о постепенном переходе Турции за последние 30 лет к политической доктрине «неоосманизма», основная идея которой состоит в установлении более тесного сотрудничества с бывшими колониями Османской империи, а также в проведении политики, направленной на интеграцию тюркоязычных и арабских государств. Что касается внутренней политики, то здесь доктрина «неоосманизма» находит свое проявление, в частности, в наличии в паспорте страны графы о религиозной принадлежности, а также увеличении количества специальных исламских школ за последние два десятилетия [15].

Последний «виток напряженности» в отношениях Турции и ЕС датирован летом 2016 г., когда в Турецкой республике произошла попытка государственного переворота, не увенчавшаяся успехом. В результате вооруженного мятежа погибли 238 чел., ранения получили около 3 тыс. чел., арестовано было 13 тыс. чел., что вызвало критику ЕС в отношении реакции турецких властей на происходящие события [16]. Впоследствии Эрдоган неоднократно высказывался о необходимости восстановления в стране смертной казни, что также вызвало жесткую критику со стороны ЕС. Перспективы вступления Турции в ЕС и введение безвизового режима между ЕС и Турцией практически свелись к нулю.

Немаловажное значение также имеет вопрос сотрудничества ЕС и наиболее крупного международного объединения «большого Причерноморья» – Организацией Черноморского экономического сотрудничества. В июне 2007 г. по итогам Стамбульского саммита ЧЭС Европейская комиссия получила статус наблюдателя в организации. Кроме того, была принята совместная декларация, согласно которой лидеры государств-членов ОЧЭС подчеркнули «важность установления стратегических отношений между

двумя организациями» [17]. 14 февраля 2008 г. в Киеве, в период председательства Украины в ОЧЭС, состоялось заседание Совета министров иностранных дел организации, а также совместная встреча глав внешнеполитических ведомств ЕС и ЧЭС. По итогам данных мероприятий Черноморская синергия была признана ключевым инструментом в укреплении сотрудничества в Причерноморском регионе. Также было принято итоговое заявление, в рамках которого государства-члены ОЧЭС выступили за установление более тесного сотрудничества между двумя организациями в различных сферах. Единственным государством, не поддержавшим заявление, стала Россия, высказавшаяся за более значимую роль ОЧЭС на основе равноправного диалога с Евросоюзом.

С самого начала стало ясно, что ОЧЭС отводится роль объекта региональной политики ЕС, а не равноправного партнёра. Россия предлагала сотрудничество преимущественно в экономической сфере, а ЕС считал необходимым уделить больше внимания урегулированию так называемых «замороженных конфликтов» в Абхазии и Южной Осетии. Таким образом, взаимодействие в рамках Большого Причерноморья превратилось в проблемный вопрос в отношениях России и Евросоюза, а представители России отказались подписать предложенное ЕС «Совместное заявление» в качестве общей инициативы [18]. В результате западноевропейская дипломатия взяла курс на углубление отношений со странами региона без нашей страны.

Позднее своё отношение к Черноморскому региону выразил и Европейский парламент. 20 января 2011 г. его депутаты одобрили резолюцию о стратегии ЕС в отношении Черноморского региона. Основная цель стратегии – усиление влияния в регионе путём интеграции с входящими в него странами. В документе отмечалась недостаточная активность Еврокомиссии в регионе, но при этом подчёркивалось его стратегическое значение, а само Чёрное море объявлялось «частично внутренним» для Евросоюза.

Особое внимание в заявлении отведено проблемам безопасности в Черноморском регионе. Конфликты в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье названы «главными вызовами безопасности для всех стран черноморского побережья». Исходя из этого, парламентарии призывали руководство ЕС взять на себя ведущую роль в переговорах и миротворческих процессах, направленных на урегулирование этих конфликтов. При этом Абхазия и Южная Осетия в тексте стратегии обозначены как «оккупированные территории», что нельзя расценить иначе как выпад в сторону Российской Федерации, признавшей их независимость. Примерно так же можно оценить и выраженную в заявлении обеспокоенность Европарламента продлением пребывания российского флота в Крыму [19].

В свете вышесказанного следует подчеркнуть, что Чёрное море в силу своего географического положения на протяжении многих веков было зоной особых интересов России, и по мере возрастания геополитической, экономической и энергетической роли Черноморского региона, его значимость для нашей страны только усиливалась.

Поэтому в России документы разных органов ЕС, касавшиеся Черноморского региона, воспринимались настороженно. Ведь согласно «Концепциям внешней политики Российской Федерации» (2008 и 2013 годов) главным приоритетом для нашей страны по-прежнему оставалось постсоветское пространство, включавшее и данный регион [20, 21].

Представляется, что за декларациями о необходимости поощрения экономических реформ и демократии в странах-партнёрах, которыми сопровождалась активность ЕС, стояло стремление Брюсселя вывести постсоветские государства из сферы российского влияния и осуществить геоэкономическую экспансию на их территории.

В конечном итоге попытки ЕС утвердить своё стратегическое влияние в Черноморском регионе стали одной из причин роста политической напряжённости на Украине. Это проявилось в поддержке произошедшего там государственного переворота в феврале 2014 г. и привело к резкому обострению отношений между Россией и странами Запада, за которым последовали взаимные санкции. Одновременно с началом украинского кризиса западные средства массовой информации организовали масштабную антироссийскую кампанию, напомнившую худшие времена холодной войны.

Следует отметить, что параллельно формированию политики ЕС в Черноморском регионе на Западе разворачивалась антироссийская кампания. Под давлением американских стратегов антироссийский курс получал всё большую поддержку в странах-членах ЕС. Активизировалась деятельность группировки ГУАМ, созданной в 1999 г. по инициативе Вашингтона в составе Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии.

Несмотря на ухудшение отношений с Россией, руководители Евросоюза продолжили наращивать активность на восточном направлении, хотя не могли не понимать, что тем самым они не только затрагивают интересы России, но вступают в прямое противоборство с ней на территории, которая раньше не относилась к приоритетам политики ЕС.

Следующим шагом на этом пути стал проект «Восточное партнёрство», одобренный в 2009 г. и продолживший «Европейскую политику соседства». Официальной целью проекта провозглашалось создание условий для политической и экономической интеграции Евросоюза с Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной. В случае успешного проведения соответствующих реформ планировалось заключать двусторонние соглашения, которые должны были способствовать интеграции стран-участниц в европейское пространство. В перспективе предлагалась возможность переговоров по новому Соглашению об ассоциации с ЕС [22].

В рамках проекта предполагалось включить в сферу влияния ЕС Калининградскую область, а также определить меры по организации альтернативного энергоснабжения. Российские дипломаты и эксперты расценили эти планы как попытку ослабить позиции России в Восточной Европе и вывести страны СНГ из-под российского влияния [23, с. 380–397].

С.А. Забелин отмечает, что в связи с мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. «Восточное партнёрство» не получило сначала реальной поддержки. Но после продвижения проекта «Южный коридор» (поставки каспийского газа в Европу через Турцию, минуя Россию), Евросоюз снова вернулся к этой идее. На европейском саммите Восточного партнёрства, который прошёл в 2011 г. в Варшаве, отметили наметившийся прогресс в экономическом сотрудничестве ЕС и стран-участниц, несмотря на сложности из-за кризиса. На очереди стоял вопрос о создании зоны свободной торговли со странами-участницами [24, с. 46–48].

В июне 2016 г. Брюссель обнародовал Глобальную стратегию ЕС по внешней политике и политике безопасности, в которой чётко обозначены пространственные векторы прямых интересов Евросоюза. На восточном направлении они простираются до Средней Азии включительно. Таким образом ЕС подтвердил свои планы по созданию благоприятной торгово-экономической периферии на постсоветском пространстве. Кстати, территория России также рассматривается в качестве периферии.

В отношении стран «Восточного партнёрства» предполагается использовать соглашения об ассоциации для повышения устойчивости своих восточных соседей и отстаивать их право «свободно определять» свой подход к ЕС. Под устойчивостью понимается способность противостоять нашей стране и способность уйти из сферы её влияния. Получается, что ЕС отказывает России в праве иметь свои интересы на постсоветском пространстве, но сам не скрывает своей заинтересованности в торговле и в ресурсах этих территорий.

Взаимоотношения с Россией представлены в документе как ключевой стратегический вызов для ЕС. Подчеркивается, что Союз «не признает» «незаконной аннексии» Россией Крыма и «не принимает» дестабилизации Восточной Украины. Очевидно, что такая позиция связана с российским сопротивлением планам Евросоюза по продвижению на восток. В то же время ЕС готов к «избирательному взаимодействию» с Россией по вопросам, представляющим взаимный интерес [25].

В 2016 г. в Российской Федерации также была одобрена новая Концепция внешней политики. Её приоритетным направлением осталось развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием. Ключевой задачей считалось углубление и расширение интеграции в рамках Евразийского экономического союза, в том числе с Республикой Армения. В числе российских приоритетов осталось содействие становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению.

Взаимодействие России с партнерами в Черноморском и Каспийском регионах планировалось строить с учетом приверженности целям и принципам Устава ОЧЭС, а также с учетом необходимости укрепления механизма сотрудничества пяти прикаспийских государств на основе коллективно принимаемых ими решений.

В документе отмечалось, что геополитическая экспансия, осуществляемая НАТО и Евросоюзом при нежелании приступить к реали-

зации политических заявлений о формировании общеевропейской системы безопасности и сотрудничества, вызвала серьезный кризис в отношениях между Россией и государствами Запада. При этом российская политика в Евро-Атлантическом регионе в долгосрочной перспективе ориентирована на формирование общего пространства мира, безопасности и стабильности, основанного на принципах неделимости безопасности, равноправного сотрудничества и взаимного доверия [26].

Сравнение основополагающих документов Евросоюза и России в части их политики в отношении стран Черноморского региона позволяет сделать вывод о сохранении серьёзных противоречий и невозможности улучшения отношений между сторонами в ближайшей перспективе. Как отмечают директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко и профессор С. Бископ из Королевского института международных отношений в Брюсселе, в настоящее время Россия представлена на всем коллективном Западе исключительно в негативном контексте как угроза миру и стабильности. Она больше не считается стратегическим партнером Евросоюза, хотя попрежнему признается в качестве стратегического игрока. При этом существует высокая вероятность того, что острая конкуренция и протекционизм будут определять экономические отношения между Россией и ЕС на постсоветском пространстве [27, p. 5].

Итак, активизация ЕС в Черноморском регионе наблюдается после принципиального изменения его курса в пользу политической и экономической экспансии на восток. Тогда же предпринимаются попытки вовлечь в сферу своего влияния независимые государства постсоветского региона. Это происходило и в рамках программы «Европейская политика соседства», и в рамках программы «Восточное партнёрство».

Отношения между Россией и ЕС начали ухудшаться после того, как последний активизировал свою деятельность на постсоветском пространстве. Руководство ЕС не могло не понимать, что такая политика вступает в противоречие с приоритетами внешней политики России. Представляется, что повышенная активность в отношении государств Южного Кавказа наряду с другими факторами повлияла на политические отношения с Россией, способствуя их ухудшению. При этом в условиях усиливающейся конкуренции за влияние в Черноморском регионе в целом и на Южном Кавказе в частности весьма актуальной становится задача разработки цельной стратегии Российской Федерации в регионе, просчитанной на длительную перспективу.

Литература

1. *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М. : Международные отношения, 2003. 464 с.

2. Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 472 с.

3. Внешняя политика и безопасность современной России. 1992–2002 : хрестоматия : в 4 т. / ред.-сост. Т.А. Шаклеина. М. : Московский гос. ин-т междунар. отношений (У) МИД России, Российская ассоциация междунар. исследований, АНО «ИНО-Центр», 2002. Т. 4. 538 с.

4. *Шрёдер Г.* Решения. Моя жизнь в политике: пер. с нем. М. : Европа, 2007. 552 с.

5. Россия – Европейский Союз: на пути к четырём общим пространствам. Доклады Института Европы : в 2 ч. Ч. 1, № 224; ч. 2. № 225 / под ред. Д.А. Данилова. М. : Русский сувенир, 2008.

6. *Узнародов И.М.* Запад после Второй мировой войны: тенденции развития. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. 264 с.

7. Европейская стратегия безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире. Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейских Сообществ, 2009. 43 с.

8. *Шмелёв Н.П., Фёдоров В.П.* Евросоюз – Россия: мера сотрудничества // Доклады Института Европы РАН. № 275. М. : Русский сувенир, 2012. 58 с.

9. La vittoria della Russia e il nuovo concerto delle nazioni // Limes. 2017. № 2. URL: http:// karaganov.ru/content/images/uploaded/44fbfe8472ad2240e43a8b3b9072da08.pdf (дата обращения: 17.04.2018).

10. European Neighbourhood Policy // Strategy Paper. Brussels, 12.05.2004. COM (2004) 373 final. 35 p.

11. Black Sea Synergy. A New Regional Cooperation Initiative. Brussels, 11.04.2007. URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com07_160_en.pdf (дата обращения: 04.04.2018).

12. *Забелин С.А.* Страны Причерноморья в контексте европейской политики соседства // European Geopolitical Forum. 2010. 13 июля. URL: http://gpf-europe.ru/upload/iblock/34c/prichiny-vozniknovenya-zeli-politiky-evropejskogo-soseda.pdf (дата обращения: 12.04.2018).

13. Саркози: Турции нет места в ЕС // Коммерсантъ. 2007. 14 янв.

14. *Хафизоглу Р.* Турцию не интересует вопрос вступления в ЕС, сказал президент страны Реджеп Тайип Эрдоган // Новостное агентство «Trend». 2015. 24 янв. URL: https:// www.trend.az/world/turkey/ 2356772.html (дата обращения: 14.04.2018).

15. ЕС – Турция: тяжелый сон об интеграции // Радио «Свобода». 2013. 21 нояб. URL: https:// www.svoboda.org/a/25174310.html (дата обращения: 11.04.2018).

16. Число задержанных после мятежа в Турции увеличилось до 26 тыс. человек // Росбизнесконсалтинг. 2016. 4 авг. URL: https://www.rbc.ru/ rbcfreenews/57a264db9a794779a4ef7716?from=newsfeed (дата обращения: 11.04.2018).

17. Declaration on the Occasion of the Fifteenth Anniversary Summit of the Black Sea Economic Cooperation. Istanbul, 25.06.2007. URL: http://www. bsecorganization.org/documents/declaration/summit/Reports/ Istanbul%202007.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

18. *Колобов О.А., Краснов Д.В.* «Черноморская синергия» Европейского Союза как новая инициатива регионального сотрудничества // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 2. С. 201–204.

19. European Parliament Resolution of 20 January 2011 on an EU Strategy for the Black Sea – 2010/2087/ (INI). URL: http:// www.europarl.europa.eu/sides/ getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2011-0025& language=HR (дата обращения: 05.04.2018).

20. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008. URL: http://www.kremlin.ru/acts/ news/785 (дата обращения: 03.04.2018).

21. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2013. URL: http://www.mid.ru/foreign_ policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6 BZ29/ content/id/122186 (дата обращения: 03.04.2018).

22. Council of the European Union. Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Prague, 7 May 2009. Brussels, 7 May 2009. 8435/09 (Presse 78). 11 p.

23. Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М. : Весь мир, 2012. 656 с.

24. *Забелин С.А.* Политика ЕС в отношении постсоветских стран Причерноморья // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России / под ред. А.А. Языковой. Доклады Института Европы РАН. № 324. М. : ИЕ РАН, 2016.

25. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Brussels, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 09.04.2018).

26. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2016. URL: http:// www.mid.ru/foreign_ policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/ id/ 2542248 (дата обращения: 03.04.2018).

27. The EU Global Strategy: Implications for Russia / Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Egmont – The Royal Institute for International Relations. Ed. by Olga Potemkina. M., 2017. 90 p.

References

1. Gadzhiev K.S. *Geopolitika Kavkaza* [Geopolitics of Caucasus]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003, 464 p.

2. *Evropeiskii Soyuz na poroge XXI veka: vybor strategii razvitiya* [The European Union is on the Threshold of 21th Century: a Choice of Strategy of Development]. Ed. Yu. A. Borko, O.V. Butorina. Moscow: Editorial URSS, 2001, 472 p.

3. *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii. 1992-2002* [Foreign Policy and Security of Modern Russia. 1992-2002] . Chrestomathy : in 4 vol. Ed. by T.A. Shakleina. Moscow: Moskovskii gos. in-t mezhdunar. otnoshenii (U) MID Rossii, Rossiiskaya assotsiatsiya mezhdunar. issledovanii, ANO "INO-Tsentr", 2002, vol. 4, 538 p.

4. Shreder G. *Resheniya. Moya zhizn' v politike* [Decisions. My Life in Politics]. Tr. from German. Moscow: Evropa, 2007, 552 p.

5. Rossiya – Evropeiskii Soyuz: na puti k chetyrem obshchim prostranstvam. Doklady Instituta Evropy [Russia - European Union: Towards Four Common Spaces. Reports of the Institute of Europe]: in 2 ch. Ch. 1, No. 224; ch. 2, No. 225. Ed. by D.A. Danilov. Moscow: Russkii suvenir, 2008.

6. Uznarodov I.M. *Zapad posle Vtoroi mirovoi voiny: tendentsii razvitiya* [The West after World War II: Development Trends]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2014, 264 p.

7. Evropeiskaya strategiya bezopasnosti. Bezopasnaya Evropa v luchshem mire [European Security Strategy. A Secure Europe in a Better World]. Luxembourg: Byuro ofitsial'nykh publikatsii Evropeiskikh Soobshchestv, 2009, 43 p.

8. Shmelev N.P., Fedorov V.P. Evrosoyuz – Rossiya: mera sotrudnichestva [EU - Russia: a Measure of Cooperation]. *Doklady Instituta Evropy RAN*. No. 275. Moscow, 2012, 58 p.

9. La vittoria della Russia e il nuovo concerto delle nazioni. *Limes*. 2017, No. 2. Available at: http:// karaganov.ru/content/images/uploaded/44fbfe8472ad2240e43a8b3b9072da08.pdf (accessed 17.04.2018).

10. European Neighbourhood Policy. *Strategy Paper*. Brussels, 12.05.2004. COM (2004) 373 final, 35 p.

11. *Black Sea Synergy. A New Regional Cooperation Initiative*. Brussels, 11.04.2007. Available at: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com07_160_en.pdf (accessed 04.04.2018).

12. Zabelin S.A. Strany Prichernomor'ya v kontekste evropeiskoi politiki sosedstva [Black Sea Countries in the Context of European Neighbourhood Policy]. *European Geopolitical Forum*. Available at: http://gpf-europe.ru/upload/iblock/34c/prichiny-vozniknovenya-zeli-politiky-evropejskogo-soseda.pdf (accessed 12.04.2018).

13. Sarkozi: Turtsii net mesta v ES [Turkey Has No Place in the EU]. *Kommersant*. 2007, Jan. 14.

14. Khafizoglu R. Turtsiyu ne interesuet vopros vstupleniya v ES, skazal prezident strany Redzhep Taiip Erdogan [Turkey is not interested in the question of accession to the EU, said the country's President Recep Tayyip Erdogan]. *Trend*. 2015, Jan. 24. Available at: https://www.trend.az/world/turkey/2356772.html (accessed 14.04.2018).

15. ES – Turtsiya: tyazhelyi son ob integratsii [EU – Turkey: a Heavy Sleep on the Integration]. *Svoboda*. 2013, Nov. 21. Available at: https://www.svoboda.org/a/25174310.html (accessed 11.04.2018).

16. Chislo zaderzhannykh posle myatezha v Turtsii uvelichilos' do 26 tys. chelovek [The Number of Detainees after the Revolt in Turkey Increased to 26 Thousand People]. *Rosbizneskonsalting*. 2016, Aug. 4. Available at: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/57a264db9a794779a4ef7716?from=newsfeed (accessed 11.04.2018).

17. *Declaration on the Occasion of the Fifteenth Anniversary Summit of the Black Sea Economic Cooperation*. Istanbul, 25.06.2007. Available at: http://www.bsecorganization.org/documents/declaration/summit/Reports/Istanbul%202007.pdf (accessed 16.04.2018).

18. Kolobov O.A., Krasnov D.V. «Chernomorskaya sinergiya» Evropeiskogo Soyuza kak novaya initsiativa regional'nogo sotrudnichestva ["Black sea synergy" of the European Union as a new initiative of regional cooperation]. *Vestn. Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2009, No. 2, pp. 201-204.

19. *European Parliament Resolution of 20 January 2011 on an EU Strategy for the Black Sea - 2010/2087/(INI)*. Available at: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2011-0025&language=HR (accessed 05.04.2018).

20. *Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii 2008* [Foreign Policy Conception of Russian Federation 2008]. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/news/785 (accessed 03.04.2018).

21. *Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii 2013* [Foreign Policy Conception of Russian Federation 2013]. Available at: http:// www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (accessed 03.04.2018).

22. *Council of the European Union*. *Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit*. Prague, 7 May 2009. Brussels, 7 May 2009. 8435/09 (Presse 78), 11 p.

23. *Evropeiskii Soyuz v XXI veke: vremya ispytanii* [European Union in the 21st Century: a Time of Trials]. Ed. O.Yu. Potemkina, N.Yu. Kaveshnikov, N.B. Kondrat'eva. Moscow: Ves' mir, 2012, 656 p.

24. Zabelin S.A. [EU Policy Towards Post-Soviet Countries of Black Sea Region]. *Bol'shoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii* [The greater Black sea region: contradictions and strategic solutions for Russia]. Ed. by A.A. Yaz'kova. Reports of the Institute of Europe RAS. No. 324. Moscow: IE RAN, 2016.

25. *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy*. Brussels, 2016. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (accessed 09.04.2018).

26. *Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii 2016* [Foreign Policy Conception of Russian Federation 2016]. Available at: http:// www.mid.ru/ foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (accessed 03.04.2018).

27. *The EU Global Strategy: Implications for Russia*. Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Egmont - The Royal Institute for International Relations. Ed. by Olga Potemkina. Moscow, 2017, 90 p.

Поступила в редакцию / Received ***22 апреля 2018 г. / April 22, 2018***

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCE

УДК 338 (450+571) DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-117-126

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

© 2018 г. В.М. Белоусов [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

GEOECONOMIC PROBLEMS OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE SECURITY OF POSITIONING OF NEIGHBORING COUNTRIES

V.M. Belousov [a]
[a] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Белоусов Виталий Михайлович –
доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической социологии
и регионального управления,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: belousov@sfedu.ru

Vitaliy M. Belousov -
Doctor of Economics, Professor,
Department of Economic Sociology
and Regional Management,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: belousov@sfedu.ru

Рассматривается позиционирование Юга России в контексте геоэкономической безопасности и подчеркивается, что этот топоним является наиболее проблемным и уязвимым звеном постсоветского пространства России. Анализируются вызовы и угрозы Юга России в координатах сопредельных государств, перечисляются особо опасные из них, такие как терроризм, усиление дифференциации уровня жизни, рост неравномерности развития регионов Юга России и субъектов ЧКР, криминализация региональных сообществ, трансграничные угрозы типа создания на территории сопредельных государств подрывных сепаратистских группировок, контрабанда. Особая роль отводится санкциям и странам-авторам этих угроз, рассмотрена хронология их появления как признак холодной войны – 2. Делается общий вывод об особой роли Юга России с позиций адресата вызовов и угроз.

Ключевые слова: *Большой Кавказ, геополитическая экономика, вызовы и угрозы, экономическое пространство, конфронтация с Западом, сопредельные государства, санкции, Черноморье, МОРЕМАР.*

The positioning of the South of Russia in the context of geoeconomic security is considered and it is emphasized that this toponym is the most problematic and vulnerable link in the post-Soviet space of Russia. The challenges and threats of the South of Russia are analyzed in the coordinates of neighboring countries, particularly dangerous ones are listed, such as terrorism, increasing the differentiation of living standards, the growth of uneven development in the regions of Southern Russia and the ChRK, criminalization of regional communities, transboundary threats such as the creation of subversive separatist groupings, smuggling. A special role is assigned to the sanctions and the author-countries of these threats, the chronology of their appearance as a sign of the Cold War 2 is considered. A general conclusion is drawn about the special role of the South of Russia from the position of the addressee of challenges and threats.

Keywords: *Greater Caucasus, geopolitical economy, challenges and threats, economic space, confrontation with the West, contiguous states, sanctions, Black Sea coast, MOREMAR.*

Позиционирование Юга России в контексте геоэкономической безопасности

На Юге России переплетаются и сталкиваются многие интересы разных стран – самой России, новых независимых государств Южного Кавказа, стран Ближнего и Среднего Востока, США и Европы. Ощутимы и экономические интересы транснациональных компаний, стремящихся получить доступ к природным богатствам и стратегическим коммуникациям Юга России и Каспия. Просматриваются здесь и современные проблемы мировой политики и экономики, которые по устоявшейся традиции формулируются нередко в терминах противостояния Восток – Запад и Север – Юг. На Юге России сфокусированы проблемы военно-политической безопасности, сохранения культурной самобытности, многообразия, экологии и др.

Кроме внутренних факторов-вызовов есть и другие, они носят глобальный характер, поскольку связаны с международным терроризмом и транснациональной преступностью (торговлей оружием, наркобизнесом, «спиртовой» мафией и пр.).

Юг России по-прежнему наиболее уязвимое звено постсоветской системы: здесь периодически вспыхивают вооруженные конфликты и постоянно существует потенциальная угроза их нового возникновения. Конфликтный потенциал заложен в регионе предшествующей историей, положение усугубляется такими проблемами, как малоземелье, демографический рост, высокий удельный вес неработающей молодежи, незанятость, отсутствие работы и пр.

Определенных усилий и затрат требует этнополитическая и конфессиональная безопасность. Юг России – это сложная территория, прежде всего в этнополитическом плане, поскольку имеет целый спектр этносов, которые проживают как достаточно обособленно (калмыки, чеченцы и ингуши), так и в определенной мере диффузно – азербайджанцы, армяне, казаки и т. д. Наряду с этнополитической рассматривается и конфессиональная безопасность, так как на этой территории представлены три мировых религии и большое число всевозможных конфессий.

Другими факторами риска являются, как это ни парадоксально, процесс регионализации и соответственно центробежные тенденции в этнической среде. Именно геополитика того или иного региона определяет сегодня международные процессы, происходящие не только в данном регионе, но и в мире. Дестабилизация геополитически важной региональной системы может привести к разбалансированию состояния всей мировой системы на достаточно длительное время. Регионализация Каспия в 90-е гг. XX в. автоматически превратила все его проблемы в трансграничные. Геополитически значимость Прикаспия в международном пространстве неоднократно возрастает. Каспий начинает восприниматься многомерно и полипарадигмально. Некоторые аспекты геополитической привлекательности меняют свою векторность. Идет регионализация и Северного Кавказа. В 2010 г. из Южного федерального округа Указом Президента выделен самостоятельный Северо-Кавказский федеральный округ, что на уровне отдельных республик было воспринято неоднозначно.

Геополитическое положение Кавказо-Каспийского региона также представляет собой фактор риска из-за наличия нескольких заинтересованных акторов, в том числе не имеющих как непосредственного выхода на Каспий, так и границ с Кавказскими республиками. В связи с интересами акторов второй дуги (Армения, Ирак, Таджикистан, Киргизия, Грузия) и третьей дуги (США, Китай, Европа) возрастают риски внутрирегиональных конфликтов – между Туркменистаном и Азербайджаном, Азербайджаном и Россией и т. д. Причем интересы России в стабилизации ситуации и сохранении общекультурной региональной безопасности противоречат интересам США, которые играют как раз на центростремительных процессах, начавшихся еще в 90-х гг. Есть свои интересы на Каспии и у Китая, и они далеко не всегда совпадают с интересами и США, и России.

Миграционные процессы, изменяя уровень этноконфессиональной мозаичности и увеличивая степень конфликтогенности территории, создают еще один риск, в российскую зону которого попадает практически весь Северный Кавказ. Но нестабильность на Северном Кавказе – это и нестабильность на значительных евразийских пространствах не только России, но и других государств, которые многими нитями (в том числе геоэкономическими) связаны с Черноморско-Каспийским регионом.

Из особенностей политико-географического положения округа можно выделить его расположение на этническом перекрестке, в зоне непосредственных контактов двух крупнейших мировых цивилизаций – мусульманской и христианской, в пределах и вблизи одного из самых напряженных регионов мира с множеством «го-

рячих точек», в числе которых выделяются Чечня, Абхазия, Аджария, Нагорный Карабах, Южная Осетия и др.

Региональные вызовы и угрозы Юга России во многом производны от внутренних угроз и вызовов национальной безопасности.

Основными внутренними угрозами национальной экономической безопасности являются:

– усиление степени дифференциации уровня жизни и доходов населения;

– деформация отраслевой структуры национальной экономики;

– рост неравномерности экономического развития регионов;

– криминализация российского общества;

– резкое снижение научно-технического потенциала России как основы экономического роста;

– усиление изоляции и стремления к независимости субъектов Федерации;

– усиление межэтнической и межнациональной напряженности;

– повсеместное нарушение единого правового пространства;

– снижение физического здоровья населения;

– демографический кризис, связанный с устойчивой тенденцией преобладания общей смертности населения над рождаемостью.

В совокупности внутренние угрозы национальной безопасности тесно переплетены между собой и взаимосвязаны.

Негативными тенденциями характеризуется экологическая обстановка в мире. К ним относятся истощение природных ресурсов, периодическое возникновение обширных зон экологических бедствий и катастроф, деградация возобновляемых природных ресурсов. В большинстве стран широко применяются экологически несовершенные технологии в промышленности, сельском хозяйстве, энергетике, транспорте. Реальную угрозу интересам России представляет использование ее территории для размещения вредных отходов химической и атомной промышленности развитых стран Европы.

Нарастают негативные тенденции в мировой социальной сфере. Отмечается увеличение удельного веса больных, инвалидов, людей, страдающих от голода и недоедания, употребления некачественной воды. Остается высокой доля безграмотных и безработных (по официальному показателю уровня безработицы, Россия пока входит в число наиболее благополучных стран, занимая примерно 7-е место в мире. Однако по классификации Международной Организации Труда, в России насчитывается более 5 млн безработных. Примерно столько же трудятся неполную рабочую неделю или находятся в вынужденном отпуске), снижается уровень материального обеспечения населения. Расширяются до угрожающих размеров миграционные процессы. Ухудшаются показатели физического и умственного развития людей, прежде всего трудовых ресурсов. Формируется прекариат [1].

Угроза физическому здоровью нации проявляется в кризисном состоянии систем здравоохранения и социальной защиты. Отмечается повсеместная алкоголизация населения. Потребление учтённого и неучтённого алкоголя на человека в перерасчете на чистый спирт составляет от 11 до 14 л, тогда как ситуация оценивается опасной при показателе 8 л.

Трансграничные угрозы состоят в следующем:

– создание, оснащение и подготовка на территории других государств вооруженных формирований и групп с целью их переброски для действий на территории России;

– деятельность поддерживающихся из-за рубежа подрывных сепаратистских, национальных или религиозных экстремистских группировок, направленная на подрыв конституционного строя России, создание угрозы ее территориальной целостности и безопасности ее граждан. Трансграничная преступность, в том числе контрабандная и другая противозаконная деятельность в угрожающих масштабах [2];

– деятельность наркобизнеса, создающая угрозу проникновения наркотиков на территорию России или использования ее территории для транзита наркотиков в другие страны.

Экономические угрозы заключены в экономических отношениях, в экономических категориях – изменении курсов валют, процентных ставок, цен, нарушениях обязательств по контрактам и т. д. Объектами экономических угроз являются экономики целых стран, регионов, отраслей, отдельные экономические системы, предприятия, группы населения, семьи, точнее – семейные бюджеты (домашние хозяйства – по западной терминологии) как экономические системы нижнего иерархического уровня.

Вызовы и угрозы для Юга России в координатах сопредельных государств

Проблема топонимики приводит к пониманию ареала «Большой Кавказ» как синонима ЧКР. В этом случае географически позициониру-

ется собственно Кавказ (Грузия, Армения, Азербайджан), Юго-Западный Кавказ (Турция), Юго-Восточный Кавказ (Иран) и Северный Кавказ (Юг России) [3].

Корректно вычленить Северный Кавказ из Юга очень сложно, да и целесообразность этих усилий сомнительна. Поэтому если ориентироваться на межрегиональную интеграцию – иной альтернативы у России нет – мы должны по возможности либо придерживаться уже устоявшегося словосочетания «Юг России», рассматривая и «Северный Кавказ» как его важнейшую составляющую, либо использовать пусть и немного пространную, но очень корректную формулировку «Южный и Северо-Кавказский федеральные округа». Последнее подразумевает, что речь идет о целостном макрорегионе с едиными особенностями глобального позиционирования, факторами развития, стратегическими перспективами [4].

Черноморье – перекресток двух мировых торговых коммуникаций – Великого шелкового пути и «из варяг в греки». Положение Черноморья на перекрестке евразийских торговых путей, наличие удобных бухт и мягкий климат способствовали развитию свободной торговли. Геополитические изменения в Евразии оказывали существенное влияние на благополучие местных городов. На геоэкономических контактах взаимодействия античной, генуэзской и степных культур на берегах Понта возникали вольные портовые города. Казалось бы, не составляло труда кочевым степным племенам сбросить в море местных колонистов из греческих городов-государств. Но это была бы «пиррова победа». Далекие предки не были такими беспечными. С появлением пепелища – исчезал товарный рынок, а значит, путь к обогащению и взаимопониманию культур [5].

Велико значение коммуникационных функций Черноморья, чье географическое транспортное положение относительно Атлантического и Индийского океанов, стран Европы и Ближнего Востока способствует международной торговле. Наличие в Азово-Черноморском гидрологическом бассейне развитой сети судоходных рек (Дунай, Днепр, Днестр, Дон и др.) значительно расширяет транспортные возможности региона. Судоходные речные коммуникации связывают Черноморье с Балтийским, Каспийским и Северным морями.

Нет надежного транспортного перехода между Украиной и Румынией, Крымом и Россией через Керченский пролив, испытывает перегрузки транспортный узел Ростова-на-Дону. Слабо развит международный туризм.

Турция претендует на роль региональной державы. Этому способствует геоэкономическое положение на пересечении трансконтинентальных коммуникаций, соединяющих Европу с Азией и Черноморье со Средиземноморьем. После распада СССР в Турции возродилась геополитическая идея создания единого государства тюрков – Великого Турана. Турция с населением 64 млн чел. входит в военно-политический блок НАТО, имеет многочисленную армию (630 тыс. солдат и офицеров) и самый мощный в регионе модернизированный военно-морской флот. Впервые за последнее столетие Турция осуществила экономическую экспансию в Юго-Восточной Европе. Страна реально доминирует или успешно конкурирует с Китаем на местных рынках в Центральной Азии, а также в Грузии и Азербайджане.

Ситуация на южных рубежах России свидетельствует о возрастающей военно-политической и дипломатической активности некоторых сопредельных государств, можно прогнозировать, что дальнейший дисбаланс сил в кавказском регионе может отразиться на российских геополитических интересах и повысить степень геостратегической уязвимости Юга России [6].

Ареал «Прикаспия» мы здесь подробно не рассматриваем, укажем лишь, что Причерноморский метарегион составляет около 14 % доли ВВП России, а Прикаспийский – около 3 %. По населению соответственно около 27 % и около 10 % [7].

В постсоветскую эпоху интересы России, например, в Каспийском бассейне постоянно и неизменно сталкиваются с устремлениями США, Англии, Франции, Турции, Ирана, Саудовской Аравии и ряда других стран, пытающихся проникнуть и обосноваться в этом богатом нефтяном регионе.

Представляется, что проблема Черноморско-Каспийского региона как субрегиона Евразии не может ограничиваться лишь связью Север – Юг, так как такой подход ограничивает радиус анализа и, следовательно, неполон. Во-первых, существенную роль играют зоны МОРЕМАРа Черного, Азовского и Каспийского морей [8], во-вторых, геополитическое и геоэкономическое влияние с запада Украины и с востока – Казахстана. Рассмотрим кратко эту трансмодальную ось.

По данным Минэкономики Украины, в 2011 г. доля России в украинской внешней торговле составила 33,6 %, в то время как доля стран Евро-

союза – 30,3 % [9], т. е. Россия была её основным торговым партнёром.

Ось «Украина–Россия» заморожена и геоэкономические аргументы ни во внутриполитическом, ни в международном контексте не убеждают «политикум» Украины, занимающего ныне открыто враждебную позицию.

Второе крыло оси Запад – Восток в ареале субрегиона – это Казахстан, который после 1991 г. оказался соседом России к югу от Урала и Западной Сибири; четыре остальные центральноазиатские республики бывшего СССР – Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан – не имеют общей границы с Россией. Однако соседский статус всех этих пяти постсоветских государств в отношении России как был, так и остается в силе. Эти страны дрейфуют в сторону мусульманского мира, что соответствует основным тенденциям нынешнего глобального развития. Однако в пяти республиках сильна тенденция не столько идейной жизни, сколько бытовой психологии: ностальгия по относительно спокойной жизни последних двух-трех десятилетий Советской власти [10].

Что касается государств-участников Единого Экономического пространства и Таможенного союза, то создание таких реинтеграционных структур вполне соответствует их национальным интересам. Казахстану же предстоит сделать цивилизационный выбор, который предельно прост. Понятно, что для 140-миллионной России и почти полуторамиллиардного Китая 16-миллионный Казахстан с 10 миллионами «титульной нации» имеет принципиально разное значение. Для КНР – это практически «пустая» территория, которую ханьцам предстоит заселять и осваивать, не сильно считаясь с интересами коренного населения. Для России, напротив, более чем 10%-й прирост «внутреннего рынка» благодаря демографическому потенциалу Казахстана чрезвычайно значим и сам по себе, даже без учета всех социально-экономических интересов и культурных символов (Южная Сибирь, целинные земли, восстановление единства Транссиба, Байконур, Медео и т. д.).

Определенную роль в реинтеграции Казахстана несомненно играют и узбекско-казахские противоречия, поскольку в нынешней геостратегической конфигурации среднеазиатских республик главным региональным «центром силы» становится вовсе не Астана, а Ташкент [11].

Подведём итоги:

– законы геоэкономики в Черноморско-Каспийском регионе действуют менее выражено, чем законы геополитики;

– вертикальное позиционирование Черноморско-Каспийского региона как субрегиона Евразии необходимо дополнить горизонтальной осью Запад – Восток, с учетом ареала МОРЕМАР, а также с заходом в пространство Украины и Казахстана (трансграничная зона);

– центростремительные силы государств-субъектов Черноморско-Каспийского региона еще весьма слабы и поэтому оценивать интегральное качество субрегиона пока не представляется возможным в силу географических, цивилизационных, геополитических и оборонно-военных противостояний.

Однако в прогнозном цикле формирование данного территориального союза (ассоциации), на наш взгляд, не заказано. Глокализация этой территории рано или поздно должна проявить себя в какой-то договорной форме (ибо частных договоренностей по Черному морю, Каспию, Таможенному союзу, ВТО, по другим областям жизнедеятельности уже достаточно много).

В гигантском геополитическом пространстве России природно-исторические условия столь неоднородны, что с учетом других уникальных особенностей (средоточие мировых религий, множество средних и малочисленных народов, традиционно авторитарный имперский, а значит, субъективный стиль правления) социально-экономические процессы протекают очень неравномерно [12].

На российском Юге сфокусированы острейшие глобальные проблемы: военно-политической безопасности, сохранения культурной самобытности и многообразия, экологии и др.

Принимая во внимание, сколь фрагментирован российский Юг в экономическом, этническом и культурном отношениях, тем не менее вспомним о его единстве по этнодемографической структуре, доминирующему хозяйственному укладу, уровню и образу жизни, ландшафтным особенностям и т. п. [13].

По периферии российских границ тлеют региональные конфликты. Если проследить по географической карте (гипотетическая модель картографического прогноза), то только очевидные конфликты фиксируются с Японией (Курилы), Китаем (граница по Амуру, Сибирь), Турцией (Северный Кавказ), Грузией (Абхазия, Южная Осетия), Украиной (Крым, Севастополь, Донбасс), Прибалтийскими странами (судьба «русскоязычных»,

земли под Нарвой), ЕС (Калининград), Финляндией (Карельский перешеек, Выборг).

На ограниченных территориях часты и масштабны техногенные катастрофы, природные катаклизмы, атмосферные аномалии.

Можно насчитать несколько источников глобальных и региональных угроз и вызовов Югу России, так как к нему привлечено внимание не только традиционных стратегических соперников России в регионе (Турции и Ирана в первую очередь), но и международных террористических организаций, движений религиозно-экстремистского толка. Следовательно, многие угрозы и вызовы безопасности на Северном Кавказе (конфликты, социальные взрывы, миграционные процессы и др.) при неблагоприятном развитии событий способны дестабилизировать ситуацию в общероссийском масштабе, распространить свое негативное воздействие за пределы региона.

Что касается внутриполитического плана, то Россия больше не может восприниматься как управляемое извне государство. Действия российского политического и военного руководства одобряет большинство населения России. Подавляющее большинство россиян уверено, что Вооруженные Силы способны защищать страну в случае реальной угрозы [14].

Запад нагнетает напряженность вокруг России после возвращения в ее состав Крыма. Неудавшаяся попытка американской насильственной демократизации Украины испытанным средством очередной «цветной» революции привела к власти в стране коричневую хунту, объявившую войну своему народу. Восстание Востока Украины против прозападных властей Киева срывает все планы украинского членства в НАТО. Нельзя же принимать в военный блок Украину по частям, отдельными областями, в отсутствие единой государственности и перспективы победы на предстоящих президентских выборах проамериканского президента. Украинский козырь в игре против России в руках Белого дома оказался блефом, однако от планов приближения натовской военной инфраструктуры к границам России Вашингтон не отказывается.

Украина же нужна как плацдарм НАТО у границ РФ. Запад стремится сократить степень зависимости от ресурсов России и Ближнего Востока, поэтому США включили Каспий, Закавказье, Украину (с Крымом!) в зону своих жизненно важных интересов.

В настоящее время Азербайджан для американцев важнее Грузии. Сейчас в связи с кризисом на Украине Америка хотела бы видеть азербайджанский газ в качестве альтернативы поставкам голубого топлива в Европу из России. Но в этом плане Азербайджан не конкурент России.

Наряду с американскими и европейскими притязаниями на Южном Кавказе явно обозначено стремление Турции стать ведущей региональной державой в Закавказье. Анкара готова принять непосредственное участие в урегулировании карабахского конфликта, в том числе военными средствами. Данная перспектива угрожает возможностью столкновения стратегических интересов России и Ирана в Закавказье с интересами евроатлантического сообщества через натовскую Турцию. Нельзя игнорировать того, что в результате конфликтов в Закавказье (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия), российская сторона вовлечена в военно-политическое урегулирование данных кризисных процессов, стала одним из участников формирования системы региональной безопасности. У России есть на это очевидное преимущество перед США, речь идет о российских приграничных территориях, а не о Мексике или Канаде.

Национальным интересам России отвечает стабильное внешнее окружение, а американцы выстраивают на Кавказе санитарный кордон, всеми средствами поощряют местных прозападных политиков в Тбилиси и Баку к антироссийской политике. Поэтому приоритетное место в системе национальных интересов России на Кавказе занимают ее отношения со своим стратегическим союзником – Арменией. На первом месте стоят вопросы развития экономического сотрудничества. Разумеется, что Армения как полноправный член Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) получит всю необходимую помощь в случае обострения карабахского конфликта.

Для России в отличие от Америки Южный Кавказ имеет не только геополитическое значение, здесь, как и в Крыму, – в том числе и наши исторические корни [15].

Санкции и деформация геоэкономических отношений стран субрегиона Евразии

Одним из новых и значимых видов угроз стали санкции, введенные Западом из-за событий по Крыму и Новороссии.

Первый пакет санкций против России был введен в марте 2014 г. ЕС приостановил диалог с Москвой о безвизовом режиме и запретил въезд в страны содружества некоторым юридическим и физическим лицам, которые поддержали политику Москвы относительно Крыма.

Вторая волна санкций против России была запущена в июне того же года. В этот раз Запад ввел в действие план «Б» – экономическое давление на Россию. Под запрет кредитования в ЕС и США попали российские банки и некоторые предприятия. Также был наложен запрет на военное сотрудничество с «агрессором».

Эти действия повлекли за собой ощутимые последствия для обеих сторон. От такого решения своих правительств пострадали кредитные организации и предприятия промышленности Европы и Америки. Германский экспорт в Россию упал на 20 %. Больше других пострадала машиностроительная отрасль государства.

России санкции нанесли не меньше вреда. Наиболее заметное влияние они оказали на рынок иностранного капитала. За первый квартал 2015 г. иностранные инвесторы вывели из России 70 млрд дол., за второй квартал – до 90 млрд дол.

Спустя полгода после начала «санкционной войны» (август 2014 г.) Россия решила ввести ответные санкции, которые носили секторный характер. Был запрещен ввоз в страну мяса, овощей, фруктов, молока и прочих продуктов из стран ЕС, США, Австралии и Канады, отчего пострадали сельхозпроизводители западных стран.

Но и для России такой шаг не прошел бесследно. Страна импортирует 40 % продовольствия, которое было запрещено. Резкое прекращение поставок привело к росту цен. Сейчас находятся альтернативные рынки закупок. На построение новых схем необходимо время.

Затем США и Евросоюз синхронно ввели новые санкции против России, что стало третьим и самым жёстким пакетом западных санкций, который носит «секторальный» характер. Если два первых американских санкционных списка затронули лишь частных лиц и сравнительно небольшие компании, то в третью волну попали уже крупные госкомпании энергетического, оборонного и финансового секторов.

Американские санкции коснулись крупнейшей российской нефтекомпании «Роснефть», второго по величине производителя газа «Новатек» и третьего по величине банка «Газпромбанк». Все эти компании возглавляют соратники Путина, но одновременно они являются и бюджетообразующими для государства.

Санкции против компаний содержат различные запреты на сотрудничество с ними американских резидентов, но самым сильным запретом стало отрезание этих компаний от долгосрочного финансирования на долларовом рынке. Санкции против банков («Газпром» и ВЭБ) запрещают американским гражданам и компаниям приобретать новые выпуски их акций и предоставлять им новые займы сроком более 90 дней. Однако всех остальных операций с этими банками санкции не касаются, в том числе на этот раз не блокировались счета банков и обслуживание карт Visa и Master. Американские банки будут продолжать оказывать им корреспондентские и клиринговые услуги.

Санкции против энергокомпаний также ограничили их финансирование и поставки новых технологий, но не затронули их возможность экспортировать нефть и газ, и существующие совместные проекты с американскими компаниями. Ограничение бизнеса оборонных предприятий из представленного списка из 8 компаний реально коснется, например концерна «Калашников».

Но Европейские дочерние структуры банков под санкции не попали, и право кредитовать банки из черного списка сохранили европейские финансовые институты, вне зависимости от срока кредита.

Европа также ввела эмбарго на торговлю оружием (экспорт / импорт) и запрет на поставки в Россию товаров двойного назначения, а также ограничила (механизмом согласования с госорганами) доступ к технологиям, в основном в нефтедобыче.

Проекты в сфере природного газа под режим санкций не попали.

Европейские секторальные санкции вводятся сроком на год, но могут быть пересмотрены через три месяца.

Ощутимые негативные последствия для экономики будет иметь и ограничение доступа к новым технологиям, а отмена американского кредитования осложнит крупные импортные операции (например, покупка Аэрофлотом «боингов»).

Показательно и то, что на этот раз и Евросоюз под давлением США ввел реальные санкции, несмотря на то, что имеет очень тесные бизнес-связи с Россией и товарооборот в 10 раз превышающий оборот торгов России и Америки.

Это не может не сказаться на результатах работы самих европейских компаний и всей европейской экономики, и по некоторым подсчётам эти санкции могут снизить ВВП Евросоюза только в этом году на 0,3 %.

В целом по оценке аналитиков, санкции в 2014 г. стоили России 0,2 % ВВП, или 121,4 млрд р., а до середины 2015 г. снижение ВВП составило 1,2 %, или 949,4 млрд р. [16].

18 декабря Канада дополнила санкционный список и число физических лиц, которые попали под канадские санкции, достигло 77 чел. Новый пакет санкций также предусматривает ограничения на экспорт технологий, которые используются в нефтяной и газовой отраслях.

С 20 декабря вступили в силу санкции ЕС против экономики и туротрасли Крыма. В частности, судам, предоставляющим круизные услуги, запрещено входить в порты Севастополя, Керчи, Ялты, Феодосии, Евпатории, Черноморска и порт Камыш-Бурун. Кроме того, Евросоюз расширил более чем в шесть раз список товаров и технологий, запрещенных к поставкам в Крым и для использования в Крыму в сферах транспорта, телекоммуникаций, энергетики и разведки, добычи и производства нефти, газа и минеральных ископаемых. В список было внесено более 160 позиций. 26 декабря из-за санкций США две международные платежные системы – Visa и MasterCard – приняли решение приостановить обслуживание карт российских банков, работающих на территории Крыма.

Особенно яростно за введение санкций выступают кроме Канады такие страны ЕС, как Польша и прибалтийские сателлиты. Кроме того в список стран-недругов можно включить Великобританию, Японию, Норвегию, Швецию, Бельгию, Данию, Францию, Австралию (таблица).

Санкции против России: список стран и отраслей

Страна	Отрасль									
	Нефть, газ	Финансы	Атомная	Военная	Авиация, космос	Строительная	Торговля	СМИ	Визы	Физические лица
1. Австралия	+	+							+	+
2. Австрия	+	+		+		+	+		+	+
3. Албания	+	+		+		+	+		+	+
4. Бельгия	+	+		+		+	+		+	+
5. Болгария	+	+		+		+	+		+	+
6. Великобритания	+	+		+	+	+	+		+	+
7. Венгрия	+	+		+		+	+		+	+
8. Германия	+	+		+		+	+		+	+
9. Греция	+	+		+		+	+		+	+
10. Дания	+	+		+		+	+		+	+
11. Ирландия	+	+		+		+	+		+	+
12. Исландия	+	+		+		+	+		+	+
13. Испания	+	+		+		+	+		+	+
14. Италия	+	+		+		+	+		+	+
15. Канада	+	+		+	+				+	
16. Кипр	+	+		+		+	+		+	+
17. Латвия	+	+		+		+	+		+	+
18. Литва	+	+		+		+	+	+	+	+
19. Лихтенштейн	+	+		+		+	+		+	+
20. Люксембург	+	+		+		+	+		+	+
21. Мальта	+	+		+		+	+		+	+
22. Молдавия	+	+		+		+	+		+	+
23. Нидерланды	+	+		+		+	+		+	+
24. Новая Зеландия							+		+	+
25. Норвегия	+	+		+		+	+		+	+
26. Польша	+	+		+		+	+		+	+
27. Португалия	+	+		+		+	+		+	+
28. Румыния	+	+		+		+	+		+	+
29. Словакия	+	+		+		+	+		+	+
30. Словения	+	+		+		+	+		+	+
31. Соединенные Штаты	+	+	+	+	+	+	+		+	+
32. Украина	+	+		+	+	+	+	+	+	+
33. Финляндия	+	+		+		+	+		+	+
34. Франция	+	+		+		+	+		+	+
35. Хорватия	+	+		+		+	+		+	+
36. Черногория	+	+		+		+	+		+	+
37. Чехия	+	+		+		+	+		+	+
38. Швейцария		+		+			+		+	
39. Швеция	+	+		+		+	+		+	+
40. Эстония	+	+		+		+	+		+	+
41. Япония				+	+				+	

Таким образом, санкции, падение цен на нефть, отток капиталов серьезно повлияли на экономику России, приведя к росту потребительских цен, начинающейся волне безработицы и секвестру (урезанию) бюджетных расходов примерно на 5–10 % по различным позициям.

В заключение следует сказать о Крыме. Ныне это неотъемлемая часть России, расширившая ее границы на юге. Однако со стороны Украины под патернализмом США был обезвожен Северо-Крымский 425-километровый канал, резко усложнивший ситуацию и без того засушливого севера Крыма, эмбарго на поставки украинской продукции в Крым и из Крыма, отключение электроэнергии, отмена железнодорожного и воздушного сообщения, превратившего Крым в остров, прекращение деятельности украинских банков, угроза санкций для фирм-участниц в строительстве перехода через Керченский пролив, возбуждение экстремизма, угрозы терактов, абсолютное непризнание мировым сообществом факта перехода Крыма под Российскую юрисдикцию – все это создает реальную опасность дестабилизации по Крыму, живучести санкций.

И, наконец, последний штрих. 20 января 2018 г. Министерство финансов США опубликовало так называемый «Кремлевский доклад», а еще ранее закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA, 2 августа 2017 г. PL 115-44) [17].

Упор делается на банковский и нефтяной секторы, как наиболее уязвимые от внешнего воздействия. Присутствует и такая мера, как отключение России от межбанковской операционной системы SWIFT, когда неудобства почувствуют не только держатели банковских карт, но под ударом окажутся и экспортно-импортные контракты. То есть США определили уязвимые точки России, по которым будут наносить удары в первую очередь.

10 позиций по санкциям с участием 41-го государства (таблица) указывают на то, что не нужно, как у нас принято и на высоком уровне, считать их «партнерами» (пусть и с иронией, как бы в кавычках), а лучше звать по-русски недругами или протокольно – оппонентами.

Литература и примечания

1. Прекариат – термин образован от двух слов *precarium* – нестабильный (лат.) и *пролетариат* и означает новую подгруппу населения, отчужденного как от результатов труда, так и от социалитета общества с изощренными формами эксплуатации, сезонной занятостью, необеспеченностью существования. См.: *Тищенко Ж.* Прекарный труд как объект междисциплинарного исследования // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2017 / отв. ред. Е.Ю. Баженова. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2017.

2. *Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.Н.* Геополитика и терроризм эпохи постмодерна / под общ. ред. И.П. Добаева. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2015. С. 249–270.

3. *Исмаилов Э.* Новый регионализм на Кавказе, концептуальный подход // Кавказ и глобализация. 2006. Вып. № 1, т. 1.

4. *Проценко Н.* Глобальный взгляд на Юг (интервью с проф. Дружининым А. Г.) // Эксперт Юг. 2011. № 9–10 (149).

5. *Дергачев В.А.* Международные экономические отношения : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

6. Институт каспийского сотрудничества. URL: http://casfactor.com/rus/analitic/102.html (дата обращения: 06.03.2013).

7. Расчеты автора по: Регионы России. 2013 : стат. сб. / Росстат. М., 2014.

8. МОРЕМАР – термин геополитической экономики означающий береговую контактную зону суша-море, играющую исключительную роль формирования мощи государства.

9. Завтра. 2011. № 39. Рубрика «Евразия».

10. *Рашковский Е. Б.* Россия и ее соседи: духовные и общественные проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 9. С. 107.

11. Завтра. 2011. № 45. Рубрика «Евразия».

12. *Багомедов М. А.* Социально-экономическая депрессивность Юга России и угрозы развитию России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2009. № 4.

13. *Дружинин А.Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2009.

14. Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию // Российская газета. 2018. 2 марта. С. 5.

15. URL: www.nato.int/cpis/ru (дата обращения: 07.03.2018).

16. URL: http://www.finanz.ru/novosti/lichnye-finansi/ analitiki (дата обращения: 06.03.2018).

17. *Домрин А.* Нападение // Завтра. 2018. № 10.

References

1. Prekariat - the term is formed from two words *precarium* - unstable (lat.) and the *proletariat* and

means a new subgroup of the population, alienated both from the results of labor and from the social society of society with sophisticated forms of exploitation, seasonal employment, unsecured existence. See in: Tishchenko Zh. [Premarinary work as an object of interdisciplinary research]. Mezhdistsiplinarnost' v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom znanii – 2017 [Interdisciplinarity in modern social and humanitarian knowledge]. Ed. by E.Yu. Bazhenova. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2017.

2. Dobaev I.P., Dobaev A.I., Nemchina V.N. *Geopolitika i terrorizm epokhi postmoderna* [Geopolitics and Terrorism of the Post-modern Era]. Ed. by I.P. Dobaev. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2015, pp. 249-270.

3. Ismailov E. Novyi regionalizm na Kavkaze, kontseptual'nyi podkhod [New Regionalism in the Caucasus, Conceptual Approach]. *Kavkaz i globalizatsiya*. 2006, Iss. No. 1, vol. 1.

4. Protsenko N. Global'nyi vzglyad na Yug (interv'yu s prof. Druzhininym A. G.) [Global View of the South (interview with Prof. A. Druzhinin)]. *Ekspert Yug*. 2011, No. 9-10 (149).

5. Dergachev V. A. *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya* [International Economic Relations]. Student's book for universities. Moscow: YuNITI-DANA, 2005.

6. *Institut kaspiiskogo sotrudnichestva* [Institute of Caspian Cooperation]. Available at: http:// casfactor.com/rus/analitic/102.html (accessed 06.03.2013).

7. Author's calculations for*: Regiony Rossii. 2013* [Regions of Russia. 2013]. Col. art. / Rosstat. Moscow, 2014.

8. MOREMAR is the term of the geopolitical economy meaning the land-sea and land-shore land-shore contact zone, which plays the exclusive role of forming the power of the state.

9. *Zavtra.* 2011, No. 39. Rubrics "Eurasia".

10. Rashkovskii E. B. Rossiya i ee sosedi: dukhovnye i obshchestvennye problemy [Russia and its Neighbors: Spiritual and Social Problems]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2012, No. 9, p. 107.

11. *Zavtra*. 2011, No. 45. Rubrics "Eurasia".

12. Bagomedov M. A. Sotsial'no-ekonomicheskaya depressivnost' Yuga Rossii i ugrozy razvitiyu Rossii [The Socio-economic Depressiveness of the South of Russia and Threats to the Development of Russia]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki.* 2009, No. 4.

13. Druzhinin A.G. *Global'noe pozitsionirovanie Yuga Rossii: faktory, osobennosti, strategii* [Global Positioning of the South of Russia:Factors, Features, Strategies]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2009.

14. Poslanie Prezidenta V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu [President's Putin Address to the Federal Assembly]. *Rossiiskaya gazeta*. 2018, March 2, p. 5.

15. Available at: www.nato.int/cpis/ru (accessed 07.03.2018).

16. Available at: http:// www.finanz.ru/novosti/ lichnye-finansi/analitiki (accessed 06.03.2018).

17. Domrin A. Napadenie [Attack]. *Zavtra.* 2018, No. 10.

Поступила в редакцию / Received ***7 марта 2018 г. / March 7, 2018***

УДК 314.7:331.556.(2+4) DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-127-135

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИММИГРАЦИЯ В РОССИЮ ИЗ СТРАН СНГ: ДИНАМИКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

© 2018 г. Н.Н. Евченко [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

INTERNATIONAL MIGRATION TO RUSSIA FROM THE CIS COUNTRIES: DYNAMICS AND REGIONAL DIFFERENTIATION

N.N. Yevchenko [a]
[a] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Евченко Наталья Николаевна –
доктор экономических наук, профессор,
старший научный сотрудник,
кафедра мировой экономики
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: natayevch@yandex.ru

Natalia N. Yevchenko -
Doctor of Economics, Professor,
Senior Researcher,
Department of World Economy
and International Relations,
Southern Federal University,
Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: natayevch@yandex.ru

Выявляется динамика миграционных потоков в Российскую Федерацию из государств СНГ в 1991–2016 гг. по общему объему, миграционному приросту, государствам; определены региональные предпочтения мигрантов, особенности их распределения по федеральным округам РФ на примере Украины и Казахстана. Сделан вывод о росте конкурентоспособности РФ для мигрантов СНГ, прибывающих на постоянное местожительство; предпочтениях мигрантами расселения в регионах РФ, граничащих с государствами СНГ; минимальном влиянии ЕАЭС на поток мигрантов из Казахстана, а также необходимости разработки региональной миграционной политики в целях управления миграцией из государств СНГ.

Ключевые слова: *миграция, тренды миграции, СНГ, регионы притяжения мигрантов, региональная дифференциация, ЕАЭС.*

The article identifies dynamics of migration flows of the CIS countries to the Russian Federation in 1991-2016 by total volume, migration growth, the states; regional preferences of migrants, the peculiarities of their distribution by the federal districts of the Russian Federation on the example of Ukraine and Kazakhstan are revealed. The conclusion is drawn on the growing competitiveness of the Russian Federation for CIS migrants arriving to the permanent residence; preferences of migrants in the regions of the Russian Federation bordering with the CIS states; minimum impact of the EEU on the migrants' flow from Kazakhstan, as well as the need to develop regional migration policy to manage migration from the CIS countries.

Keywords: *migration, migration trends, CIS, migrants' attraction regions, regional differentiation, EEU.*

Миграционные процессы глобальной экономики характеризуются устойчивым ростом и относительной стабильностью доли мигрирующего населения в его совокупном объеме. Глобальная статистика, по данным Международной организации по миграции, характеризуется ускорением темпов миграционных процессов и ростом объемов численности мигрантов при относительной стабильности их доли в мировом населении в 2,3–3,2 % (таблица): если в 1970–2015 гг. число международных мигрантов выросло в 2,9 раза, то в 2000–2015 гг. – в 1,4 раза. Сохранение такой динамики к 2030 г. приведет к объему международной миграции в 341 млн чел./год.

Анализ ежегодных совокупных миграционных потоков в мире свидетельствует, что в числе государств, принимающих более 10 млн чел. в среднем за год (США, Германия, Россия и Саудовская Аравия) Россия занимает третье место: в 2015 г. среднегодовое число мигрантов составило 11,649 млн чел. В других странах мира работают около 10,5 млн россиян – также третье место после Индии и Мексики [1, p. 19].

Международная миграция, 1970–2015 гг. [1, p. 15]*

Год	Количество мигрантов	Доля мигрантов в мировом населении, %
1970	84 460 125	2,3
1975	90 368 010	2,2
1980	101 983 149	2,3
1985	113 206 691	2,3
1990	152 563 212	2,9
1995	160 801 752	2,8
2000	172 703 309	2,8
2005	191 269 100	2,9
2010	221 714 243	3,2
2015	243 700 236	3,3

* – число субъектов (таких как государства, территории и административные регионы), по которым были предоставлены данные в Revision of International Migrant Stock ООН в 2015 г., составило 213. В 1970 г. – 135.

Более чем 25-летний период сосуществования независимых государств на территории бывшего СССР характеризуется сохранением значимого по объемам, но различного по интенсивности миграционного обмена. Численность, тренды, качественный состав и направления потоков миграционного движения на территорию России оказывают существенное влияние не только на государства, из которых прибывают мигранты, но и на социально-экономическое положение России и ее принимающих регионов, на баланс трудовых ресурсов, численность экономически активного населения.

Актуальность задач исследования миграционных процессов в контексте современной национальной миграционной политики обусловлена тем, что людские ресурсы остаются одним из ключевых элементов конкурентоспособности любого государства, что приоритетно для такой территориально протяженной и обеспеченной природными ресурсами страны, как Россия. Значимость управления миграцией в целях изменения ее качества и структуры подтверждается вниманием Правительства РФ.

В качестве объекта исследования нами избраны миграционные потоки иностранных граждан, прибывших на постоянное местожительство (ПМЖ) с целью получения российского гражданства, что, согласно п. 5 е Концепции государственной миграционной политики до 2025 года (далее – Концепции...) (Указ Президента РФ от 13.06.2012 г.), отнесено к «миграции на постоянное местожительство».

Очевидно, что миграционные процессы оказывают заметное влияние на регионы РФ, которые их привлекают. Эксперты указали (п. 11 Концепции…), что пока законодательство РФ нацелено «на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов». Поэтому в распоряжениях Правительства РФ определены этапы и разработаны конкретные меры по реализации цели и задач Концепции… (Планы мероприятий по реализации в 2012–2015 (первый этап) и 2016–2020 годах (второй этап) Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденные распоряжениями Правительства РФ от 21.08.2012 г. № 1502-р и от 22.10.2015 г. № 2122-р). Во-первых, указывается на приоритетность внимания к проблемам мигрантов, нацеленных на постоянное проживание на территории РФ, перед другими категориями мигрантов – трудовой, временной, учебной. Во-вторых, в п. 20 Концепции… приведен прогноз динамики миграционных потоков из стран СНГ: «Ставя задачу привлечения в страну мигрантов для восполнения населения, рабочей силы и развития инновационного потенциала, следует учитывать, что миграционные ресурсы государств – участников Содружества Независимых Государств, ориентированные на Российскую Федерацию, в перспективе будут уменьшаться».

Актуальность выявления «региональной компоненты» международной миграции обусловлена и тем, что российские ученые заняты, преимущественно, изучением трудовой [2–7], нелегальной, учебной, временной и иных видов международной миграции. Таким образом, важен как мониторинг миграционных потоков, дифференцированный по среднегодовым объемам въезжающих, так и выявление их распределения по федеральным округам и регионам-субъектам РФ в целях изучения трендов и тенденций миграционной активности, организации взаимодействия властей регионов с мигрантами, работы с правительствами государств, из которых значителен миграционный поток в Россию.

Объемы и динамика миграции в Россию из стран СНГ (1991–2016 гг.)

Россия относится к привлекательным для иммигрантов государствам, поэтому характеризуется

значительным объемом миграционных потоков, особенно динамичных в 1991–1995 гг. Во въездных миграционных потоках России устойчиво доминируют государства СНГ: 76,7–87,0 % в 1991–1994 гг.; 87,0–93,0 % – в 1995–2016 гг. Миграция в Россию из стран СНГ демонстрирует высокую волатильность: рост притока завершается пиком 1994 г. – 1033,4 тыс. чел.; затем наблюдает постепенное снижение до минимума в 105,5 тыс. (2004 г.), сменяющееся общим растущим трендом 2004–2015 г., когда миграционный приток достиг 536,2 тыс. чел. (рис. 1).

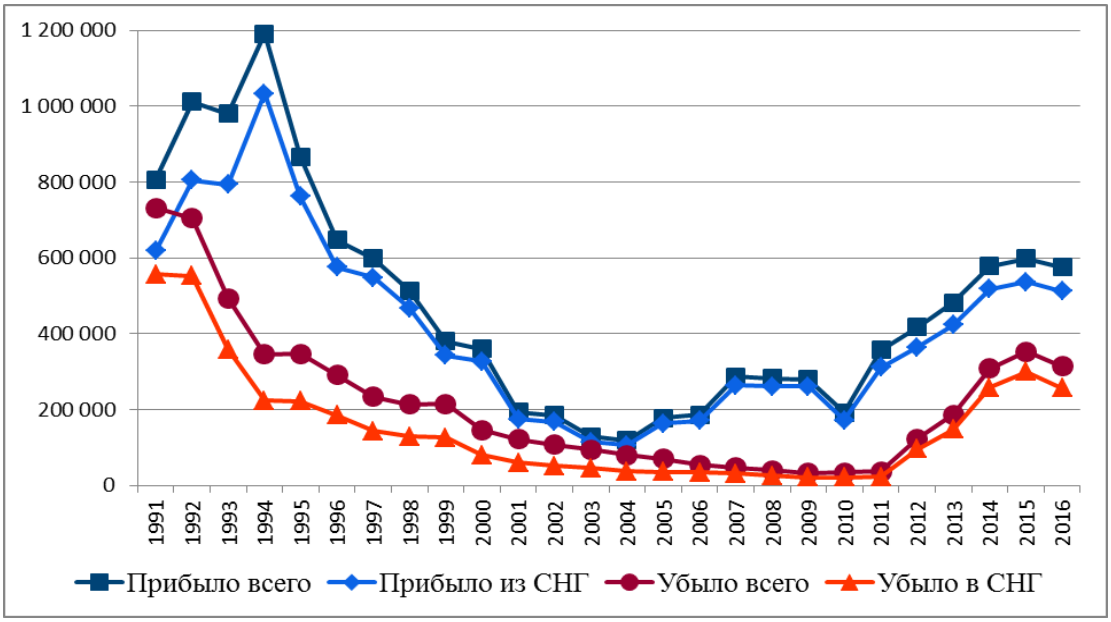

Рис. 1. Динамика миграции-ПМЖ России в 1991–2016 гг., чел. [8]

Выезд из РФ как общий, так и в страны СНГ имеет более сглаженную динамику с общим снижающимся трендом 1991–2009 гг. и минимумом 32,5 тыс. чел. (всего) и 20,3 тыс. чел. (в СНГ) (рис. 1). С посткризисного периода (2010 г.) происходит смена тренда, в 2015 г. наблюдается десятикратно растущий выезд 313,2 тыс. чел. всего и 256,5 тыс. чел. в СНГ.

Миграционную привлекательность РФ формируют потоки из СНГ, стабильно обеспечивающие 85–95 % объема въезжающих. В период 1992–2004 гг. постоянно растет доля выезжающих в дальнее зарубежье, причем в 2001–2004 гг. в дальнее зарубежье мигрировало больше населения, чем в СНГ. В 2005–2015 гг. растет доля выезжающих в СНГ (рис. 2). Статистика характеризует доминирующее значение миграции из стран СНГ РФ для миграционного прироста, поскольку миграционное сальдо всегда оставалось положительным, обеспечивая в отдельные годы (1992–2000, 2007–2009, 2011–2016) прирост населения в более чем 200,0 тыс. чел. в год. Сальдо миграционного прироста стран дальнего зарубежья приближается к нулевой отметке (рис. 3).

Таким образом, в силу ключевой роли СНГ в миграционных потоках РФ внимание миграционных властей сосредоточено на управлении потоками мигрантов – граждан стран СНГ. Роль отдельных государств СНГ в силу показателей объема и сальдо миграции различается в зависимости от объема и устойчивости потока.

В целях более детального изучения страновых показателей динамики въездной миграции произведена их группировка по критерию среднегодового объема потока в 1997–2016 гг. Аналогичным критерием группировки может выступить и показатель «сальдо миграционного прироста», который отражает снижение объемов миграции в каждой группе, но не приводит к изменению состава государств в группах в целом.

В 2004–2016 гг. общая миграция в Россию выросла (в разах): из Азербайджана – в 9,3; Армении – в 14,4; Республики Молдова – в 6,7; Таджикистана – в 15,8; Туркмении – в 1,9; Узбекистана – в 4,1; Украины – в 10,1. В 2003–2016 гг. общая миграция в Россию выросла из Беларуси – в 2,6; Казахстана – в 1,7; Киргизии – 3,0 [9]. Таким образом, миграция в Россию сохраняется как наиболее динамичный процесс прежде всего из государств Казахстана, Средней Азии и Закавказья.

Группа 1. Казахстан, Украина и Узбекистан обеспечили въезд в РФ более 50 тыс. чел./год.

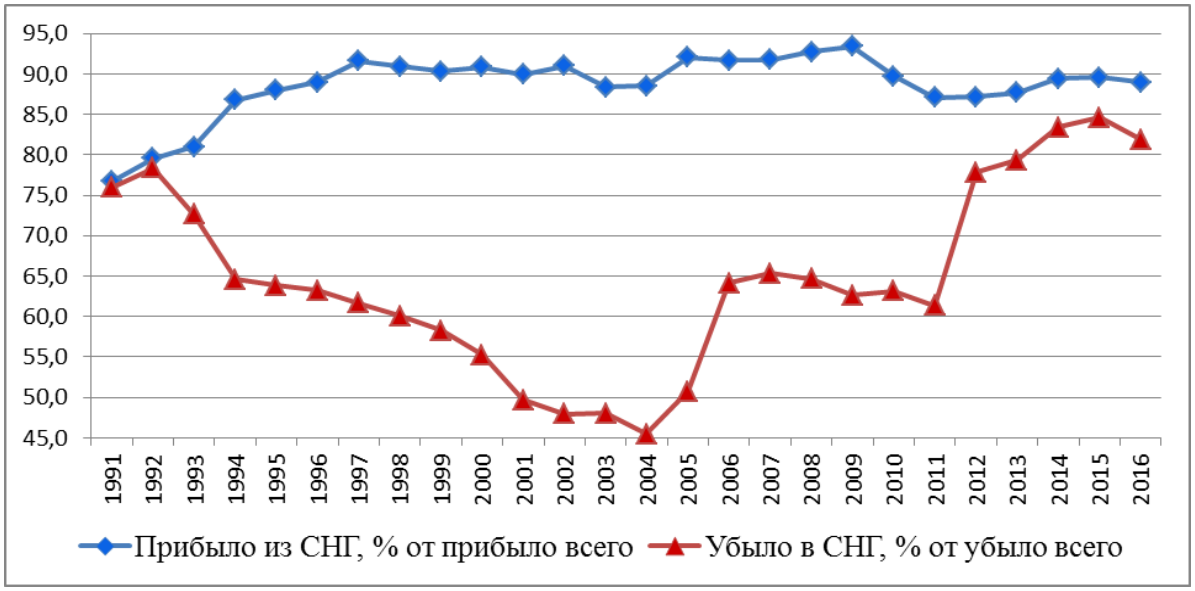

Рис. 2. Доля мигрантов СНГ в общем объеме мигрантов в РФ (въезд, выезд), 1991–2016 гг., % [2]

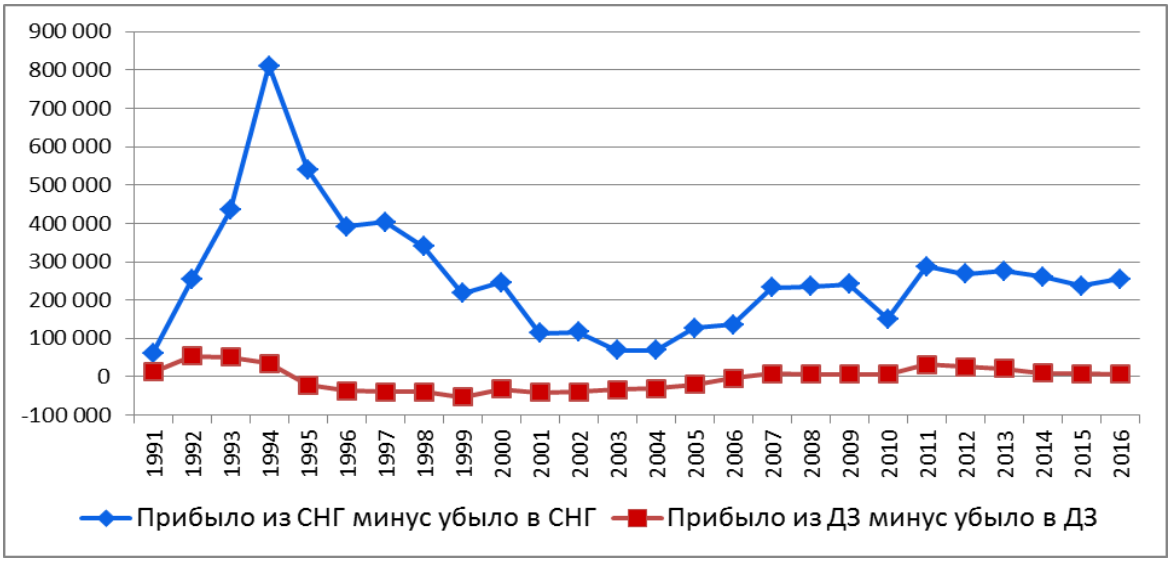

Рис. 3. Миграционное сальдо РФ по СНГ и странам дальнего зарубежья, 1991–2016 гг., чел. [8]

Схожими тенденциями характеризуется миграция граничащих с Россией Казахстаном и Украиной: резкий спад объемов в 1997–2003, 2004 гг. и постепенный рост в 2005–2016 гг. Трендовые показатели указывают на слабое снижение потока мигрантов к концу периода в силу, вероятно, исчерпания миграционного потенциала, успешного развития интеграционных процессов в ЕАЭС (Казахстан) и усиления темпов въезда из Украины в 2014–2016 гг. в результате геополитических конфликтов (рис. 4).

Узбекистан – государство-лидер по динамике наращивания потоков мигрантов в Россию: в 2011 г. прибыло 64,5 тыс. чел., в 2014 г. – 130,9 тыс. чел. Подобный «миграционный взрыв» сложно объяснить: ВВП по ППС Узбекистана в 2011–2016 гг. рос с $ 4,4 тыс./чел. до $ 6,5 тыс./чел. [10]. Представительное (1000 респондентов) исследование трудовой миграции из Узбекистана в Россию показывает, что она имеет выраженный сезонный характер, мигранты характеризуется законопослушностью (95,7 % соблюдают требования регистрационного учета), но исследование не касалось проблемы, претендуют ли трудовые мигранты на ПМЖ, либо ограничиваются исключительно трудовой деятельностью в России [11]. Смена тренда и снижение объемов общей миграции в 2015–2016 гг. объясняется влиянием экономического кризиса-2014 на замедление принятия решения мигрантами о выборе места постоянного жительства.

Группа 2. Во вторую группу государств с постоянно растущими объемами миграции в Россию отнесены Армения, Киргизия и Таджикистан, при

этом среднегодовые объемы мигрантов из данных стран незначительны (20–30 тыс. чел. в год). Армения и Киргизия являются особыми государствами – членами ЕАЭС (рис. 5).

По доле мигрантов в РФ в населении государств-доноров абсолютным лидером длительное время остается Армения. Возможно предположить, что более тесные экономические отношения Армении с ЕАЭС как члена объединения в ближайшие годы приведут к ослаблению потока граждан, выезжающих из Армении на ПМЖ в Россию.

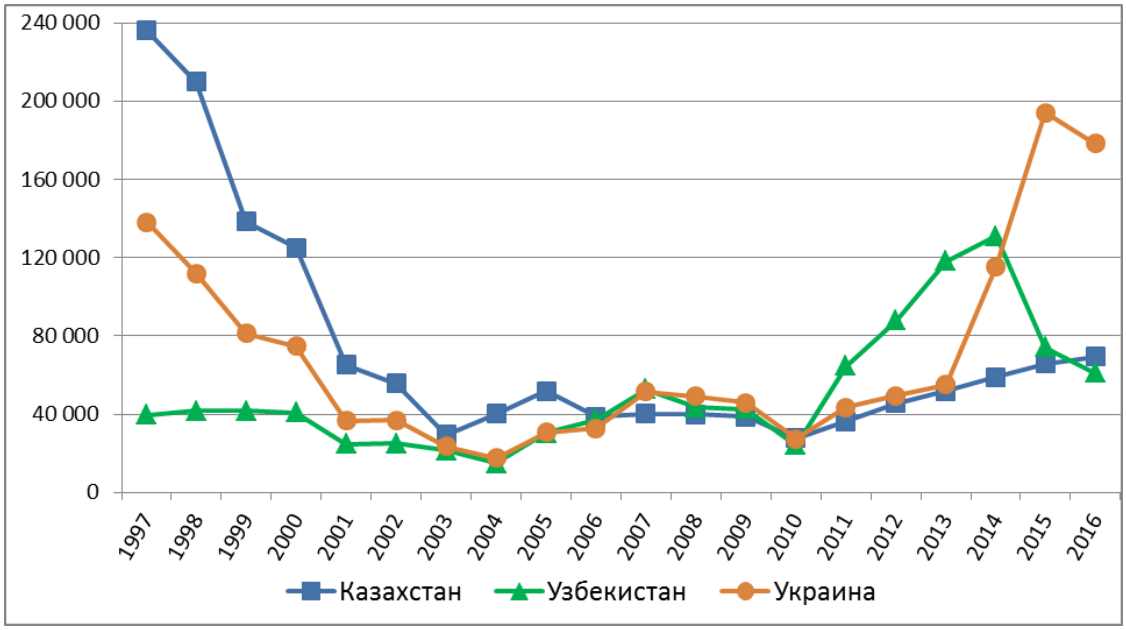

Рис. 4. Динамика въездной миграции в Россию на ПМЖ из Казахстана, Узбекистана и Украины, 1997–2016 гг., чел. [9]

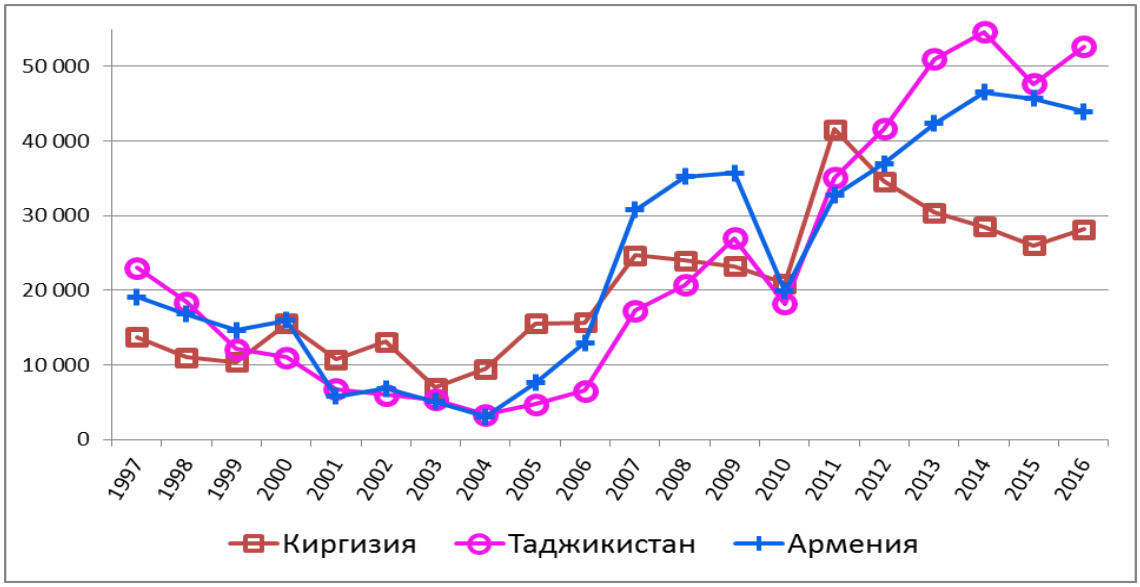

Рис. 5. Динамика въездной миграции в Россию на ПМЖ из Армении, Киргизии и Таджикистана в 1997–2016 гг. [9]

Таджикистан – государство с наиболее высокими темпами ежегодного прироста объемов миграции, который вырос с минимального уровня 2014 г. на максимальную для выборки величину – в 15,8 раза. Поток мигрантов в РФ из Таджикистана объясняется высоким естественным приростом населения и его низким жизненным уровнем: ВВП по ППС Таджикистана в 2016 г. по данным Всемирного банка составил $ 3,0 тыс./чел. [10].

Группа 3. В нее отнесены государства со среднегодовыми показателями въезда 5–20 тыс.

чел. и схожими въездными трендами (рис. 6). Они не дают высокого миграционного объема в силу относительно высокого уровня развития экономик ресурсодобывающих государств – Азербайджан, Туркмения; члена ЕАЭС Белоруссии; Молдавии, граждане которой имеют возможности выезда в Европу.

В целом создание международных интеграционных объединений (ЕАЭС, ТС) и сложности экономической ситуации в России в 2014–2015 гг. меняют направление тренда, замедляют миграционный поток из СНГ в силу проблем с обустройством, получением работы в условиях более слабой экономической конъюнктуры.

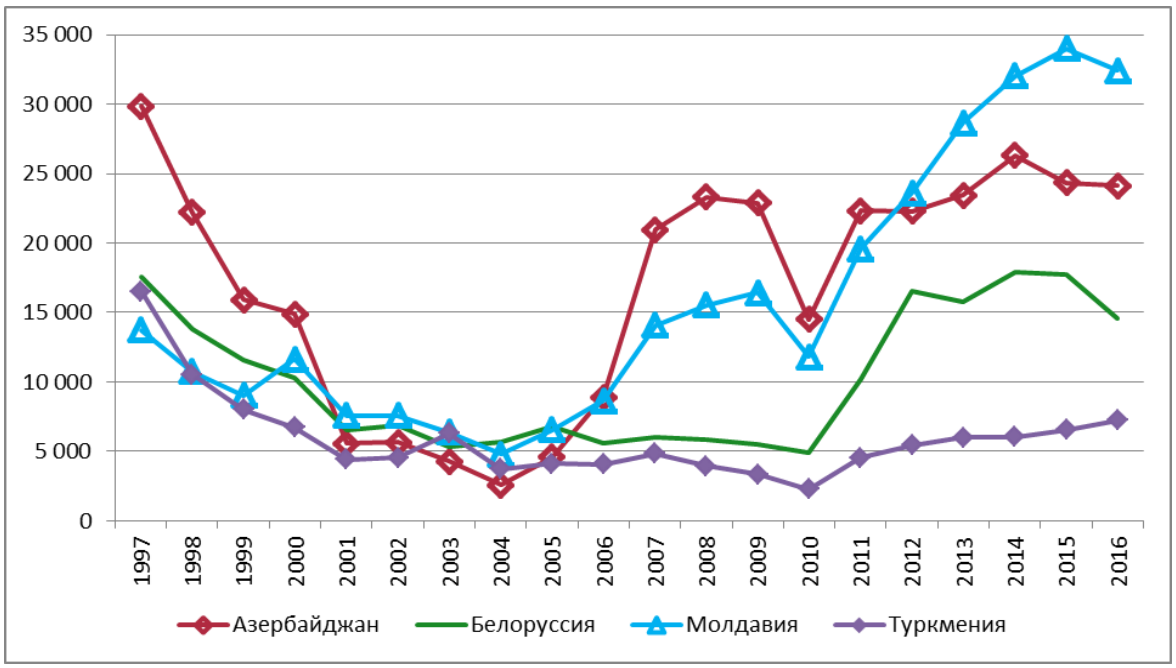

Рис. 6. Динамика въездной миграции в Россию на ПМЖ из Азербайджана, Белоруссии, Молдавии и Туркмении в 1997–2016 гг. [9]

Однако конкурентоспособность России как государства для постоянного проживания остается несомненной, что позволяет прогнозировать высокие объемы миграционного прироста населения в среднесрочной перспективе.

Очевидно, что и государственная миграционная политика должна быть скорректирована в целях привлечения более качественной рабочей силы, это отмечается во многих исследованиях данной проблемы [12, с. 183, 186; 13]. Тем не менее практически отсутствуют работы, в которых анализируется региональная специфика международной миграции из государств СНГ по объемам распределения мигрантов по федеральным округам РФ. Данный аспект является значимым, поскольку власти регионов-субъектов РФ могли бы планировать специальные меры по содействию мигрантам на основе разработки целевых программ, ориентировать предпринимателей на приток дополнительной рабочей силы, предлагать расселение в районы и занятость в отраслях, наиболее заинтересованных в новых квалифицированных сотрудниках и приоритетных для социально-экономического развития макрорегионов.

Гипотеза данной части исследования базируется на предположении об исторической обоснованности, относительной устойчивости и слабой волатильности международных миграционных потоков СНГ, сохранении тенденции 90-х гг. расселения приезжающих вблизи границы, в сопредельных, приграничных российских регионах.

Региональное распределение мигрантов в РФ: приоритеты федеральных округов

Исследуем распределение мигрантов из Украины и Казахстана по федеральным округам РФ за 15-летний период с пятилетними интервалами: 2001, 2006, 2011 и 2016 гг.

Миграция из *Украины* в Россию значительно дифференцирована по федеральным округам, причем положительная динамика наиболее выражена для ЦФО, четыре субъекта которого граничат с Украиной: 73 684 чел. в 2016 г., что в 4,1 раза

больше, чем в 2011 г. (рис. 7). Важно отметить, что Москва и Московская область концентрируют от четверти до трети въезжающих из Украины мигрантов.

Подтверждена привлекательность ЮФО для граждан Украины как второго приграничного федерального округа РФ: в 2016 г. прибыло 39 134 чел., что в 6,8 раза превосходит миграционный поток в округ из Украины в 2011 г. Остальные регионы РФ приняли в 2016 г. от 7,3 до 17,8 тыс. мигрантов из Украины (рис. 7). Таким образом, в 2016 г. в федеральные округа РФ ЦФО и ЮФО, граничащие с Украиной, въехало 63,3 % иммигрантов, Москва и Московская область доминируют в ЦФО.

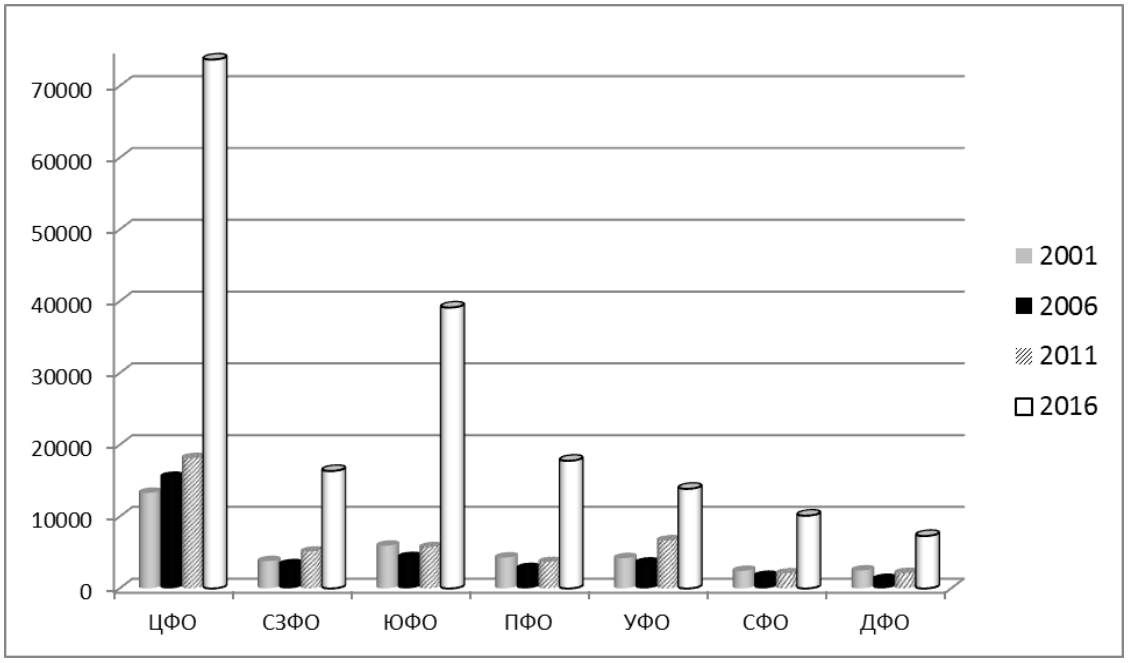

Рис. 7. Региональная миграция из Украины в федеральные округа РФ, 2001–2016, по годам, чел. [9]

Казахстан. Миграционные предпочтения более 26,6 тыс. чел. казахских граждан, приехавших в Россию в 2016 г., проявлены к Сибирскому федеральному округу, 4 субъекта Федерации которого граничат с Казахстаном (рис. 8). На втором месте по предпочтениям в 2016 г. – УФО, на третьем месте – ЦФО. Для Казахстана характерен постоянный рост уровня объема абсолютной миграции в 2006–2016 гг., достигший роста в 2,3 раза от минимума 2006 г.

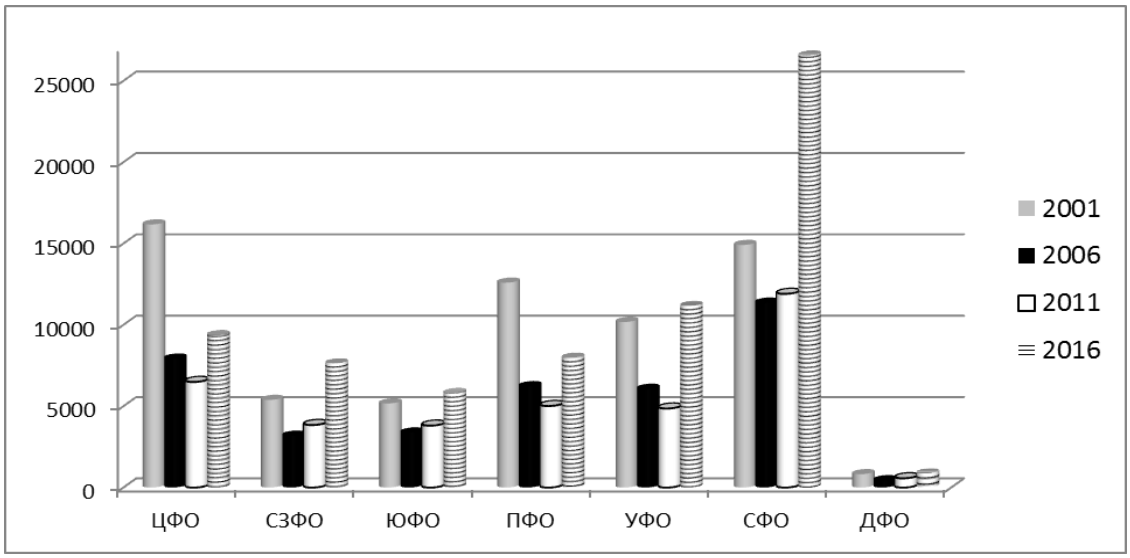

Рис. 8. Региональная миграция из Казахстана в федеральные округа РФ, по годам, чел. [9]

Таким образом, мигранты ориентируются на субъекты РФ, граничащие с их государствами, выбирая российские регионы, привлекательные с точки зрения трудоустройства, возможного дохода, предпринимательской активности. Оформление и развитие отношений с Россией в рамках Таможенного союза и ЕАЭС привело к восстановлению абсолютного объема притока мигрантов из Казахстана в 2011–2016 гг. и превышению его уровня 2001 г. (65,2 тыс. чел.), с 36,5 тыс. чел. в 2011 г. до 69,4 тыс. чел. в 2016 г.

Таким образом, проведенное исследование международной миграции в Россию из стран СНГ в 1991–2016 гг. и их распределение по федеральным округам позволяет сделать следующие выводы:

1. Динамика объема международной миграции из стран СНГ, прибывших в Россию с целью постоянного проживания, свидетельствует о конкурентоспособности условий жизни и работы, значимом росте привлекательности России как места для постоянного проживания. В ближайшие 3–5 лет данная тенденция может сменить положительный тренд на относительное снижение объема мигрантов в силу экономического кризиса и снижения доходов населения России, которые за 2014–2016 гг. снизились на 15 %. Кроме того, в связи с замедлением темпов развития снижение доходов в государствах-донорах также понизит и возможности накопления ресурсов для переезда на ПМЖ.

2. Региональная дифференциация выбора первого места проживания в России по федеральным округам показала, что мигранты ориентируются на граничащие с ними субъекты Федерации. Москва и Московская область концентрируют от трети до четверти мигрантов Украины, въезжающих в ЦФО. Для мигрантов Казахстана максимально привлекательны приграничные федеральные округа – Сибирский и Уральский.

3. Распределение мигрантов по федеральным округам РФ позволяет выявить, насколько миграционная политика и практика связаны с интеграционными процессами в рамках ЕАЭС, где пока недостаточно разработаны нормы перемещения рабочей силы и предоставления гражданам стран-членов интеграционного объединения условий для выбора постоянного места жительства.

4. Субъекты РФ пока слабо ориентированы на проведение региональной политики привлечения мигрантов, поскольку в критериях оценки качества управления регионом данные показатели отсутствуют.

Литература

1. International Organization for Migration. World Migration Report 2018. 364 p. URL: http:// publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf (дата обращения: 20.04.2018).

2. *Гаврилов Е.В.* Трудовая миграция из стран СНГ в Россию: социально-экономические последствия и регулирование: дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 187 с.

3. *Делягин М.Г.* Армия мигрантов: как уменьшить её ряды? // Национальная безопасность и миграция. Российский аспект: материалы науч.-практ. семинара. М., 2009. С. 25–28.

4. *Дементьев Н.В.* Влияние нелегальной трудовой миграции на хозяйственный комплекс современной России // Вестн. Тамбов. ун-та. Гуманитар. науки. 2010. Т. 85, № 5. С. 204–208.

5. *Дмитриев А.В*. Миграционные выводы и риски // Уч. зап. РГСУ. М., 2007. № 4. С. 35–44.

6. *Глухов А.П., Окушова Г.А.* Российские мигранты из стран Центральной Азии: цифровизация идентичности // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 139–161.

7. *Нежданов В.А.* Парадоксы статистики миграции населения региона // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 2. С. 279–293.

8. Социально-экономические показатели РФ, 1991–2016 гг.; Миграция в России. URL: http:// gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demograph (дата обращения: 22.01.2018).

9. Рассчитано автором по: Демографический ежегодник России. 2002 : стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 348; Демографический ежегодник России. 2005 : стат. сб. / Росстат. М., 2005. С. 517; Демографический ежегодник России. 2009 : стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 465; Демографический ежегодник России. 2010 : стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 443; Демографический ежегодник России. 2014 : стат. сб. / Росстат. М., 2014 (табл. 7.5 приложения); Демографический ежегодник России. 2017 : стат. сб. / Росстат. М., 2017 (табл. 7.5 приложения).

10. GDP per capita, PPP (current international $). URL: http:// data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD (дата обращения: 22.01.2018).

11. *Жолдасов А.А., Чупик В.В.* Мигранты из Узбекистана в Россию. Отчёт по результатам социологического исследования. URL: http://vku-org.ru/press/new/1517-migranty-iz-uzbekistana-v-rossiyu.html (дата обращения: 22.01.2018).

12. *Багров Н.М., Плотников В.А.* Демографическая динамика России и стран мира: сравнительный анализ по статистическим показателям // Bulletin of

the St. Petersburg State University of Economics. 2016. Iss. 3. P. 176–186.

13. *Руденко М.Н.* Миграционные процессы в условиях глобализации и их влияние на региональную стабильность // Вестн. Астраханского гос. техн. ун-та. 2015. № 1 (59). С. 85–96.

References

1. *International Organization for Migration*. *World Migration Report 2018*. 364 p. Available at: http:// publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf (accessed 20.04.2018).

2. Gavrilov E.V. *Trudovaya migratsiya iz stran SNG v Rossiyu: sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya i regulirovanie: dis. ... kand. ekon. nauk* [Labor Migration from CIS Countries to Russia: Socio-economic Consequences and Regulation]. Moscow, 2008, 187 p.

3. Delyagin M.G. [The Army of Migrants: How to Reduce its Ranks?]. *Natsional'naya bezopasnost' i migratsiya. Rossiiskii aspekt* [National Security and Migration. The Russian Aspect]. Proceedings of Scientific-practical Seminar. Moscow, 2009, pp. 25-28.

4. Dement'ev N.V. Vliyanie nelegal'noi trudovoi migratsii na khozyaistvennyi kompleks sovremennoi Rossii [The Impact of Illegal Labor Migration on the Economic Complex of Modern Russia]. *Vestn. Tambov. un-ta. Gumanitar. nauki.* 2010, vol. 85, No. 5, pp. 204-208.

5. Dmitriev A.V. Migratsionnye vyvody i riski [Migratory Conclusions and Risks]. *Uch. zap. RGSU*. Moscow, 2007, No. 4, pp. 35-44.

6. Glukhov A.P., Okushova G.A. Rossiiskie migranty iz stran Tsentral'noi Azii: tsifrovizatsiya identichnosti [Russian Migrants from the Countries of Central Asia: Digitalization of Identity]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya.* 2017, No. 37, pp. 139-161.

7. Nezhdanov V.A. Paradoksy statistiki migratsii naseleniya regiona [Paradoxes of Migration Statistics of the Region]. *REGIONOLOGIYa REGIONOLOGY*. 2017, vol. 25, No. 2, pp. 279-293.

8. *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli RF, 1991–2016 gg.; Migratsiya v Rossii* [Socio-economic Indicators of the Russian Federation, 1991-2016; Migration in Russia]. Available at: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demograph (accessed 22.01.2018).

9. Calculated by the author on: *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2002* [The Demographic Yearbook of Russia 2002] / Goskomstat Rossii. Moscow, 2002, p. 348; *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2005* [The Demographic Yearbook of Russia. 2005] / Rosstat. Moscow, 2005, p. 517; *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2009* [The Demographic Yearbook of Russia. 2002] / Rosstat. Moscow, 2009, p. 465; *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2010* [The Demographic Yearbook of Russia. 2010] / Rosstat. Moscow, 2010, p. 443; *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2014* [The Demographic Yearbook of Russia. 2014] / Rosstat. Moscow, 2014 (tabl. 7.5 appx); *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2017* [The Demographic Yearbook of Russia. 2017] / Rosstat. Moscow, 2017 (tabl. 7.5 appx).

10. GDP per capita, PPP (current international $). Available at: http:// data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD (accessed 22.01.2018).

11. Zholdasov A.A., Chupik V.V. *Migranty iz Uzbekistana v Rossiyu. Otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya* [Migrants from Uzbekistan to Russia. Report on the Results of a Sociological Survey]. Available at: http://vku-org.ru/press/new/1517-migranty-iz-uzbekistana-v-rossiyu.html (accessed 22.01.2018).

12. Bagrov N.M., Plotnikov V.A. Demograficheskaya dinamika Rossii i stran mira: sravnitel'nyi analiz po statisticheskim pokazatelyam [Demographic Dynamics of Russia and the World: Comparative Analysis of Statistical Indicators]. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*. 2016, Iss. 3, pp. 176-186.

13. Rudenko M.N. Migratsionnye protsessy v usloviyakh globalizatsii i ikh vliyanie na regional'nuyu stabil'nost' [Migration processes in the conditions of globalization and their influence on regional stability]. Vestn. Astrakhanskogo gos. tekhn. un-ta. 2015, No. 1 (59), pp. 85-96.

Поступила в редакцию / Received ***17 мая 2018 г. / May 17, 2018***

УДК 338.45 DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-136-141

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2018 г. И.А. Полякова [а], Ю.Г. Чернышева [а]
[а] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF SUBJECTS OF SOUTHERN FEDERAL DISRICT: INFORMATIONAL AND ANALYTICAL ASPECTS

I.A. Poliakova [а], J.G. Chernysheva [а]
[а] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Полякова Ирина Абрамовна –
доктор экономических наук, профессор,
кафедра статистики, эконометрики
и оценки рисков,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ),
ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: mirgan15@mail.ru

Irina A. Poliakova -
Doctor of Economics, Professor,
Department of Statistics, Econometrics
and Risk Assessment,
Rostov State University
of Economics,
Bolshaya Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: mirgan15@mail.ru

Чернышева Юлия Гариевна –
доктор экономических наук, профессор,
кафедра анализа хозяйственной деятельности
и прогнозирования,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ),
ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.

Julia G. Chernysheva -
Doctor of Economics, Professor,
Department of Business Performance
Analysis and Forecasting,
Rostov State University
of Economics,
Bolshaya Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don,
344002, Russia.

Отражена актуальность процесса цифровизации экономики в России как важнейшего условия развития ресурсного потенциала общества. В контексте формирования инфраструктуры цифровой экономики подчеркиваются значение и роль государственной статистики как основного информационного источника; инструмента информационного обеспечения систем мониторинга в рамках реализации майских указов президента и современного инструментария осуществления расчетно-аналитических действий. Анализируется комплексный подход к разработке информационного обеспечения систем мониторинга по важнейшим направлениям социально-экономического развития, в частности инвестиционной деятельности, с учетом пространственной компоненты. На основе информационных массивов регионов, входящих в состав ЮФО, и их территориальной специфики рассчитаны рейтинговые оценки инвестиционной привлекательности и выявлены причины формирования их различных уровней. Получена сравнительная оценка объема и уровня инвестиций, направляемых в основной капитал по федеральным округам РФ.

Ключевые слова: *рейтинг, инвестиции, мониторинг, цифровая экономика, статистика, анализ.*

The article reflects the relevance of economy digitalization in Russia as the most important condition of developing the resource potential of the society. The context of forming the infrastructure of digital economy reflects the significance and role of the public statistics as the main information source; a tool of information provision of monitoring systems within implementing May Orders of President and the modern toolkit of computational actions. The authors analyses the complex approach to developing information provision of monitoring system on the crucial directions of social and economic development, particularly, investment activity, accounting of spatial component. Based on the data base of regions forming Southern Federal District and taking into account the regional features the ranking scores of investment attractiveness are counted and reason of forming their different levels are identified. The authors have made a benchmark of investment volume and level put the stock capital on federal districts of Russia.

Keywords: *rating, investments, monitoring, digital economy, statistics, analysis.*

Россия вступила в стадию формирования цифровой экономики, представляющую развитое современное информационное пространство, цель которого – обеспечение общества и различных групп пользователей достоверными данными о складывающихся социально-экономических процессах и явлениях. Это позволяет использовать обширный потенциал сведений, представленных в цифровой форме в качестве ключевого фактора развития всех сфер жизнедеятельности общества.

Для реализации процесса необходимо создание цифровых платформ и сервисов, обусловливающих развитие системы обработки данных, в том числе и информационно-аналитического обеспечения систем и инструментария мониторинга, организации новых форм статистического наблюдения за цифровой трансформацией общества в условиях устойчивого поступательного развития.

Министерством связи России разработана программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [1], в которой определены цели, задачи, направления и сроки реализации основных мер государственной политики по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики как фактора повышения конкурентоспособности страны, качества жизни граждан, появления новых возможностей развития человеческого капитала, обеспечения экономического роста и национального суверенитета.

И.И. Елисеева отмечает, что в возрастающем потоке информации государственная / официальная статистика сохранит свои функции главного информационного источника в стране, координатора статистической деятельности и статистической информации, выпускаемой в масс-медиа многочисленными отраслевыми аналитическими службами и информационными агентствами. Прежде всего, официальная статистика сохранит и упрочит свою роль как единственного источника, предоставляющего государственную экономику в разрезе ее секторов, видов деятельности, взаимосвязей между ними, а также взаимосвязей внутренней экономики с остальным миром. Система национальных счетов будет развиваться за счет детализации показателей выпуска, распределения, потребления и накопления по секторам экономики и видам деятельности, раскрывая систему межотраслевых связей [2].

В рамках реализации Стратегии устойчивого экономического развития России как сложной, многофакторной и многоступенчатой социоэкономико-экологической системы, повышения роли страны в мировом экономическом пространстве стоит задача комплексного развития территориальных образований.

Модернизация страны имеет пространственную проекцию и особенно ярко это выражено в России, поскольку высока степень территориальной дифференциации, и поэтому учет региональных особенностей является необходимым условием исследования различных аспектов и сценариев современного социально-экономического развития.

Трансформационные процессы, складывающиеся в настоящее время в экономике российских регионов, требуют повышения действенности экономических механизмов, информационно-аналитического обеспечения воспроизводственных процессов и на этой основе активизации управленческих структур в целях создания предпосылок стабильного экономического развития и, следовательно, повышения уровня жизни населения. Это вызывает необходимость сбалансирования ресурсной емкости природно-экономического и человеческого потенциала территориальных систем, высокого уровня развития социальной и информационной инфраструктуры с потребностями населения в качественных составляющих уровня жизни. Реализация данных процессов актуализируется в плане формирования цифровой платформы общественного развития.

Переход экономики на цифровую платформу базируется на наличии качественных информационных ресурсов и в частности представляет информационно-аналитическую основу мониторинга. Практика показывает, что мониторинг должен формироваться в рамках системного подхода к решению спектра задач, обеспечивающих эффективность экономики и социальной сферы регионов с учетом территориальной специфики.

Целью проведения мониторинга в ходе реализации пакета майских 2012 г. Указов Президента Российской Федерации является обеспечение органов управления достоверной информацией о процессах и их динамике в различных сферах жизнедеятельности с учетом уровня пространственной агрегации. Данная информация представляет информационную платформу

принятия обоснованных управленческих решений как в рамках бизнес-анализа субъекта хозяйствования, так и региона, направленных на поддержку позитивных и ослабление негативных тенденций развития [3].

Нами предложен алгоритм комплексного подхода к обоснованию и разработке информационного обеспечения мониторинговых систем по важнейшим направлениям социально-экономического развития в плане получения своевременной и качественной информации для решения аналитических и управленческих задач с учетом пространственной компоненты [4].

В настоящее время наблюдается оживление инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов реального сектора экономики России. Это актуализирует исследования данной сферы в регионах, что позволяет потенциальному инвестору определить основные факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность региона и отдельных хозяйствующих субъектов, расположенных на его территории.

Инвестиционная привлекательность представляет совокупность характеристик объекта инвестирования, которые служат для обоснования принимаемого инвестором решения. В Южном федеральном округе (ЮФО) это – геополитическое положение, наличие ресурсно-сырьевой базы, промышленный, научный, экономический потенциалы, природно-климатические условия, выгодное транспортно-географическое положение и другие показатели, которые включены в системы мониторинга.

Данный подход обусловлен тем, что инвестиционная привлекательность региона представляет собой совокупность ряда экономических и финансовых показателей и уровень, отражающий государственное, общественное, законодательное, политическое и социальное развитие. Наряду с отмеченным инвестиционная привлекательность в немалой степени определяет вектор направления развития физического, финансового, интеллектуального и человеческого видов капиталов.

Оценка инвестиционной привлекательности позволяет обеспечить поддержку развития перспективных видов экономической деятельности и производств, стимулирование миграции капитала и рабочей силы, развитие инфраструктуры, создание благоприятных условий для научно-исследовательских и инновационных исследований.

Национальное рейтинговое агентство Ranational.ru осуществило мониторинг инвестиционной привлекательности регионов ЮФО по ряду показателей, которые были выделены для мониторинга и последующей рейтинговой оценки (табл. 1). Отметим, что Республика Крым и г. Севастополь в состав ЮФО вошли недавно, и поэтому информация по данным территориям не была включена в мониторинг.

Таблица 1

Показатели деятельности субъектов ЮФО в 2015 г. [5]

Наименование субъекта ЮФО	ВРП на душу населения* (в текущих основных ценах), р.	Удельный вес прибыльных организаций в общем числе организаций, %	Инвестиции в основной капитал на душу населения, р.	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, % к пред. году
ЮФО	280342,3	68,9	86099	82,1
Ростовская область	235695,9	71,3	68655	98,1
Краснодарский край	330100,2	71,1	105754	72,7
Волгоградская область	278961,2	62,6	75771	95,7
Республика Адыгея	174017,6	79,0	34525	77,9
Республика Калмыкия	163688,1	48,6	57513	62,2
Астраханская область	283591,2	54,6	109379	89,0

* На момент написания статьи не опубликованы данные по ВРП 2016 г.

На основании мониторинга по приведенным выше показателям расчетно-аналитическим путем Национальным рейтинговым агентством Ranational.ru рассчитан рейтинг, результаты которого представлены в табл. 2.

Результаты рейтинга показывают, что категории хозяйствующих субъектов, входящих в его состав, имеют различия. Краснодарский край имеет высокий уровень инвестиционной привлекательности, Ростовская, Астраханская и Волгоградская области – средний, Республики Адыгея и Калмыкия – умеренный. Высокий уровень инвестиционной привлекательности Краснодарского края обоснован передовой эко-

номической результативностью. Данный регион имеет наилучшее значение показателя объема ВРП на душу населения, достаточно высокую инвестиционную активность, согласно значению инвестиций в основной капитал на душу населения (второе место по ЮФО).

Таблица 2

Рейтинг инвестиционной привлекательности субъектов Южного федерального округа на 01.02.2016 [6]

Субъект ЮФО	Уровень рейтинга	Статус
Ростовская область	IC5 (Средняя – второй уровень)	Подтвержден
Астраханская область	IC6 (Средняя – третий уровень)	Подтвержден
Волгоградская область	IC6 (Средняя – третий уровень)	Подтвержден
Республика Адыгея	IC7 (Умеренная – первый уровень)	Подтвержден
Краснодарский край	IC3 (Высокая – третий уровень)	Подтвержден
Республика Калмыкия	IC9 (Умеренная – третий уровень)	Подтвержден

Выше средней является эффективность экономической деятельности – удельный вес прибыльных организаций в Краснодарском крае составил 71,1 % [5].

Отстающими по всем показателям (см. табл. 2) являются Республики Калмыкия и Адыгея, имеющие самый низкий рейтинг среди регионов ЮФО. Однако в Республике Адыгея наблюдается наибольший удельный вес прибыльных организаций, а в Республике Калмыкия объем инвестиций в основной капитал на душу населения выше, чем в Республике Адыгея.

Таким образом, причинами формирования различных уровней инвестиционной привлекательности субъектов ЮФО являются: дифференциация уровней социально-экономического развития регионов; неравномерное распределение ресурсов; неблагоприятные природно-климатические условия в ряде регионов для инвестирования в сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство [7].

Для получения сравнительной оценки рассмотрен объём инвестиций, направляемых в основной капитал по федеральным округам (рис. 1).

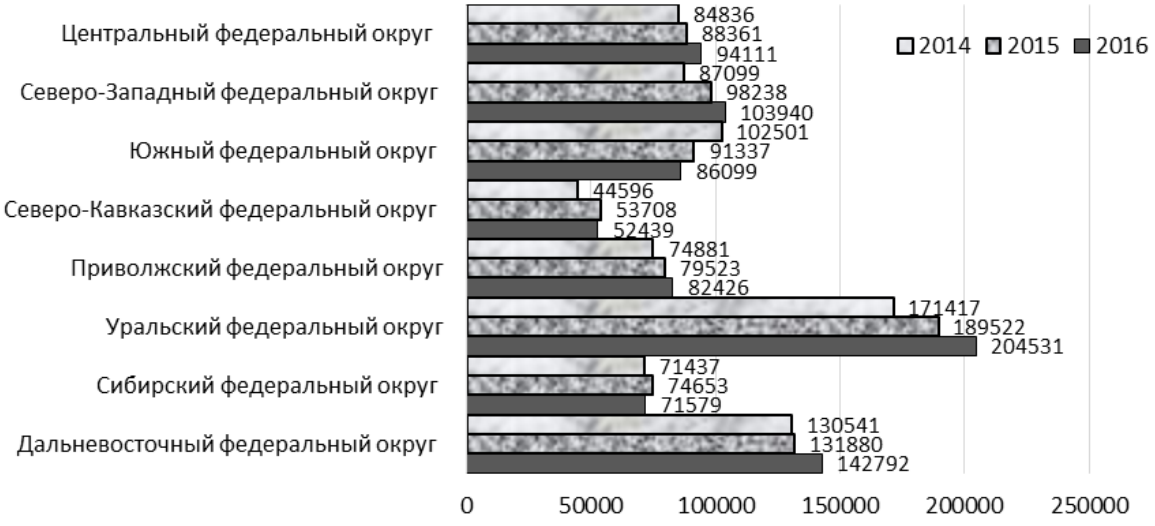

Рис. 1. Объем инвестиций в основной капитал по субъектам России, млн р. (в фактически действовавших ценах) (Построено авторами на основе информации Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_112/ IssWWW.exe/ Stg/05-1.doc)

В целом ЮФО занимает 5-е место в России по уровню инвестиционной привлекательности, конкурируя с Приволжским федеральным округом. Наряду с этим объём инвестиций сократился. Аналогичная ситуация сложилась и по Северо-Кавказскому федеральному округу, хотя практически по всем остальным субъектам наблюдается увеличение притока инвестиций по сравнению с предыдущими годами.

Инвесторы в меньшей степени стали направлять инвестиции в рассматриваемый регион, даже несмотря на природно-ресурсный и рекре-

ационный потенциал территорий Юга России. Это подтверждает индекс физического объема инвестиций в основной капитал, по которому Южный федеральный округ в 2016 г. получил в России последнюю позицию, при этом Северо-Кавказский федеральный округ показал значительное опережение (рис. 2).

Для повышения инвестиционной привлекательности территориальных образований в составе ЮФО необходимо, как полагают исследователи данного вопроса, совершенствовать действующее законодательство в плане обеспечения нормативно-правовой безопасности инвесторов.

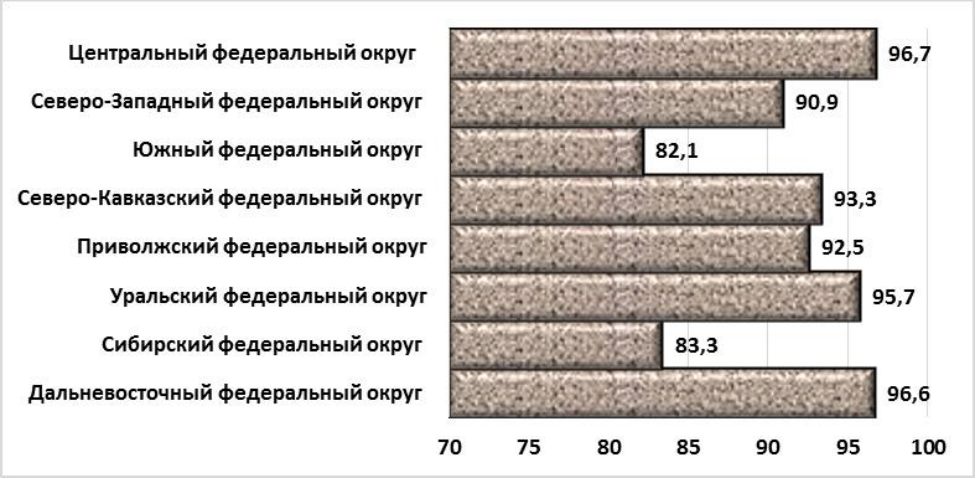

Рис. 2. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал по федеральным округам России в 2016 г. (% к предыдущему году) [5]

Наряду с этим мониторинг представляет информационно-аналитическую основу для учета конкурентных преимуществ отдельных субъектов ЮФО и оптимизации данной сферы деятельности.

Литература

1. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: http:// government.ru/docs/28653/ (дата обращения: 22.02.2018).

2. *Елисеева И.И.* Фундаментальные принципы статистики актуальны для развития цифровой экономики // Статистика в цифровой экономике: обучение и использование : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 1–2 февраля 2018 г.). СПб. : СПбГЭУ, 2018. 235 с.

3. *Чернышева Ю.Г., Шепеленко Г.И.* Бизнес-анализ как новая концепция аналитической обработки информации в современной экономике // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88). С. 34–37.

4. *Полякова И.А., Макаренко Е.Н., Полякова Е.М.* Информационно-аналитическое обеспечение мониторинга: методологические и прикладные аспекты. Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2018.

5. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_112/IssWWW.exe/Stg/05-1.doc (дата обращения: 22.02.2018).

6. URL: http://www.ra-national.ru/ru/ratings/rovinces?type=rating (дата обращения: 22.02.2018).

7. *Вовченко Н.Г., Андреева Л.Ю., Епифанова Т.В., Полуботко А.А.* Институты и инструменты «зеленого финансирования»: риски и возможности устойчивого развития российской экономики // Лесотехнический журнал. 2017. Т. 7, № 2 (26). С. 205–214.

References

1. *Ob utverzhdenii programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii»* [On the Approval of the Program “Digital Economy of the Russian Federation”]. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r Available at: http://government.ru/docs/28653/ (accessed 22.02.2018).

2. Eliseeva I.I. [Fundamental Principles of Statistics are Relevant for the Development of the Digital Economy]. *Statistika v tsifrovoi ekonomike: obuchenie i ispol'zovanie* [Statistics in the Digital Economy: Training and Use]. Proceedings of the intern. scientific-practical conf. (Saint Petersburg, Febr. 1-2, 2018). SPb.: SPbGEU, 2018, 235 p.

3. Chernysheva Yu.G., Shepelenko G.I. Biznes-analiz kak novaya kontseptsiya analiticheskoi obrabotki infor-

matsii v sovremennoi ekonomike [Business Analysis as a New Concept of Analytical Information Processing in the Modern Economy]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2017, No. 9 (88), pp. 34-37.

4. Polyakova I.A., Makarenko E.N., Polyakova E.M. *Informatsionno-analiticheskoe obespechenie monitoringa: metodologicheskie i prikladnye aspekty* [Information and Analytical Support of Monitoring: Methodological and Applied Aspects]. Rostov-on-Don: RGEU (RINKh), 2018.

5. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_112/IssWWW.exe/Stg/05-1.doc (accessed 22.02.2018).

6. Available at: http://www.ra-national.ru/ru/ ratings/rovinces?type=rating (accessed 22.02.2018).

7. Vovchenko N.G., Andreeva L.Yu., Epifanova T.V., Polubotko A.A. Instituty i instrumenty «zelenogo finansirovaniya»: riski i vozmozhnosti ustoichivogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki [Institutes and Instruments of “Green Financing”: Risks and Opportunities for Sustainable Development of the Russian Economy]. *Lesotekhnicheskii zhurnal*. 2017, vol. 7, No. 2 (26), pp. 205-214.

Поступила в редакцию / Received ***14 марта 2018 г. / March 14, 2018***

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

OUR PERSONS

DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-142-143

Акоп Жораевич Арутюнян

21 мая 2018 г. исполнилось 60 лет доктору исторических наук, доценту кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета Акопу Жораевичу Арутюняну. Путь в большую науку для него не был усыпан розами. Он родился в г. Ленинакане (ныне г. Гюмри), окончил школу с математическим уклоном и в 1975 г. начал свою трудовую деятельность работником ленинаканского текстильного комбината. После службы в Советской Армии в 1978 г. вернулся на родное предприятие и в 1979 г. поступил на исторический факультет Ереванского государственного университета. В 1984–1987 гг. обучался в аспирантуре при кафедре Всеобщей истории. Его научным руководителем был известный ученый, академик АН Армянской ССР Г.Х. Саркисян. По окончании аспирантуры в 1988 г. А.Ж. Арутюнян был принят на работу младшим научным сотрудником лаборатории исторической географии и картографии Армении исторического факультета ЕГУ, а на следующий год успешно защитил в Институте востоковедения АН Армянской ССР кандидатскую диссертацию на тему: «Восточная политика Римской империи в период домината и Армения (IV в. н.э.)».

С 1993 г. и по сей день ученый работает на кафедре Всемирной истории исторического факультета ЕГУ. Сначала он занимал должность старшего преподавателя, а с 2004 г. – доцент той же кафедры. Преподавательский потенциал А.Ж. Арутюняна достаточно высок. Для студентов не только исторического факультета ЕГУ, но и факультетов востоковедения, международных отношений, романо-германского, армянской филологии и других он читает самые разнообразные курсы, такие как история древнего Востока, история Древней Греции и Рима, всеобщая история, античное и средневековое источниковедение, арабские и арамейские княжества в Сирии и Месопотамии, история цивилизации, история колонизации (с древнейших времен до наших дней). Сотни студентов, с которыми Акоп Жораевич щедро делился своими обширными знаниями, до сих пор с благодарностью вспоминают своего учителя. Многие из них стали преподавателями школ и вузов, административными работниками, заняв высокие посты в различных государственных структурах Республики Армения. Не случайно за высокие успехи в научной и педагогической деятельности А.Ж. Арутюнян в 2013 г. был награжден памятной медалью ЕГУ.

Важнейшим этапом научной карьеры Акопа Жораевича была защита им в июне 2016 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук на ученом совете Белгородского государственного национального исследовательского университета на тему: «Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н.э. – III в.). Динамика межгосударственных границ и административно-территориального деления». В защите так или иначе приняли участие крупнейшие российские антиковеды. Оппоненты – доктора исторических наук Е.А. Молев (Нижний Новгород), В.И. Кащеев (Саратов) и А.П. Беликов (Ставрополь), а также ведущая органи-

зация, в качестве которой выступила кафедра археологии и истории Древнего мира Южного федерального университета, дали положительные отзывы на диссертацию. Одобрительные отзывы на автореферат диссертации прислали доктора исторических наук О.Ю. Климов и А.К. Нефедкин (Санкт-Петербург), В.Н. Парфенов (Саратов), А.М. Сморчков и А.В. Подосинов (Москва), А.Р. Панов (Арзамас). Высшая аттестационная комиссия РФ утвердила решение диссертационного совета Белгородского университета о присвоении А.Ж. Арутюняну ученого звания доктор исторических наук.

Характерной чертой А.Ж. Арутюняна как ученого является удивительное трудолюбие. Он работает много и упорно. Порой в ущерб своему здоровью. Но Акоп Жораевич не может сидеть без творческой работы: постоянно в его голове рождаются новые идеи, которые затем находят свое воплощение в многочисленных статьях и монографиях.

Сегодня А.Ж. Арутюнян, без сомнения, является ведущим антиковедом Республики Армения. Им опубликовано более 160 научных работ, причем география этих публикаций достаточно широка: помимо Армении и России, его работы в разное время издавались на Украине, в Казахстане, Белоруссии, Австрии, Ливане. Готовится к изданию вторая монография, посвященная древней столице Армянского государства – городу Тигранакерту.

Круг его научных интересов достаточно широк. Это историческая география и картография древней и раннесредневековой Армении, Восточного Средиземноморья и Малой Азии; военная история древней Армении. Впервые в армянской историографии А.Ж. Арутюнян определил географическую ориентацию «Древнеармянской географии», или «Ашхарацуйца», основываясь на трудах российских специалистов по исторической географии. Принципиально, по-новому им были рассмотрены сведения Страбона, Птолемея и Плиния Старшего, касающиеся исторической географии Армянского царства. Нельзя не отметить и то, что в формировании научного мировоззрения огромную роль сыграли не только армянские (Г.Х. Саркисян, С.Т. Еремян, В.А. Дилоян), но и российские историки (Э.Д. Фролов, С.Ю. Сапрыкин, А.В. Подосинов, Г.А. Кошеленко и др.).

Имя ученого широко известно среди российских антиковедов, ибо его труды часто публикуются в России на русском языке. Помимо научной А.Ж. Арутюнян ведет большую общественную работу. Он является членом редакционных коллегий научных журналов «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма» (Севастополь – Тюмень – Нижневартовск), «Русский язык в Армении» (Ереван) и «Проблемы современной русистики» (Ереван).

Характеризуя научную и педагогическую деятельность юбиляра, нельзя не сказать и о таких его личных качествах, как отзывчивость и доброта. Все, кто когда-либо обращались к нему за помощью или консультацией, получали её сполна и без всяких условий. И сегодня А.Ж. Арутюнян поддерживает тесные научные связи с российскими учеными, в том числе и с ростовскими. Не случайно его монография «Армения, государства Восточного Средиземноморья и Иран (189 г. до н.э. – 298 г. н.э.)» вышла в 2015 г. именно в издательстве ЮФУ.

Нашего юбиляра с Россией и российскими антиковедами связывают не только общие вгляды, но и то, что его мать Шушаник Багратовна Налбандян более 40 лет преподавала русский язык в школах Армении, а супруга Инна Робертовна Саркисян является заведующей кафедрой русского языка в АГПУ им. Хачатура Абовяна.

В свои 60 лет Акоп Жораевич полон творческих планов и задумок. От всей души поздравляем его со славным юбилеем и желаем ему дальнейших достижений на педагогическом и научном поприще.

Кафедра археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета

DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-144

Сергей Алексеевич Кислицын

1 мая 2018 г. исполнилось 65 лет Сергею Алексеевичу Кислицыну. Он родился 01.05.1953 г. в п. Ола Хабаровского края. После окончания школы работал на производстве, служил в рядах Советской Армии. В 1979 г. закончил исторический факультет Ростовского государственного университета. В 1984 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по проблеме историографии внутрипартийной борьбы. После завершения докторантуры в ИППК РГУ под началом проф. Е.Н.Осколкова защитил в 1994 г. докторскую диссертацию на тему: «Большевистская политическая элита 1920–1930-х гг.». С 1985 г. работал на кафедре политической истории РГУ, с 1999 г. и по настоящее время является профессором кафедры политологии и этнополитики СКАГС, с 2012 г. – факультета политологии Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Автор и соавтор 30 монографий и более 300 научных и учебно-методических работ. Сферу его научно-исследовательских интересов составляют проблемы функционирования в истории и на современном этапе политических элит и контрэлит, оппозиций и фронд, гражданского общества и этногеополитики.

Предлагаемые им инновационные подходы легли в основу научно-педагогической деятельности, в первую очередь преподавания исторической политологии, начало которой в РГУ положил коллектив авторов, подготовив учебные пособия под редакцией С.А. Кислицына («Российская историческая политология» (1998) и «История России в вопросах и ответах» (1997, 1999, 2001)). Важным направлением научно-педагогического творчества С.А. Кислицына является история Донского региона и казачества. Он составитель и соавтор учебных пособий «Донская история в вопросах и ответах» (1999), «История Донского края в XX веке» для школ (2004, 2013, 2017) под общей редакцией Ю.А. Жданова; «История Ростовской области (от «Земли войска Донского» до наших дней)» для вузов (2012), «Ростов-на-Дону глазами историков» (2015) и др.

Под руководством С.А. Кислицына защитились 3 доктора юрид. и полит. наук, 25 кандидатов полит. наук, 2 кандидата ист. наук. Сергей Алексеевич выполнял обязанности председателя ГАК на истфаке ЮФУ, члена диссертационных советов в ЮФУ и ЮРИУ РАНХиГС. Он является членом научных ассоциаций РАПН, РАЕН и др.

Как политолог С.А. Кислицын участвовал в создании энциклопедий и учебников по политологии и элитологии, коллективного труда «Основы политической элитологии» (2013, 2015, 2017), занимался общественно-политической деятельностью, в том числе входил в рег.советы движения «Духовное наследие» и социал-демократической партии. Работал в составе экспертных комиссий ряда министерств Ростовской области, Консультативного совета по казачеству ЮФО, рабочих групп по подготовке юбилейных изданий к 75-летию и 80-летию Ростовской области. Лауреат ряда научных конкурсов, он отмечен Нагрудным знаком «Почетный работник Министерства высшего профессионального образования РФ».

Поздравляем Сергея Алексеевича с 65-летием, желаем здоровья, многих лет творческой и плодотворной работы, а также успехов во всех начинаниях!

Н.А. Казарова, *д.и.н., профессор, ЮФУ,* ***А.В. Кокин,*** *д. геол.-минерал.н., профессор, ЮФУ,*
А.В. Лубский, *д.филос.н., профессор, ЮФУ,* ***А.В. Понеделков,*** *д.полит. н., профессор, РАНХиГС,*
С.В. Петрова, *д.полит. н., профессор, РАНХиГС*

DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-145

Юрий Семенович Колесников

5 апреля 2018 г. исполнилось 80 лет Юрию Семеновичу Колесникову, доктору экономических наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы. Родился он в г. Таганроге Ростовской области в 1938 г. В 1965 г. окончил исторический факультет Ростовского государственного университета (ныне – ЮФУ), защитил кандидатскую диссертацию по истории, впоследствии докторскую по экономическим наукам. Более 50 лет трудовой деятельности посвятил высшей школе. При его непосредственном участии происходили изменения в политике интеграции науки и образования на основе концепции университета исследовательского типа в 1970–1980-е гг.

Юрий Семенович – один из тех, кто стоял у истоков не только Северо-Кавказского научного центра высшей школы, уникального по тем временам образования, объединившего лучших представителей ученых юга России, северокавказских республик, но и ростовской социологической школы, которой пришлось начинать свою работу с модернизации сложившихся подходов к изучению общества. Первая в Ростове-на-Дону и на юге России социологическая лаборатория появилась в 1964 г. в РГУ на базе студенческого кружка, и первые социологические исследования отражали жизнь университета, студенчества, образования в целом. Этот проект был осуществлен Ю.А. Ждановым в рамках развития СКНЦ ВШ.

Ю.С. Колесников много лет был заведующим кафедрой прикладной социологии РГУ, а затем и ЮФУ, вел большую научно-организационную работу по повышению уровня методического, инструментального и информационного обеспечения учебного процесса, модернизации образовательных программ и технологий. Он – автор многочисленных монографий, учебников, актуальных статей по проблемам экономической социологии. Ю.А. Колесников – председатель докторского диссертационного совета по экономическим наукам, участвует в проведении внешней экспертизы докторских и кандидатских диссертаций. Под его руководством подготовлена целая плеяда докторов и кандидатов наук, в том числе и из республик Северного Кавказа.

Ю.С. Колесников – член-корреспондент Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии гуманитарных наук, член редколлегий журналов «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», «Научная мысль Кавказа». Сегодня, в год своего юбилея, Юрий Семенович по-прежнему пишет книги и статьи, ведет научную работу и помогает молодым ученым.

Коллективы редколлегии и редакции журнала от всей души поздравляют юбиляра и желают ему крепкого здоровья на долгие годы!

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-146-153

Воспоминание о будущем (Историки Ростовского университета : сб. биограф. очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : ЮФУ, 2017. 283 с.)

Memories about the Future (Historians of the Rostov University: Collected Biography Essays. Compiled by N.A. Kazarova and S. A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU, 2017. 283 p.)

В моих руках сборник биографических очерков об историках Ростовского государственного университета и организаторах исторической науки, высшего исторического образования на юге СССР. Многие ученые, о которых написаны очерки, а также историки-авторы очерков были моими учителями, коллегами и учениками. В этом сложность и одновременно простота и свобода читать и писать о тех, с кем немного или десятилетиями посчастливилось общаться в университете, трудиться на факультете или на кафедре.

Необходимость написания такого труда назрела давно, еще на рубеже 80–90-х гг. XX в., когда стало уходить из жизни поколение победителей – участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, тех, кто восстанавливал, развивал и во многом сформировал современный облик советской и донской исторической науки – организацию образования, создание научных школ и направлений, подготовку научно-педагогических кадров и распространение исторических знаний.

Однако горбачевская «Перестройка», затем распад Советского Союза, разрушение экономики страны, курс на глобализацию и толерантность, подписание Болонского соглашения и копирование западноевропейских моделей образования отодвинули, а затем надолго похоронили идеи создания очерков, а также истории исторического факультета Ростовского государственного университета. Собственно руководство факультета не желало и современного Института истории и международных отношений ЮФУ, не стремилось к тому, чтобы написать научную объективную историю, которая была бы напоминанием о классическом университете, где учили и готовили творцов и мыслителей, а не об организации, оказывающей образовательные услуги, выпускающей исполнителей и зарабатывающей деньги.

Не случайно составителями сборника выступили выпускники исторического факультета, работающие в других вузах – доктора исторических наук, профессора Нина Акоповна Казарова и Сергей Алексеевич Кислицын. Они собрали творческий коллектив, сформировали структуру и состав очерков, подготовили к печати разные по научному содержанию и эмоциональной окраске эссе, сохранили при этом авторские подходы и видение темы.

Отдельно следует сказать об отношении руководства Института истории и международных отношений ЮФУ к публикации сборника. Несмотря на то что стоят логотипы ЮФУ и ИИМО ЮФУ, эти организации не приняли участие в его создании, не нашли средств, чтобы его опубликовать. Профессора и доценты проявили инициативу, написали и выпустили сборник за свой счет в типографии ЮФУ. К сожалению, это стало традицией, когда ученые ИИМО ЮФУ выпускают монографии, статьи, выезжают на научные конференции за свои средства или ищут спонсоров. То, что по определению не могло быть в советскую эпоху, сегодня стало правилом.

Нельзя сказать, что о некоторых коллегах не писали краткие биографии и очерки, но их появление было связано с юбилейными датами, научными конференциями, безвременным уходом из жизни. Это накладывало отпечаток на содержание статей, сообщений и тезисов, многие биографические факты скрадывались в тени научных достижений или изложений концепций, какие-то события получали новые оценки, а суждения обретали стройность или утрачивали определенность. Сведения, разбросанные по

разным изданиям, представляли мозаичное полотно с большими лакунами, неполными или отрывочными свидетельствами [1–16].

Всем известны строки из стихотворения С.А. Есенина «Письмо к женщине» (1924 г.): «Лицом к лицу, лица не увидать. Большое видится на расстояньи…». Подтверждением этому является жизнь историков университета, запечатлённая в очерках, именно огромный пласт научной и духовный культуры, образовательной деятельности, не оцененный по достоинству современниками, тщательно не изученный до настоящего времени коллегами и учениками.

Необходимо отметить, что исторический факультет – это была динамично развивавшаяся система в составе Ростовского государственного университета, в которую большой личный вклад вносил ректор университета член-корреспондент РАН СССР (с 1991 г. РАН РФ), профессор Юрий Андреевич Жданов. Её достоянием являлись многочисленные поколения преподавателей, сотрудников и студентов, генерировавшие знания и выращивавшие таланты, развивавшие университетский дух гуманизма, свободомыслия, интеллекта, культуры, человеческой морали, сохранявшие и приумножавшие духовные ценности и традиции.

Настоящий сборник – это первый опыт-исследование, в котором через личность в истории раскрывается формирование и развитие университетской жизни на Дону в дореволюционную и советскую эпоху. Он включает три раздела, они, по мнению составителей, отражают динамику становления исторического факультета, роль выдающихся ученых в организации исторического образования, вклад профессоров и доцентов факультета в историческую науку.

В сборнике – 31 очерк о профессорах и доцентах факультета со сложными судьбами, различными путями пришедшими в историческую науку, но объединенных верностью служения и любовью к избранной профессии.

В 1915 г. Ростову-на-Дону повезло, в город был эвакуирован Варшавский университет, в числе многих широко известных ученых приехали и историки-профессора Н.Н. Любович, И.П. Козловский, А.И. Яцимирский, в 1920 г. из Москвы – историк права А.М. Ладыженский, и др. Ученых отличало прежде всего глубокое знание русской и европейской истории, основанное на материалах архивов России и Европы, владение несколькими иностранными языками, прекрасное понимание и использование методики преподавания истории и вспомогательных исторических дисциплин. Историческое образование на Дону начиналось не с нуля, закладывался хороший научный, теоретический и учебно-методический фундамент. Что было построено на его основе? – ответ в очерках-биографиях ученых университета и исторического факультета.

Следует, на наш взгляд, отметить, что в условиях Первой мировой войны, затем революций 1917 г. и Гражданской войны уровень преподавания истории и требований к студентам не снижался, не сокращались и не изымались из учебных планов дисциплины, которые формировали и определяли статус университета – древние языки, источниковедение, историография, вспомогательные исторические дисциплины, церковная история и религиозные движения в Европе и России, археология, история русской и зарубежной литературы, история искусств, практики, и др.

Это заслуга всего профессорско-преподавательского состава Варшавского университета, профессора Н.Н. Любович и И.П. Козловский, по мнению Н.А. Казаровой, внесли огромный вклад в становление высшего исторического образования, деятельность историко-краеведческих организаций на юге страны, изучение археологических памятников Донского края [17, 18]. Необходимо дополнить, на наш взгляд, участие ученых в создании Донского археологического института, который готовил специалистов для музеев, архивов, клубов и других учреждений культуры. Его предполагалось преобразовать в полноценный институт культуры, но из-за финансовых трудностей он был закрыт [19–21].

Биографии ученых Варшавского (позже Донского) университета подтверждают важные этапы развития университетского образования в регионе. На первом этапе, 1915–1925/26 гг., они занимались сохранением и развитием высшей школы в различных социально-политических и военных условиях. На втором, 1925/26 гг. – 1939/40 гг., начались масштабные реформы в области образования, политические процессы, увольнения, социальные чистки студенчества и профессорско-преподавательского состава. Советская власть разрушила университетский дух вольности и свободы, резко понизила теоретический уровень исследований, изменила основы организации университетского учебного процесса.

После воссоздания в конце 30-х гг. XX в. университетского исторического образования на Дону советское государство сохранило научные мировоззренческие принципы, высокие требования к освоению фундаментальных и прикладных дисциплин. Факультет и кафедры возглавляли ведущие ученые, имевшие научное и общественное признание, ученые степени и звания.

Действительное восстановление университетского духа и образования в РГУ связано, по признанию многих современников, поколений преподавателей и выпускников, с именем член-корреспондента АН СССР, профессора Ю.А. Жданова. Выпускник Московского государственного университета, один из

крупнейших отечественных ученых-химиков, науковедов и культурологов возглавил Ростовский госуниверситет в 1957 г., он принадлежал к политической и научной элите страны, прекрасно понимал предназначение гуманитарного знания и, в частности, истории [22, с. 23–24; 23]. При нем в 1965 г. исторический факультет обрел самостоятельность, выделился из историко-филологического факультета, стал частью крупнейшего образовательного и научно-исследовательского комплекса международного уровня. Это был период, по мнению В.Ф. Патраковой и В.В. Черноуса, когда отечественная наука успешно конкурировала в большинстве отраслей научного знания с США, Японией и Западной Европой [24].

В очерке о Ю.А. Жданове профессор С.А. Кислицын выделил две важные и малоизученные темы – подходы ученого к истории Мира и Отечества как факторы, влиявшие на развитие исторической науки и образования в РГУ и на Северном Кавказе [22, с. 24]. Вклад Ю.А. Жданова, по мнению С.А. Кислицына, заключается прежде всего в его идеях, в понимании истории и современных основ развития цивилизации, места в ней России и других стран, влияния Кавказского региона на Ближневосточный мир.

Можно дополнить, что Ю.А. Жданов бережно относился к научным идеям, понимал их роль в развитии науки и социальной практике. В своей статье «Без теории нам смерть! Смерть! Смерть!» он поддержал тезис И.В. Сталина: «Главное в жизни – идея. Когда нет идеи, то нет цели движения; когда нет цели – неизвестно, вокруг чего следует сконцентрировать волю» [25]. И сегодня это звучит актуально – государство в поисках национальной идеи, Минобрнауки – идеи современной системы высшего образования, ЮФУ – идеи и идеологии университета, его статуса в российских и международных рейтингах, ИИМО – идеи места историков в образовательном пространстве Южного федерального университета.

Не обошел Ю.А. Жданов вниманием и проблемы казачества юга России, ученый содействовал возрождению его культурно-исторических, духовных, патриотических и демократических традиций, становлению казаковедения как научного направления, превращению исторического факультета РГУ в крупный центр изучения российского казачества, народов Северного Кавказа [22, с. 29–30].

С.А. Кислицын неоднократно отмечает, что энциклопедические знания, принадлежность к государственной и партийной элите СССР, понимание механизмов ее функционирования, собственный опыт накладывали отпечаток на оценки событий прошлого и современности. Ю.А. Жданов высказывал их на встречах и в дискуссиях с автором очерка, в выступлениях на конференциях, на страницах различных изданий и в частной переписке. Свидетельства современника, С.А. Кислицына, очень важны – они несут на себе печать личного восприятия и дух времени. Замечания Ю.А. Жданова о внутрипартийной борьбе, государственной политике в стране в 30–40-е гг. XX в., роли личности и интеллигенции в истории, месте Советского Союза во всемирно-историческом процессе и сегодня не потеряли своего значения, долгие годы будут актуальны и востребованы наукой [22, с. 35–39].

Организаторы исторической науки в РГУ представлены очерками о деканах факультета – докторе исторических наук, профессоре Н.И. Покровском, кандидате исторических наук Г.А. Иноземцеве, докторе исторических наук, профессоре В.А. Золотове, докторе исторических наук, профессоре А.И. Козлове, докторе исторических наук, профессоре В.Е. Максименко – ученых разных поколений, образовательных школ, научных интересов и жизненного опыта.

Авторы с разной степенью полноты отразили их деятельность на должности руководителя факультета, уделив более внимания биографиям и характеристике научных концепций, вкладам в историческую науку. Это доктор исторических наук, профессор Н.И. Покровский и кандидат исторических наук Г.А. Иноземцев, которые возглавляли факультет незначительное время, первый – в 1941–1946 гг. с перерывами на эвакуацию в Закавказье (г. Ереван) в период Великой Отечественной войны (в это время университет и факультет находились в эвакуации в г. Ош Киргизской ССР), второй – в 1955–1957 гг.

Автор эссе о Н.И. Покровском профессор Н.А. Мининков обозначил основные биографические данные ученого и сложные события в жизни, обстоятельно раскрыл его взгляды на Кавказскую войну, причины непубликации в советское время монографии «Кавказские войны и имамат Шамиля» [26]. Вместе с тем необходимо заметить, что некоторые факты биографии Н.И. Покровского, основанные на автобиографии и семейных преданиях, требуют дальнейшего исследования и документального подтверждения.

Путь на исторический факультет РГУ Героя Советского Союза Г.А. Иноземцева подробно описан доктором исторических наук, профессором С.А. Кислицыным и кандидатом исторических наук, доцентом И.Г. Кислицыной. Он был сложным и длительным: от железнодорожного училища, через Ростовскую гимназию, Северо-Кавказский университет и Донской археологический институт, деятельность в краеведческих организациях и хозяйственных структурах Ростовской области, участие в археологических раскопках в Танаисе и на Нижнем Дону, Великую Отечественную войну, культурно-образовательные организации Ростова-на-Дону.

Следует добавить, что очерк о Герое Советского Союза Г.А. Иноземцеве можно было бы дополнить материалами о его участии в Великой Отечественной войне, вкладе в Донское краеведение, описанием личного архива. Они подробно освещены в статье А.И. Агафонова [11]. Г.А. Иноземцев являлся участни-

ком Парада Победы в Москве 24 июня 1945 г., ассистентом знамени Сводного полка 1-го Белорусского фронта [27].

Непродолжительные время руководство факультета не позволило авторам показать административную и учебно-методическую деятельность Н.И. Покровского и Г.А. Иноземцева, роль в восстановлении и развитии историко-филологического факультета. Безусловно, дополнить эту и другие темы помогли бы биографии деканов факультета 1946–1955 гг. – кандидатов исторических наук, доцентов Менахема Моисеевича Кривина, Владимира Ивановича Кузнецова, Филиппа Филипповича Дьяченко.

Бурное развитие и расцвет факультета в 1957–1991 гг., превращение его в центр притяжения научной и культурной жизни университета, Северного Кавказа, Восточной Украины и Нижнего Поволжья совпало со временем, когда университет возглавлял член-корреспондент АН СССР, профессор Ю.А. Жданов. Он внимательно относился к кадрам, выдвигал и поддерживал на должности декана исторического факультета ведущих и авторитетных ученых – докторов исторических наук, профессоров В.А. Золотова, А.И. Козлова и В.Е. Максименко.

Это замечание относится и к формированию корпуса заведующих кафедрами исторического и других факультетов РГУ. Научные интересы деканов лежали в разных областях – В.А. Золотов исследовал историю России XIX – начала XX в., зерновое хозяйство на южных окраинах страны и хлебный экспорт России через азово-черноморские порты [28], А.И. Козлов – Гражданскую войну на Дону и в Степном Предкавказье, историю казачества XX в., жизнь партийно-политической и творческой элиты СССР [29], В.Е. Максименко являлся археологом, ведущим сарматологом страны [30]. Ректор и деканы сохраняли университетские традиции – профильное образование на факультете, научные интересы и образование заведующих и ученых кафедр совпадали с учебными планами и программами, преподаваемыми дисциплинами, развивался дух творчества и вольнодумия.

Разных по возрасту, характеру и научному кругозору В.А. Золотова, А.И. Козлова и В.Е. Максименко объединяли высокий профессионализм, патриотизм, требовательность, любовь к своему делу, бескорыстие, стремление помочь коллегам и студентам, знакомым и неизвестным людям. Они отвечали тем же. Не случайно коллеги и студенты, выпускники факультета по-доброму называли В.А. Золотова «Папой», А.И. Козлова, особенно в последние годы жизни, когда он ходил с большой седой окладистой бородой, – «Дедом», В.Е. Максименко – «Максом».

На факультете в эти годы существовала неразрывная связь поколений, по возрасту «отцы» учили «детей», а затем и работали вместе с ними, господствовала атмосфера доверия и доброжелательности, духовное историческое сообщество. Под руководством В.А. Золотова, А.И. Козлова, В.Е. Максименко были проведены реорганизации факультета, созданы новые кафедры и направления подготовки, сформирован Ученый совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, возвращены в учебные планы и преподавание университетские дисциплины, по уровню подготовки исторический факультет РГУ не уступал столичным вузам.

Безусловно, наши деканы факультета не смогли бы самостоятельно добиться высоких результатов, они опирались на поддержку коллег и единомышленников, о них очерки помещены в третьем разделе сборника, а также тех, о которых еще не написаны эссе и статьи.

Очерки представляют преподавателей факультета разных поколений, дореволюционного – профессора А.Д. Дмитрев, М.В. Клочков, легенды советской эпохи – профессора Н.А. Акимкина, Г.Г. Бауман, А.П. Пронштейн, Е.И. Демешина, Ю.И. Серый, Е.Н. Осколков, П.В. Семернин, И.П. Хлыстов, доценты Н.В. Бакулина, Ю.В. Кнышенко, М.А. Люксембург, Б.В. Чеботарев, молодое поколение доцентов и профессоров эпохи Ю.А. Жданова – профессор В.Н. Королев, доцент Н.С. Коршиков и др.

Большинство очерков о профессорах и доцентах факультета носят личный характер, печать той эпохи, когда мы их знали. Писали ученики об учителях, коллеги – о своих коллегах, друзья – о друзьях, с кем долгие годы работали и знали друг друга со студенческой скамьи и аспирантуры. В этих условиях трудно сохранить академический стиль, сухими строчками биографий или обстоятельными изложениями научных концепций и достижений показать время и судьбы. Память услужливо подсказывает какие-то яркие события, незначительные детали, которые неожиданно стали важными, необходимыми, определяющими…

С 1991 г. изменилось социально-политическое положение в стране, нет больше могучей державы СССР. Сегодня модно критиковать советскую эпоху, но следует напомнить многим неофитам современного либерализма, что не надо заставлять «каяться» наших учителей, приписывать им постмодернистские идеи, наделять их способностями социального предвидения и прогнозирования [31–34]. Они были коммунистами, носителями и выразителями господствовавшей идеологии, сохранили преданность своим идеалам. В отличие от некоторых учеников и современников… Читая очерки, не покидает чувство, что наши учителя и коллеги рядом с нами, но только на время куда-то выехали – в командировку, в архивы,

библиотеки, со студентами в колхозы, на практики в Москву, Ереван, Тбилиси, Казань, по Золотому Кольцу…

Разномыслие, индивидуальность, неординарное мышление, творчество и духовная свобода, что по определению характерно науке, были присущи нашим учителям и коллегам. Они прививали это своим ученикам, сегодня стараемся сохранить и продолжить эти традиции, но не всегда это удается. Причины разные…

Географическая, а не научная провинциальность университета давала свои преимущества, не было жесткого партийного досмотра, за редким исключением, если коллеги не выискивали друг у друга идеологические и научные отклонения от генерального курса КПСС. Тому свидетельством являются жаркие дискуссии, развернувшиеся вокруг монографий Д.С. Бабичева [35], И.С. Маркусенко [36], выступлений на методологическом семинаре исторического факультета профессора П.Г. Чернопицкого о состоянии доколхозной деревни и коллективизации на Дону, Кубани и Ставрополье.

В настоящее время многие факты и оценки, научные положения ученых широко признаны в науке, разошлись по докторским и кандидатским диссертациям, монографиям и статьям, довольно часто без ссылок на авторов идей, положений, впервые введенные в научный оборот исторические источники.

Биографические очерки неоднозначны по содержанию, в одних преобладают сведения личного характера, в других – превалируют эмоционально-образные оценки, основанные на авторских воспоминаниях, в третьих – подробно освещается научное наследие через призму собственного опыта, результатов развития отечественной исторической науки.

Научные достижения ученых исторического факультета РГУ подробно изучаются в очерках о Ю.В. Кнышенко, Н.С. Коршикове, В.Н. Королеве, Е.Н. Осколкове, А.П. Пронштейне, Ю.И. Сером, П.Г. Чернопицком, по-разному оцениваются с позиций современного знания. А.И. Агафонов, Н.А. Казарова, С.С. Казаров, А.В. Лубский, С.А. Кислицын, Т.А. Еремеева и другие авторы отмечают, что независимо от научных интересов ученых объединяли творчество, смелость и импровизация. Они проявлялись в исследованиях, в лекциях для студентов, на семинарских занятиях, в спецкурсах, в живом общении. Эта эпоха оставила фундаментальные монографии и статьи по истории России, Дона, Северного Кавказа, теории и методологии исторического познания, методике исторического исследования, хронологии, метрологии, генеалогии…

Ростовские ученые отходили от догматических положений марксистской теории, осваивали новые исследовательские горизонты, овладевали современной теорией и методологией, понятийно-категориальным аппаратом и терминологией. Они сформировали новое научное, духовное и интеллектуальное пространство, в котором интегрировались академические результаты с учебным процессом, опыт учителей и новаторство учеников, создавались и укреплялись научные связи и силы на юге страны.

Следует подчеркнуть, что первый опыт составителей и авторов очерков оказался успешным, но работа требует продолжения. Биографии многих ученых исторического факультета не написаны, они бы значительно дополнили и расширили наши представления о жизни исторического факультета, состоянии университетского образования и науки на Дону и в СССР. За «бортом» исследований оказались кандидаты исторических наук, доценты Д.С. Бабичев, А.Г. Беспалова, А.Г. Задера, И.С. Маркусенко, М.И. Овчинникова, В.И. Писарев, доктора исторических наук, профессора А.В. Фадеев, К.А. Хмелевский, историк права, доктор юридических наук А.М. Ладыженский, зав. археологической лабораторией исторического факультета РГУ Л.М. Казакова, зав. педагогической практикой П.И. Комиссаров…. Необходима и история повседневности, преподаватели, студенчество и общественная жизнь, поездки в колхозы, субботники и другие мероприятия…

Конечно, биографические очерки ученых не исчерпывают всей полноты и сложности жизни исторического факультета РГУ, но могут служить основой для создания его истории. Неудобно долго «ходить босяком», в последние десятилетия постоянно звучит вопрос: почему «сапожник без сапог?», может пришло время «обуться» ?!

Литература и примечания

1. *Кислицын С.А., Степаненко Н.А.* Юрий Жданов: учёный, политик, гражданин. Материалы к биографии. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2011. 189 с.

2. *Кислицын С.А.* Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым. М., 2012.

3. *Кислицын С.А.* Ю.А. Жданов: выдающийся организатор науки, видный учёный-марксист // Политическое просвещение. 2016. № 6 (95).

4. *Агафонов А.И.* Гражданин, патриот, ученый. К 85-летию со дня рождения А.П. Пронштейна // Донской временник. Год 2004-й. Ростов н/Д., 2003.

5. *Агафонов А.И.* История Дона и Северного Кавказа в трудах А.П. Пронштейна // Памяти профессора Александра Павловича Пронштейна : сб. ст. Ростов н/Д., 2000.

6. *Агафонов А.И., Мининков Н.А.* История России, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в трудах А.П. Пронштейна // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1999. № 1.

7. *Агафонов А.И.* Коршиков Николай Семенович // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.

8. *Агафонов А.И*. Николай Семенович Коршиков // Донской временник. Год 2002-й. Ростов н/Д., 2001.

9. *Агафонов А.И.* Историк и краевед Николай Семенович Коршиков. Штрихи к портрету ученого // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2001. № 3.

10. *Агафонов А.И.* Анатолий Всеволодович Фадеев (1908–1963) // Путями познания. Биографические очерки о видных ученых Ростовского государственного университета / отв. ред. В.И. Филоненко. Ростов н/Д. : ИРУ, 1985.

11. *Агафонов А.И*. Герой Советского Союза Г.А. Иноземцев // Археографический ежегодник за 1980 год. М. : Наука, 1981. С. 256–259.

12. *Лубский А.В*. // Ecce homo (Памяти Э.Г. Алавердова: 1947–1996 гг.) / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д., 2002.

13. *Лубский А.В*. Памяти учителя: к 90-летию со дня рождения профессора Ю.И. Серого // Гуманитарий Юга России. 2012. № 2. С. 231–236.

14. *Кореняко В.А.* Памяти Владимира Евгеньевича Максименко // Российская археология. 2015. № 3. С. 190–191.

15. *Кореняко В.А.* Вспоминая Владимира Евгеньевича Максименко // За рекой Танаисом: сб. памяти В.Е. Максименко (1939–2014). Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2015. С. 3–13.

16. *Матвеев Г.А*. Евгений Николаевич Осколков (К 80-летию со дня рождения) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2005. № 3. С. 115–118.

17. *Казарова Н.А.* Любович Николай Николаевич (1855–1929?) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. С. 15–16.

18. *Казарова Н.А*. Козловский Иван Павлович (1869–1942) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2017. С. 18–22.

19. *Колин А.И., Стыкалин А.С*. Новые сведения о жизни и деятельности Ростовского профессора А.И. Яцимирского // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 188.

20. *Степаненко Н.А.* А.И. Яцимирский // Донской архив. 2008. № 4. С. 14–18.

21. *Лукьяшко Е.П.* Прошлое Ростовского архива // Донской временник. Год 2005-й. Ростов н/Д., 2004. С. 94–97.

22. *Кислицын С.А.* Жданов Юрий Андреевич (1919–2006) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2017. С. 23–24.

23. *Кислицын С.А*. Ю.А. Жданов как историк (навстречу 100-летию со дня рождения) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2017. № 1. С. 85–93.

24. *Патракова В.Ф., Черноус В.В*. Ю.А. Жданов и развитие исторической науки в Ростовском госуниверситете // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 11–13.

25. *Жданов Ю.А.* «Без теории нам смерть! Смерть! Смерть!» URL: http://stalinism.ru/stalin-i-gosudarstvo/bez-teorii-nam-smert-smert-smert.html (дата обращения: 25.12.2017).

26. *Мининков Н.А*. Покровский Николай Ильич (1897–1946) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог, 2017. С. 39–49.

27. Сводный полк 1-го Белорусского фронта во время Парада Победы на Красной площади (Герой Советского Союза Г.А. Иноземцев на Параде Победы в Москве 24 июня 1945 г. 6-й слева в первом ряду от знамени 1-го Белорусского фронта). Автор фотографии: Халдей Евгений Ананьевич. Место съемки: г. Москва. Дата съемки: 24 июня 1945 г. Архив: Центральный архив аудиовизуальных документов г. Москвы. Архивный номер: арх. № 0-18742; см. также: Парад Победы 24 мая 1945 года в г. Москве. Док. фильм. Съемки: фронтовые операторы. Режиссеры: Лауреат Сталинской премии В. Беляев; И. Венжер; Лауреат Сталинской премии И. Посельский. ЦСДФ. 1945.

28. *Нарежный А.И., Пятикова М.В.* Золотов Владимир Александрович (1922–1972) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2017. С. 58–61.

29. *Кислицын С.А., Перехов Я.А*. Козлов Александр Иванович (1930–2009) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2017. С. 64–75.

30. *Кореняко В.А*. Максименко Владимир Евгеньевич (1939–2014) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2017. С. 88–91.

31. *Шпагин С.А.* Акимкина Нина Алексеевна (1925–2014) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2017. С. 95, 99.

32. *Лубский А.В.* Алавердов Эммануил Георгиевич (1947–1996) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2017. С. 101–102.

33. *Лубский А.В.* Серый Юзеф Иосифович (1922–1986) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2017. С. 242, 250–252.

34. *Казаров С.С.* Кнышенко Юрий Венедиктович (1921–1990) // Историки Ростовского университета : сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2017. С. 156–157.

35. *Бабичев Д.С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1969.

36. *Маркусенко И.С.* Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1977.

References

1. Kislitsyn S.A., Stepanenko N.A. Yurii Zhdanov: *uchenyi, politik, grazhdanin. Materialy k biografii* [Yury Zhdanov: Scientist, Politician, Citizen. Materials for Biography]. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2011, 189 p.

2. Kislitsyn S.A. *Yurii Zhdanov: ryadom so Stalinym, Sholokhovym, Il'enkovym* [Yury Zhdanov: next to Stalin, Sholokhov, Ilyenkov]. Moscow, 2012.

3. Kislitsyn S.A. Yu.A. Zhdanov: vydayushchiisya organizator nauki, vidnyi uchenyi-marksist [Yu.A. Zhdanov: Outstanding Organizer of Science, Prominent Marxist Scholar]. *Politicheskoe prosveshchenie*. 2016, No. 6 (95).

4. Agafonov A.I. [Citizen, Patriot, Scientist. On the 85th Anniversary of the Birth of A.P. Pronshtein]. *Donskoi vremennik. God 2004-i* [Don Temporary. Year 2004]. Rostov-on-Don, 2003.

5. Agafonov A.I. [The History of the Don and the North Caucasus in the Writings of A.P. Pronshtein]. *Pamyati professora Aleksandra Pavlovicha Pronshteina* [In memory of Professor Alexander Pavlovich Pronshtein]. Col. art. Rostov-on-Don, 2000.

6. Agafonov A.I., Mininkov N.A. Istoriya Rossii, istochnikovedenie i vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v trudakh A.P. Pronshteina [History of Russia, Source Study and Auxiliary Historical Disciplines in the Works of A.P. Pronshtein]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 1999, No. 1.

7. Agafonov A.I. [Korshikov Nikolay Semenovich]. *Otechestvennaya voina 1812 goda* [The Patriotic War of 1812]. Encyclopedia. Moscow, 2004.

8. Agafonov A.I. [Nikolay Semenovich Korshikov]. *Donskoi vremennik. God 2002-i* [Don Temporary. Year 2002]. Rostov-on-Don, 2001.

9. Agafonov A.I. Istorik i kraeved Nikolai Semenovich Korshikov. Shtrikhi k portretu uchenogo [Historian and Ethnographer Nikolay Semenovich Korshikov. Touches to the Portrait of the Scientist]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2001, No. 3.

10. Agafonov A.I. [Anatoly Vsevolodovich Fadeyev (1908-1963)]. *Putyami poznaniya. Biograficheskie ocherki o vidnykh uchenykh Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Ways of Cognition. Biographical Essays about Prominent Scientists of Rostov State University]. Ed. by V.I. Filonenko. Rostov-on-Don: IRU, 1985.

11. Agafonov A.I. [Hero of the Soviet Union G.A. Inozemtsev]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1980 god* [Archeographic Yearbook 1980]. Moscow: Nauka, 1981, pp. 256-259.

12. Lubskii A.V. *Ecce homo (Pamyati E.G. Alaverdova: 1947–1996)* [Ecce Homo (In Memory of E.G. Alaverdov: 1947-1996)]. Ed. A.V. Lubskii. Rostov-on-Don, 2002.

13. Lubskii A.V. Pamyati uchitelya: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora Yu.I. Serogo [In Memory of the Teacher: to the 90th Anniversary of the Birth of Professor Yu.I. Seryi]. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2012, No. 2, pp. 231-236.

14. Korenyako V.A. Pamyati Vladimira Evgen'evicha Maksimenko [In Memory of Vladimir Evgenievich Maksimenko]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 2015, No. 3, pp. 190-191.

15. Korenyako V.A. [Recalling Vladimir Evgen'evich Maksimenko]. *Za rekoi Tanais* [Behind the River Tanais]. Col. in Memory of V.E. Maksimenko (1939-2014). Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2015, pp. 3-13.

16. Matveev G.A. Evgenii Nikolaevich Oskolkov (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya) [Evgeny Nikolaevich Oskolkov (To the 80th Anniversary of his Birth)]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2005, No. 3, pp. 115-118.

17. Kazarova N.A. [Lyubovich Nikolay Nikolaevich (1855-1929?)]. Istoriki Rostovskogo universiteta [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov n/D.; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 15-16.

18. Kazarova N.A. [Kozlovsky Ivan Pavlovich (1869-1942)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov n/D.; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 18-22.

19. Kolin A.I., Stykalin A.S. Novye svedeniya o zhizni i deyatel'nosti Rostovskogo professora A.I. Yatsimirskogo [New Information about the Life and Work of the Rostov Professor A.I. Yatsimirsky]. *Novoe proshloe*. 2016, No. 4, p. 188.

20. Stepanenko N.A. A.I. Yatsimirskii [A.I. Yatsimirsky]. *Donskoi arkhiv*. 2008, No. 4, pp. 14-18.

21. Luk'yashko E.P. [The Past of the Rostov Archive]. Donskoi vremennik. *God 2005-i* [Don Temporary. Year 2005]. Rostov-on-Don, 2004, pp. 94-97.

22. Kislitsyn S.A. [Zhdanov Yury Andreevich (1919-2006)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 23-24.

23. Kislitsyn S.A. Yu.A. Zhdanov kak istorik (navstrechu 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Yu.A. Zhdanov as a Historian (towards the 100th Anniversary of his Birth)]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2017, No. 1, pp. 85-93.

24. Patrakova V.F., Chernous V.V. Yu.A. Zhdanov i razvitie istoricheskoi nauki v Rostovskom gosuniversitete [Yu.A. Zhdanov and the Development of Historical Science in Rostov State University]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2010, No. 1, pp. 11-13.

25. Zhdanov Yu.A. «Bez teorii nam smert'! Smert'! Smert'!» ["Without Theory, we Die! Death! Death!"]. Available at: http://stalinism.ru/stalin-i-gosudarstvo/bez-teorii-nam-smert-smert-smert.html (accessed 25.12.2017).

26. Mininkov N.A. [Pokrovsky Nikolay Ilyich (1897-1946)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog, 2017, pp. 39-49.

27. The Consolidated Regiment of the 1st Byelorussian Front during the Victory Day parade in Red Square (Hero of the Soviet Union G.A. Inozemtsev at the Victory Parade in Moscow on June 24, 1945, 6th left in the front row from the banner of the 1st Byelorussian Front). Photo Author: Khaldey Evgeniy Ananievich. Location: Moscow. Date: June 24, 1945. Archive: Central Archive of Audiovisual Documents in Moscow. Archive number: arch. No. 0-18742; See also: Victory Parade on May 24, 1945 in Moscow. Documentary movie. Shooting: front-line operators. Directors: Stalin Prize Winner V. Belyaev; I. Wenger; The winner of the Stalin Prize I. Poselsky. TSSDF. 1945.

28. Narezhnyi A.I., Pyatikova M.V. [Zolotov Vladimir Alexandrovich (1922-1972)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 58-61.

29. Kislitsyn S.A., Perekhov Ya.A. [Kozlov Alexander Ivanovich (1930-2009)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 64-75.

30. Korenyako V.A. [Maksimenko Vladimir Evgenievich (1939-2014)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 88-91.

31. Shpagin S.A. [Akimkina Nina Alekseevna (1925-2014)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 95, 99.

32. Lubskii A.V. [Alaverdov Emmanuil Georgievich (1947-1996)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 101-102.

33. Lubskii A.V. [Seryi Yuzef Iosifovich (1922-1986)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 242, 250-252.

34. Kazarov S.S. [Knyshenko Yury Venediktovich (1921-1990)]. *Istoriki Rostovskogo universiteta* [Historians of the Rostov University]. Col. Biogr. Essays. Comp. by N.A. Kazarova and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo YuFU, 2017, pp. 156-157.

35. Babichev D.S. *Donskoe trudovoe kazachestvo v bor'be za vlast' Sovetov* [The Don Working Cossacks in the Struggle for the Power of the Soviets]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1969.

36. Markusenko I.S. *Don v Velikoi Otechestvennoi voine* [Don in the Great Patriotic War]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1977.

А.И. Агафонов,
доктор исторических наук,
профессор кафедры специальных
исторических дисциплин
и документоведения ИИМО,
Южный федеральный университет

DOI 10.23683/0321-3056-2018-2-154-155

О проблемах национальной политики современной России на Северном Кавказе (Дзидзоев В.Д., Гаджиев М.М. Национальная политика постсоветской России на Северном Кавказе и проблемы выхода из кризиса. Владикавказ : Ир, 2017. 342 с.)

On the Problems of the National Policy of Modern Russia in the North Caucasus (Dzidzoev V.D., Gadzhiev M.M. The National Policy of Post-Soviet Russia in the North Caucasus and the Problems of Overcoming the Crisis. Vladikavkaz: Ir, 2017, 342 p.)

Авторы монографии – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Горского ГАУ В.Д. Дзидзоев и доцент кафедры философии и политологии ДГУ, кандидат политических наук М.М. Гаджиев – известные своими многочисленными исследованиями проблем национальной политики и межнациональных отношений, национально-государственного строительства на Кавказе и федеративного устройства Российской Федерации. В новом издании рассматривается несколько актуальных взаимосвязанных проблем современности. Проводится глубокий анализ политико-правовых и исторических вопросов советского национально-государственного строительства в республиках Северного Кавказа, в том числе в Северной Осетии, Ингушетии и Дагестане.

Авторы затрагивают проблемы, корни которых уходят в анналы истории, но они имеют выход на постсоветский период, дают оценку общественно-политической обстановке на Северном Кавказе. Сегодня нехватки в исследованиях по национальной политике и межнациональным отношениям, различным аспектам этнополитических процессов в многонациональном и поликонфессиональном регионе как будто нет. Но отдельные ученые грешат поверхностным подходом, однобокими оценками, многократными повторами общеизвестных истин, их труды не содержат серьезного анализа и концептуальных выводов по проблеме выхода из кризисного состояния. В этом отношении исследование В.Д. Дзидзоева и М.М. Гаджиева существенно отличается от многих предыдущих. Можно с уверенностью сказать, что оно получит должную оценку в научных кругах.

В рецензируемой монографии многие аспекты привлекают внимание своей научной разработанностью, логикой изложения и солидными выводами. Авторы дают собственную оценку общественно-политическим событиям и межнациональным отношениям на Северном Кавказе, в частности, между осетинами и ингушами, отдельными горскими народами и казаками и т.д. Добавим, что и некоторые дагестанские народы, например кумыки и аварцы, лакцы и дагестанские чеченцы («чеченцы-аккинцы»), имеют серьезные претензии друг к другу в сфере современных этнополитических процессов.

Исследователи не просто констатируют факты противостояния отдельных народов друг с другом, но и предлагают вполне приемлемые цивилизованные варианты выхода из создавшегося положения. Они призывают решать все спорные вопросы на основе Конституций республик Северного Кавказа и Российской Федерации в политико-правовом русле, а не в историческом.

Проблемы межнациональных отношений и этнополитических процессов на Северном Кавказе осложняются многими факторами. Одной из главных причин являются многократные изменения административных границ в советский период между национально-государственными образованиями в регионе. Так, после депортации балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей в 1944 г. административные границы между республиками Северного Кавказа претерпели существенные изменения. А через 13 лет, когда восстанавливали Чечено-Ингушскую АССР, а Кабардинская АССР снова стала, как и в 1944 г., Кабардино-Балкарской АССР, административные границы опять изменились. Были и иные причины, которые побуждали партийно-советские органы к изменению административных границ. Наглядным примером может служить разделение ногайских поселений между Ставропольским краем, Карачаево-Черкесской Республикой и Республикой Дагестан.

В исследовании поднимаются и другие проблемы, которых накопилось достаточно много в самом сложном регионе Российской Федерации. Большинство из них не только анализируются на высоком научном уровне, но и предлагаются, как подчеркивалось выше, разумные выходы из создавшегося положения. Это несомненное отличие рецензируемой монографии от многих других, выходивших в свет в предыдущие

годы. Исследование В.Д. Дзидзоева и М.М. Гаджиева представляет собой сочетание серьезного теоретического, конкретно-исторического и политико-правового анализа.

Хотя некоторые варианты решения проблем, предлагаемые авторами, конечно же, будут восприняты неоднозначно.

Монография содержит богатую источниковую базу, несет фактологическую достоверность и научную аргументированность. Отметим еще одну характерную особенность авторского исполнения. Ученых, видимо, не устраивают старые историографические штампы, устаревшие подходы к решению проблем и различного рода клише. Именно поэтому они дают собственную научно обоснованную и достаточно оригинальную оценку общественно-политическим событиям и острым межнациональным отношениям в постсоветском многонациональном регионе.

Высокий уровень профессиональной подготовки авторов позволяет им грамотно сформулировать свое мнение по поводу сложных и противоречивых этнополитических процессов в регионе, приводя немало убедительных аргументов и фактов. Они подчеркивают, что рассматриваемые ими этнополитические проблемы пока не получили должного освещения в отечественной исторической, политической и правовой сферах и литературе. Некоторые проблемы национально-государственного строительства, например территориальная целостность субъекта РФ, нуждаются в более глубоком научном анализе. Отдельные злободневные вопросы в сфере межнациональных отношений и общественно-политических процессов в регионе еще недостаточно изученны. Хочется надеяться, что новые поколения исследователей станут больше придерживаться принципов научности, историзма, правдивости, объективности и т.д.

Авторы попытались по-новому посмотреть на «старые проблемы» этнополитического характера, которые тревожат общественность республик региона и Российской Федерации. Некоторые из них являются по сути своей угрозами и вызовами национальной безопасности страны. К ним можно отнести не только кровавые события осени 1992 г. и их трагические последствия, но и войны и вооруженные конфликты на территории Южной Осетии в постсоветский период, признание Российской Федерацией и некоторыми другими государствами суверенитета Абхазии и Южной Осетии. Эти проблемы современной этнополитики стали предметом серьезного анализа в рецензируемом издании.

Монография В.Д. Дзидзоева и М.М.Гаджиева насыщена разнообразной и интересной информацией. В ней отражено и проанализировано большое количество фактов досоветского, советского и постсоветского периодов, приведено множество документов и свидетельств, выдвинуты новые исторические и политико-правовые подходы и предложения. Но имеются и некоторые спорные позиции. Однако все выводы и концептуальные положения, по нашему убеждению, заслуживают того, чтобы над ними подумать и сторонникам, и оппонентам. А самое главное, должны обратить серьезное внимание на труд ученых в министерствах по делам национальностей Северной Осетии, Дагестана, Ингушетии, других республик региона.

Отличительной особенностью монографии является комплексный характер проведенного авторами анализа. Книга написана хорошим, ярким, живым языком, что не превращает чтение объемного научного труда в мучительный процесс «расшифровки клинописей».

В то же время считаем, что с учетом объединения Севера и Юга Осетии следовало уделить больше внимания сложным межнациональным отношениям и этнополитическим процессам в постсоветский период в Южной Осетии. Авторы обошли вниманием глубинные причины оттока русского и русскоязычного населения из республик Северного Кавказа в постсоветский период, хотя в VII главе имеется специальный параграф, посвященный этой проблеме. Следовало также глубже проанализировать маслиат в Дагестане как надежный механизм согласования интересов и достижения мира не только в Дагестане, но в целом и в регионе. Однако высказанные замечания носят доброжелательный характер и продиктованы желанием помочь в дальнейшей работе ученых, которые нам подарили фундаментальный труд на актуальную тему, над которой они трудились многие годы.

А.И. Ибрагимов,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Б.Г. Койбаев,
доктор политологических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Непосредственно транслитерацию можно сделать на сайте http://translit.net/, выбрав вкладку Варианты – BSI. Примеры для ее оформления даны ниже.

Монографии, книги целиком

Tsygankov A.P. *Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiya, dinamika* [Modern Political Regimes: Structure, Typology, Dynamics]. Moscow, Interpraks, 1995, 296 p.

Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Russia from Ancient Times to Our Days]. Ed. A.N. Sakharov. Moscow, AST, 2017, 1744 p.

Статьи в журналах

Gubanov S. Neoindustrializatsiya plyus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neoin-dustrialization Plus Vertical Integration (on a formula for the development of Russia)]. *Ekonomist*. 2008, No. 9, pp. 3-27.

Диссертации, авторефераты

Pas'ko E.A. *Kolonizatsionnaya politika Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya chetvert' XIX vv*.) : dis. … kand. ist. nauk [Colonization Policy of Russia (the Second Half of the XVIII - First Quarter of the XIX Century]. Rostov-on-Don, 2003, 240 p.

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed 11.10.2014).

Mangeim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia]. Available at: http://royallib.com/read/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html# 20480 (accessed 19.02.2017).

Нормативные и архивные документы

O sredstvakh massovoi informatsii [About the mass media] : zakon RF ot 27.12.1991 No. 2124-1. Moscow, 1991.

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Center for Documentation of the Newest History of the Rostov Region]. Fund 5. In. 1. File 35. L. 40.

GOST R 7.0.5-2008. Bibliograficheskaya ssylka. Obshchie trebovaniya i pravila sostavleniya [GOST R 7.0.5-2008. Bibliographic reference. General requirements and rules of compilation]. Moscow, 2008, 30 p.

Материалы конференций, семинаров, сборники

Akoeva N.B. [Transformation of Traditional Values in the Service Cossacks during the First World War]. *Kazaki i gortsy v gody Pervoi mirovoi voiny* [Cossacks and Highlanders during the First World War]. Proceedings of Russian scient. conf. with intern. partic. Rostov-on-Don, 2014, pp. 123-136.

Цена свободная

Индекс 70414

Научно-образовательный и прикладной журнал

«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки и археология.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке − через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс − 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.
Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».
Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.
E-mail: **izvestiya@sfedu.ru**.
Адрес в Интернете: **www.izvestiya.sfedu.ru**.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2018-2.
Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2018. № 2